

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 2 (6)

Иркутск
Издательство БГУЭП
2014

УДК 343(06)
ББК 67.408
С34

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Редакционная коллегия:

проф. А.А. Протасевич (отв. ред.), проф. И.В. Смолькова (науч. ред.),
проф. И.Г. Смирнова, доц. М.С. Дунаева (отв. ред. вып.),
доц. В.Н. Китаева (отв. секр.)

*Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы
ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях
обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-
процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого
в рамках проектной части государственного задания
Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности
(номер задания 29.1247.2014/К).*

С34 Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические
чтения : сб. науч. тр. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. — Вып.
2 (6). — 186 с.

ISBN 978-5-7253-2757-1

В сборник включены статьи, подготовленные учеными-
процессуалистами — представителями научной школы, создан-
ной доктором юридических наук, профессором Ираидой Вяче-
славовой Смольковой.

Издание предназначено для научных работников, преподава-
телей, аспирантов и студентов юридических факультетов, а также
всех, кто интересуется проблемами уголовно-процессуального
права.

ББК 67.408

ISBN 978-5-7253-2757-1

© Издательство БГУЭП, 2014

*Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Ираида Вячеславовна Смолькова*

СОДЕРЖАНИЕ

Смирнова И.Г. Дороги, которые мы выбираем (вместо предисловия)	6
Буфетова М.Ш. Некоторые проблемы производства судебно- психиатрической экспертизы по делам о применении принудительных мер медицинского характера.....	8
Варнаховская Е.М. Волеизъявление потерпевшего — одно из условий реализации его процессуальных прав на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства.....	12
Давыдова М.В. Развитие института взаимной правовой помощи по уголовным делам в российском уголовно-процессуальном законодательстве.....	21
Днепровская М.А. Особенности формирования внутреннего убеждения судьи при принятии решения	29
Дунаева М.С. Частная жизнь и уголовное судопроизводство: соотношение публичных и частных интересов.....	34
Зеленская Т.В. Основные направления уголовно-процессуальной деятельности.....	42
Исакова Т.В. Психолого-криминалистический подход к изучению условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, совершившего преступление	51
Исламова Э.Р. Проблемы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела	58
Корнакова С.В. К вопросу о принципе справедливости.....	64
Коршакевич Н.Г. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон — право или обязанность суда?.....	71
Лавдаренко Л.И. Категория функций в уголовном судопроизводстве.....	76
Литвинцева Н.Ю. Свидетельский иммунитет адвоката как гарантия неприкосновенности частной жизни	87

<i>Лукошкина С.В.</i> О процессуальном иммунитете адвоката в российском уголовном судопроизводстве	95
<i>Мазюк Р.В.</i> О роли функции обвинения (уголовного преследования) в российском уголовном судопроизводстве	103
<i>Мисник И.В.</i> Особенности правового регулирования процессуального положения представителя потерпевшего.....	112
<i>Осодоева Н.В.</i> Некоторые проблемы свидетельского иммунитета в российском уголовном судопроизводстве	120
<i>Плеснева Л.П.</i> Совместное планирование как форма взаимодействия следователя с органами дознания.....	125
<i>Родивилина В.А.</i> Использование видеоконференцсвязи при допросе в досудебном производстве.....	133
<i>Самойлова Ж.В.</i> Особенности гражданского иска в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран.....	138
<i>Самсонова О.А.</i> К вопросу о реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовного дела в суде	145
<i>Сергеева О.С.</i> Формирование понятия «вещественные доказательства» в российском уголовном судопроизводстве	152
<i>Смирнова И.Г.</i> Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И.В. Смольковой	158
<i>Степанова В.Г.</i> Назначение института частного обвинения по действующему уголовно-процессуальному законодательству и пределы частного обвинения	168
<i>Усачев А.А.</i> Участие психолога в производстве следственных действий	179

Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь.

В.О. Ключевский

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Уважаемый читатель, Вы держите в руках уникальное по своей задумке издание!

Что такое жизненный путь творческой личности? Ученого? Учителя? Это каждодневная работа ума, интеллекта; напряжение всех душевных сил; груз ответственности за свое печатное слово, а также за своих учеников.

Герой одного из рассказов О. Генри Боб Тидбол сказал, что «дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу». Сказанное в полной мере применимо к научному пути Ираиды Вячеславовны.

Задача истинного ученого, посвятившего свою жизнь работе в высшем учебном заведении, триединая: преподавание, развитие научных и творческих начал молодежи, формирование собственной научной школы, основанной на идеях нравственности, справедливости, гуманизма.

Следует признать, что Ираиде Вячеславовне Смольковой, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу РФ, заведующей кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета экономики и права, это удалось в полной мере! Основоположница института тайны в уголовном судопроизводстве, Ираида Вячеславовна настоятельно с присущим ей тактом и заслуживающей доверия и уважения аргументацией обосновывает необходимость соблюдения и защиты частных интересов в ходе уголовного судопроизводства; взаимосвязь целей процесса и процессуальных средств их достижения; стремление к компромиссу в ситуациях развития уголовно-процессуального конфликта.

За свою научную деятельность Ираидой Вячеславовной подготовлено 32 кандидата юридических наук и один доктор юридических наук по самым разнообразным вопросам уголовно-процессуального права. Так, в орбиту научных интересов учеников Ираиды Вячесла-

вовны попали такие проблемы, как аксиология уголовного судопроизводства, тайна частной жизни, процессуальный статус отдельных участников уголовного судопроизводства, презумпции и преюдиции, меры принуждения, отдельные стадии уголовного процесса, особые производства и даже вопросы международного сотрудничества по уголовным делам. Основой абсолютно всех диссертаций, защищенных под руководством Смольковой Ираиды Вячеславовны, являются привитые ею идеи добра, нравственности, справедливости.

Итак, уважаемый читатель, у Вас в руках интересное издание: сборник научных статей ряда учеников Ираиды Вячеславовны Смольковой как оригинальная форма поздравления Учителя с юбилеем, как средство подведения промежуточного итога развития научной уголовно-процессуальной школы, как низкий поклон и глубокая благодарность учеников своему Учителю.

Доктор юридических наук, заведующая
кафедрой криминалистики и судебных
экспертиз Байкальского государственного
университета экономики и права
И.Г. Смирнова

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПО ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

В статье рассматриваются проблемы производства судебно-психиатрической экспертизы по делам о применении принудительных мер медицинского характера. Освещаются особенности допроса эксперта, проводящего судебно-психиатрическую экспертизу в рамках предварительного следствия.

Ключевые слова: судебно-психиатрическая экспертиза; эксперт; принудительные меры медицинского характера.

M.Sh. Bufetova

**SOME ISSUES OF FORENSIC PSYCHIATRICAL
EXAMINATION CONCERNING THE APPLICATION
OF MEDICAL MEASURES OF COMPULSION**

The article deals with the issues of forensic psychiatric examination concerning the application of medical measures of compulsion and the features of expert examination in the preliminary investigation.

Key words: forensic psychiatric examination; expert; medical measures of compulsion.

Для решения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера важное значение имеет правильное установление психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, и момента возникновения у него психического расстройства. Поэтому специфической чертой расследования деяний невменяемых и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления, является обязательное назначение судебно-психиатрической экспертизы.

Процессуальная форма, регламентирующая порядок назначения экспертизы, определяет, что следователь должен направить руководителю соответствующего экспертного учреждения постановление о

назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства. По мнению Ф.С. Сафуанова, назначение экспертизы обуславливает особые требования при сборе таких материалов. Так, в частности, данные о личности подэкспертного лица не должны ограничиваться характеристиками с места работы и жительства, которые часто являются довольно формальными по содержанию; желательно собрать полные биографические данные (наследственность, особенности воспитания в семье, успеваемость и взаимоотношения в учебных заведениях), сведения об отношении к семье, работе, сослуживцам, друзьям, к самому себе, о поведении, об особенностях реагирования в экстремальных ситуациях [2, с. 20].

Достаточно часто следователи игнорируют данные, вызывающие сомнение в психической полноценности лица, в отношении которого ведется производство, что приводит к несвоевременному назначению судебно-психиатрической экспертизы и, в конечном счете, к нарушению прав и законных интересов лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Вменяемость, несомненно, презюмируется по каждому уголовному делу, но доказывать необходимо не вменяемость, а наличие психического расстройства у лица, если к этому появляются основания. Не случайно закон предписывает в каждом «сомнительном» случае прибегать к назначению судебно-психиатрической экспертизы. Р.И. Михеев предлагал по каждому уголовному делу проводить судебно-психиатрическую экспертизу, поскольку это единственный способ доказать вменяемость [1, с. 34].

С такой позицией можно согласиться лишь отчасти. Проведение такой экспертизы по каждому уголовному делу — это достаточно сложное и дорогостоящее мероприятие, которое будет усложнять процесс и нарушать права и свободы человека. Однако во избежание ошибок при возбуждении уголовного дела или производства о применении принудительных мер медицинского характера необходима обязательная консультация специалиста-психолога, специалиста-психиатра по каждому делу. Думается, что реализация такой возможности существует в рамках проведения освидетельствования психического состояния лица до возбуждения уголовного дела. При проведении такой консультации у следователя не будет повода для сомнений.

Формы использования специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле предполагают передачу результатов работы

эксперта субъектам доказывания. Вместе с тем существует и другая возможность взаимодействия следователя и эксперта, предусмотренная ст. 205 УПК РФ, которая закрепляет право следователя по собственной инициативе либо по ходатайству других лиц допросить эксперта для разъяснения данного им заключения.

Необходимо отметить, что новое уголовно-процессуальное законодательство (ст. 80 УПК РФ) впервые объединяет в один вид доказательств заключение и показания эксперта, но проводит между ними различие по предмету содержащихся в них сведений и по форме представления. Показания эксперта могут быть получены только после того, как он представил свое заключение, поскольку лишь в результате ознакомления с ним участников процесса у последних может возникнуть потребность в разъяснениях и уточнениях сделанных экспертом выводов. Предмет показаний эксперта ограничен рамками его заключения. Эксперт не может быть допрошен по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, но не относящихся к ее предмету.

Эксперт допрашивается в тех случаях, когда требуется разъяснение терминов и формулировок; уточнение компетенции эксперта и его отношение к делу; более детальное объяснение использованных материалов и методик; объяснение расхождений между объемом поставленных вопросов и выводами, а также между членами экспертной комиссии; выяснение, в какой мере выводы основаны на следственных материалах и т.д.

Действительно, эксперты-психиатры в заключениях при описании данных наружного осмотра подэкспертного, состояния его внутренних органов, признаков поражения центральной нервной системы, результатов лабораторных исследований, данных, характеризующих соматическое состояние и свидетельствующих о наличии или отсутствии в этой сфере патологических изменений, используют специальную терминологию, не понятную должностным лицам, назначившим экспертизу и не обладающим познаниями в области психиатрии. Очевидно, что в этих случаях следователь, судья нуждаются в определенном рода пояснениях, которые помогли бы оценить экспертное заключение с точки зрения его полноты, истинности и достоверности.

На практике может возникнуть такая ситуация, когда подэкспертный в ходе экспертизы может сообщить эксперту о совершенном им преступном деянии, неизвестном следователю. Может ли в данной ситуации эксперт быть допрошен как свидетель? Безусловно, нет.

Допрос эксперта имеет цель получить разъяснения и дополнения ранее данного им заключения по данному делу. Последний является лицом, назначенным в качестве эксперта и отвечающим требованиям, предусмотренным УПК РФ, в то время как такие требования не распространяются на лицо, допрашиваемое в качестве свидетеля.

Располагая данными о тех или иных обстоятельствах, имеющих значение для дела, свидетель незаменим. Эксперт же, напротив, всегда заменим, потому что факты, для исследования которых он привлечен, существуют объективно в материалах уголовного дела и могут быть выявлены любым другим специалистом.

В настоящее время в уголовном судопроизводстве особое значение стал приобретать принцип гуманизма, уважения к человеку, бережного отношения к его доброму имени и правам. Это свидетельствует о том, что нравственные нормы, реализуемые в области судопроизводства, не отделяются от процессуальных норм, они включены в их содержание, являются необходимыми составляющими правовых предписаний и определяют нравственный смысл и назначение процессуальных норм, а также указывают на этически допустимые способы их реализации. Принцип уважения чести и достоинства играет особую роль в установлении данных о личности лица, в отношении которого возникли сомнения в его психической полноценности, поскольку при проведении освидетельствования, экспертизы, других следственных действий не подлежат разглашению сведения частной жизни граждан, а равно и другие сведения личного характера, в том числе данные о психическом заболевании (ст. 9 УПК РФ).

В целях сохранения тайны частной жизни считаю целесообразным наделить эксперта, специалиста (психолога), которые будут принимать участие в производстве о применении принудительных мер медицинского характера, свидетельским иммунитетом — в части, касающейся интимных сторон жизни подэкспертного. Следует согласиться с И.В. Смольковой в том, что «нуждаются в законодательном разрешении вопросы о наделении правом свидетельского иммунитета всех лиц, чья профессиональная деятельность связана с необходимостью сохранения личных тайн граждан (врач; субъекты, имеющие отношение к процедуре усыновления (удочерения); психолог; психотерапевт; нотариус; фармацевт)» [3, с. 151]. Представляется, что профессия эксперта-психиатра будет также уместна в данном перечне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Михеев, Р.И. Правоотношения, порождаемые деяниями не-вменяемого / Р.И. Михеев, Б.А. Протченко // Советское государство и право. — 1984. — № 1. — С. 34–38.

2. Сафуанов, Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе / Ф.С. Сафуанов. — М. : Гардарика : Смысл, 1998. — 120 с.

3. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М. : Луч, 1999. — 336 с.

Информация об авторе

Буфетова Марьям Шамильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, e-mail: maryamf@list.ru.

Information about the author

Bufetova Maryam Shamilievna — candidate of law science, associate professor of the Chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: maryamf@list.ru.

УДК 343.122(470)

ББК 67.410.201(2Рос)

Е.М. Варпаховская

ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО — ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ НА СТАДИЯХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В научной статье рассмотрены вопросы о современном регулировании в УПК РФ учета волеизъявления потерпевшего при реализа-

ции его процессуальных прав в уголовном судопроизводстве и необходимости расширения таковых возможностей.

Ключевые слова: потерпевший; защита прав; волеизъявление потерпевшего; сделки о признании вины; программы примирения.

E.M. Varpakhovskaya

VICTIM'S EXPRESSION OF WILL AS ONE OF THE CONDITIONS OF HIS PROCEDURAL RIGHTS REALIZATION ON THE STAGES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND COURT PROCEEDINGS

The article deals with issues of current regulations in the Procedural Code of Russia in respect of a victim's expression of will when his procedural rights during court proceedings being exercised, and necessity to broaden such opportunities.

Key words: victim; protection of rights; victim's expression of will; plea bargain; programs of conciliation.

Общеизвестно, что между гражданами возникает множество криминальных конфликтов, которые не имеют большого общественно-опасного характера и не затрагивают интересы государства и общества. Однако в соответствии с российским законодательством такие конфликты могут привести к уголовному преследованию. Заметим, что такие тяжбы увеличивают нагрузку на органы предварительного расследования и суды, увеличивают финансовые расходы как участников разбирательства, так и государства в целом. Кроме того, сложность уголовного судопроизводства обескураживающе действует даже на тех потерпевших, кто уверен в своей правоте и справедливости своих требований.

В условиях роста преступности, споров и конфликтов, недостаточной ресурсной обеспеченности системы юстиции логически возникает необходимость расширения действия института примирения потерпевшего с обвиняемым.

«Примириться» означает «мириться, прекращать вражду, восстанавливать согласие, мирные отношения; терпимо относиться к чему-либо» [11, с. 350]. Следовательно, примирение представляет собой соглашение о прекращении конфликта и возникшего в связи с этим судебного спора миром, без вмешательства государства. Оно возможно, как правило, при условии, что потерпевший получил соответ-

ствующее удовлетворение, определенную компенсацию причиненного преступлением вреда.

В настоящее время в российском уголовном процессе не существует единого института примирения сторон. Правовая регламентация примирения потерпевшего с обвиняемым регулируется двумя нормами УПК РФ.

Первый вид примирения предусмотрен в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, согласно которой уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 128¹ УК РФ, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Такое примирение обязательно для государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. В этой связи справедливо отмечают некоторые процессуалисты: «Продолжение процесса против воли потерпевшего в таких случаях означало бы подмену его интересов интересами государства, превращение уголовного процесса в неуправляемую машину репрессии, чуждую интересам личности и цели защиты прав человека» [17, с. 60].

Действительно, такая императивность вполне оправдана: ведь по делам частного обвинения преступлением затронут лишь интерес потерпевшего, а не государства или общества, а значит, потерпевшему решать — продолжать обвинение или заявить о примирении с обвиняемым. Однако УПК РФ предусматривает всего три состава преступления, по которым возможно такое примирение. Представляется, что этот перечень дел крайне мал, поэтому поддерживаем предложение некоторых ученых о расширении на начальной стадии процесса возможности урегулирования криминальных и уголовно-процессуальных конфликтов между пострадавшим и обвиняемым на основе распространения института частного обвинения на более значительный круг дел о преступлениях против личности, личной и частной собственности [7, с. 74; 15, с. 138]. В связи с этим И.Л. Петрухин справедливо замечает: «Публичное начало в правосудии должно быть сведено к минимуму благодаря усилению состязательности сторон. Гипертрофирование принципа публичности лишь внешне носит гуманный характер. На самом деле это неуважение личности, с волеизъявлением которой перестают считаться якобы в ее же интересах... Следовало бы усилить начало диспозитивности в уголовном процессе, расширив круг дел частного обвинения» [12, с. 163–164].

Второй вид уголовно-процессуального примирения урегулирован в ст. 25 УПК РФ, согласно которой возможно прекращение уголовного дела за примирением обвиняемого с потерпевшим, но только по преступлениям небольшой или средней тяжести, при условии, что обвиняемый загладил причиненный преступлением вред и примирился с потерпевшим. Здесь же следует отметить, что прекращение уголовного дела по данному основанию является правом, но не обязанностью дознавателя, следователя, суда (т.е. указанные должностные лица принимают решение о прекращении за примирением по своему усмотрению).

Бесспорно, закрепление данной нормы в УПК РФ заслуживает одобрения. Под эти условия подпадают более 150 составов преступлений, предусмотренных УК РФ. На первый взгляд, цифра немалая. Но при внимательном изучении данных норм можно заметить, что объектом правовой охраны примерно половины этого перечня преступлений являются не только личность или собственность конкретного лица, но и общественная безопасность и общественный порядок, интересы службы в коммерческих организациях, общественная нравственность, экологическая безопасность (например, ст. 185³ — манипулирование рынком, ст. 201 — злоупотребление полномочиями, ч. 1 ст. 217 УК РФ — нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах; ч. 1 ст. 236 УК РФ — нарушение санитарно-эпидемиологических правил; ст. 325 УК РФ — похищение или повреждение документов, штампов, печатей и т.п.). Наличие потерпевшего по этим делам не исключает того, что данные преступления создают угрозу для населения в целом, а не только для отдельных частных лиц. Прекращение уголовного дела только на основании волеизъявления конкретного потерпевшего и примирения его с обвиняемым по таким уголовным делам нельзя признать справедливым.

Следовательно, необходимо откорректировать перечень преступлений, по которым возможно прекращение уголовного дела за примирением обвиняемого с потерпевшим следующим образом: с одной стороны, из данного перечня следует исключить преступления, которые затрагивают публичные интересы (например, составы преступлений, предусмотренные ст. 170, 177, 185, 249, 322 УК РФ и др.); с другой стороны, напротив, необходимо расширить круг дел, прекращаемых за примирением потерпевшего с обвиняемым по делам небольшой и средней тяжести, когда затронуты интересы только частных лиц, ибо потерпевший, чьи интересы прежде всего пострадали, должен обладать

правом выступить с инициативой прекращения уголовного преследования. По данному поводу справедливо высказался Н.Н. Ковтун: «Потерпевший может в любой момент отказаться от «иска», если сочтет спор исчерпанным, а право восстановленным. У государства в этой ситуации, нет, и не может быть правовых претензий к лицу, совершившему преступление, ибо его права и интересы здесь не нарушены, спорное правоотношение принадлежит не ему» [4, с. 69].

Введение в уголовно-процессуальный закон нечеткой нормы о прекращении уголовных дел за примирением сторон породило еще одну проблему — кто из компетентных государственных органов и должностных лиц может принимать такое решение? Одна часть процессуалистов полагает, что законность прекращения уголовных дел за примирением следует поставить под контроль суда, решение о примирении должно утверждаться судом [17, с. 61]. Главный аргумент сторонников данной позиции состоит в том, что для того, чтобы защитить интересы потерпевшего от незаконного воздействия на него со стороны обвиняемого (подсудимого) необходима судебная проверка того, не нарушает ли примирение законных интересов сторон. Так, И.Л. Петрухин предлагал следующую процедуру прекращения уголовного дела за примирением: «Следователь с согласия прокурора передает дело в суд со своим заключением о необходимости прекращения дела; суд рассматривает дело в распорядительном заседании с участием прокурора, обвиняемого, защитника, потерпевшего, при необходимости исследует отдельные сомнительные доказательства и выносит определение о признании лица виновным в совершении преступления с освобождением от уголовной ответственности за примирением и возвращает дело прокурору» [12, с. 198].

Думается, что такая громоздкая процедура, с одной стороны, усложнит и без того напряженную работу судов, с другой, — потерпевший будет подвергнут очередному вызову в правоохранительные органы и допросу, в связи с чем ему придется вновь испытать переживания от воспоминаний о совершенном преступлении. Представляется более верной точка зрения тех процессуалистов, которые считают возможным прекращение уголовных дел публичного обвинения по нереабилитирующим основаниям (в том числе за примирением сторон) без судебного рассмотрения [1, с. 21–22; 5, с. 19–20], так как на практике по большинству имущественных преступлений потерпевшие «не жаждут крови», а лишь желают только возместить причи-

ненный преступным деянием вред, а виновный согласен это сделать при условии прекращения уголовного дела.

В рассматриваемом аспекте необходимо затронуть концептуальную для нашей правовой системы проблему легализации в российском уголовно-процессуальном законодательстве так называемых «сделок о признании вины». На эту проблему в конце XX в. обратили внимание российские ученые и практики [6, с. 40; 10, с. 37; 14, с. 12]. Не секрет, что в отечественной судебной практике нередко были случаи, когда стороны, руководствуясь соображениями здравого смысла и своими процессуальными интересами, вступали в подобного рода соглашения, при этом формы таких соглашений оказывались произвольными и с трудом укладывались в рамки действовавшего в то время законодательства (УПК РСФСР 1960 г.), однако в целом они не противоречили его задачам и принципам. В связи с этим в литературе было высказано справедливое, по нашему мнению, суждение о том, что, вводя в закон и судебную практику сделки о признании вины, необходимо на начальном этапе ограничить эту процедуру делами о преступлениях небольшой и средней тяжести с последующим распространением ее на другие категории деяний [18, с. 112].

Следует отметить, что классическое понятие «сделки о признании вины» сводится к тому, что обвинение и защита достигают соглашения, согласно которому подсудимый признает часть предъявленных ему обвинений в обмен на отказ прокурора от поддержания остальных обвинений или смягчения наказания. Такая договоренность влечет отказ подсудимого от суда присяжных и немедленное (без судебного следствия) вынесение судьей приговора по обвинениям, признанным подсудимым. В США данный институт успешно функционирует более 150 лет. Подобного рода сделки регламентированы и в уголовном процессе Англии, Германии, Израиля, Испании, Италии и других стран [2, с. 38].

Однако не все процессуалисты разделяли подобную точку зрения. По мнению некоторых авторов, «...поспешные, непродуманные попытки внедрить рассматриваемый институт в наш уголовный процесс принесут больше вреда, чем пользы» [8, с. 17; 9, с. 38]. При этом основные аргументы в обоснование данной позиции сводились к тому, что к этому не готовы работники органов дознания, предпочитающие нередко лишь насильем и угрозами добиваться признания вины, а значительная часть граждан не в состоянии пока дать должный отпор давлению с целью вынудить признание вины; возрастут

возможности для взяточничества в правоохранительных органах; преступники перестанут бояться угрозы уголовного наказания. Полагаем, что эти аргументы не были убедительными. Во-первых, наша страна поддерживает международные договоры о неприменении пыток, насилия и угроз при проведении расследования, поэтому при установлении таких фактов принимаются меры к их устранению. Во-вторых, в сделках о признании вины недостаточно одного признания вины обвиняемым. Ведь даже в США, где сделки о признании вины допускаются в неограниченных пределах, «потерпевший играет принципиальную роль в вопросе о том, чтобы прокурор заключил сделку о признании вины с обвиняемым» [3, с. 143]. Поэтому и в российском уголовном процессе при закреплении сделок о признании вины, несомненно, обязательным условием должно быть согласие потерпевшего как равноправной стороны обвинения.

Как справедливо заметила незадолго до принятия УПК РФ И.В. Смолькова, «если в ближайшее время не принять соответствующие меры по увеличению пропускной способности правоохранительной системы, то она просто рухнет» [15, с. 139]. С учетом изложенных доводов, идея о введении в российское законодательство сделок о признании вины была поддержана автором, считая этот шаг своевременным и целесообразным.

Поэтому, несомненно, в качестве позитивной следует признать попытку законодателя легализовать в УПК РФ своеобразный вариант сделок о признании вины с учетом волеизъявления потерпевшего в главе 40 УПК РФ — «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением», где предусмотрено наиважнейшее правило о том, что «обвиняемый при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы» (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Отметим позитивную тенденцию развития отечественного законодательства в данной части. Первоначально при принятии и вступлении УПК РФ в действие с 1 июля 2002 г. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением был возможен только по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые не превышало пяти лет лишения свободы.

Вместе с тем отечественный особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением существенно отличается от принятого в англо-саксонской системе порядка заключения так называемой «сделки о признании вины». В ст. 314 УПК РФ нет сделки как таковой, речь идет о полном признании обвиняемым вины и только по определенным видам преступлений. В качестве поддержки наиболее широкого применения данного института законодатель в ч. 2 ст. 316 УПК РФ предусмотрел некоторую льготу — в случае полного признания вины наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого наказания за данное преступление.

Необходимо подчеркнуть, что закрепление в УПК РФ главы 40 «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением» стало важным шагом российского законодателя, с одной стороны, к расширению учета волеизъявления потерпевшего в уголовном судопроизводстве, а с другой — к снижению нагрузки на судей, которые освобождены от необходимости исследования представленных доказательств.

Рассматривая данную проблему, следует отметить, что в ряде зарубежных стран (США, Канаде, Англии, Германии, Франции, Финляндии и др.) широко применяются программы по примирению жертв и преступников, которые действуют вне уголовно-процессуальных процедур, хотя уголовные дела направляют суды. В них во главу угла ставятся интересы жертвы преступления, которая и будет решать вопрос о подписании соглашения и способе возмещения ущерба или заглаживания вреда [16, с. 163]. Полагаем, что и в нашей стране уже давно возникла необходимость в разработке и применении аналогичных программ применительно к уголовному судопроизводству, и тогда интересы потерпевшего будут учтены в большей степени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев, В.П. Прекращение дел на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / В.П. Божьев // Российская юстиция. — 1996. — № 5. — С. 21–22.
2. Булатов, Б.Б. Уголовный процесс зарубежных стран / Б.Б. Булатов, В.В. Николук. — Омск : Изд-во юрид. ин-та МВД России, 1999. — 52 с.

3. Власихин, В.А. Служба обвинения в США: Закон и политика / В.А. Власихин. — М. : Юрид. лит., 1981. — 176 с.
4. Ковтун, Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора / Н.Н. Ковтун // Государство и право. — 1995. — № 11. — С. 66–69.
5. Кореневский, Ю. Противоречит ли Конституции прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям? / Ю. Кореневский // Российская юстиция. — 1997. — № 1. — С. 19–20.
6. Лазарева, Л. Легализация сделок о признании вины / Л. Лазарева // Российская юстиция. — 1999. — № 5. — С. 40–41.
7. Ларин, А.М. Наш инквизиционный процесс / А.М. Ларин // Судебная власть: надежды и реальность. — М. : Манускрипт, 1993. — С. 71–77.
8. Махов, В. Сделка о признании вины / В. Махов, М. Пешков // Российская юстиция. — 1998. — № 7. — С. 17–18.
9. Михайлов, П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших / П. Михайлов // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 37–38.
10. Морозова, И. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения / И. Морозова, А. Анненков, С. Дадонов // Российская юстиция. — 2000. — № 10. — С. 35–37.
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Азбуковник, 1997. — 944 с.
12. Петрухин, И.Л. Правосудие: время реформ / И.Л. Петрухин — М. : Наука, 1991. — 207 с.
13. Рустамов, Х.У. Дифференциация форм уголовного процесса (современные тенденции и проблемы совершенствования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Х.У. Рустамов. — М., 1998. — 24 с.
14. Смолькова, И.В. Реализация идеи компромисса в уголовном процессе / И.В. Смолькова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. — Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД РФ, 2000. — С. 137–139.
15. Ховард, З. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / З. Ховард ; под общ. ред. Л. М. Карнозовой. — М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. — 354 с.

16. Шамардин, А. Примирение сторон и отказ от поддержки обвинения должны утверждаться судом / А. Шамардин // Российская юстиция. — 2001. — № 2. — С. 59–61.

17. Юношев, С.В. Адвокат — представитель потерпевшего : Дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Юношев. — Самара, 2000. — 214 с.

Информация об авторе

Варнаховская Елена Михайловна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: lenavarp@mail.ru.

Information about the author

Varpakhovskaya Elena Mikhailovna — Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Prosecution Organization and Methods Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Shevtsova st., 1, Irkutsk, Russia, 664035, e-mail: lenavarp@mail.ru.

УДК 343.1 (19)

ББК 67.411

М.В. Давыдова

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются основные этапы развития в российском законодательстве норм, регулирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Автор разграничивает отношения по вопросам взаимной правовой помощи по уголовным делам, выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, передачи судопроизводства по уголовному делу в иностранное государство, а также определяет место регулирующих эти

отношения норм в современном уголовно-процессуальном законодательстве России.

Ключевые слова: международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства; взаимная правовая помощь по уголовным делам; выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора; международные договоры.

M.V. Davydova

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF MUTUAL LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL CASES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

The article considers the main stages of development in the Russian legislation norms governing international co-operation in the sphere of criminal justice. The author delineates the relationship on mutual legal assistance in criminal cases, extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentence, the transfer of proceedings in a criminal case to a foreign state. The author also determines the place of norms governing these relations in the modern criminal procedure legislation of Russia.

Key words: international co-operation in the sphere of criminal justice; mutual legal assistance in criminal cases; extradition of persons for criminal prosecution or execution of sentence; international agreements.

Сотрудничество государств по вопросам борьбы с преступностью долгое время регулировались исключительно международными нормами. Но на определенном этапе развития этих отношений, когда в международные договоры стали включаться положения, непосредственно касающиеся деятельности компетентных органов и должностных лиц государств-участников в сфере уголовного судопроизводства, стало очевидным, что реализация международных норм невозможна без соответствующего внутригосударственного регулирования.

В российском законодательстве такие нормы появились в XIX в. Статьи 179–181 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г., закрепляющие возможность применения норм Уложения в отношении российских подданных, совершивших преступления против российского государства и находящихся вне пределов России, содержали положения о выдаче указанных лиц [12, с. 210–211]. Данные нормы закрепили «материально-правовые основы экстрадиции и других форм международного сотрудничества в

сфере уголовного судопроизводства» [5, с. 67]. Особое значение для регулирования рассматриваемых отношений имела ст. 190 Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г., закрепившая возможности международного сотрудничества судебных мест и должностных лиц судебного ведомства Российской Империи. Согласно указанной статье, «сношения судебных мест и должностных лиц империи с судебными и другими местами иностранных государств производятся посредством министра юстиции через министерство иностранных дел» [13, с. 52].

При осуществлении правовой помощи компетентные органы исходили из «территориального принципа»: «Все процессуальные действия происходят согласно нормам того государства, где они предпринимаются, и подлежат оценке по процессуальным нормам государства, где производится суд» [14, с. 54].

В советский период данная сфера деятельности правоохранительных и судебных органов, непосредственно связанная с выполнением международно-правовых обязательств нашего государства, оставалась слабо урегулированной внутригосударственным правом, поскольку в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствовал механизм реализации норм международного права в уголовном процессе [2, с. 46; 11, с. 101]. Вместе с тем указанные вопросы нашли отражение в ряде нормативных актов, в частности, в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1926 г. «О порядке сношений правительственных учреждений и должностных лиц Союза ССР и союзных республик с правительственными учреждениями и должностными лицами иностранных государств», в котором устанавливался общий порядок взаимодействия компетентных органов через НКВД СССР (позднее МИД СССР) [5, с. 82]. Аналогичное положение содержалось и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1947 г. «О порядке сношений государственных учреждений СССР и их должностных лиц с учреждениями и должностными лицами иностранных государств» [3, ст. 2]. В последующем перечень органов, компетентных осуществлять непосредственное взаимодействие с иностранными органами и должностными лицами, существенно расширился. В Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9132-ХІ «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» к таким органам были отнесены: Министерство юстиции СССР — по всем вопросам, связанным с работой судов, по

вопросам представления сведений о действующем или действовавшем в СССР законодательстве и в иных случаях, прямо предусмотренных договорами; Верховный Суд СССР — по вопросам его судебной деятельности; Прокуратура Союза ССР — по вопросам, связанным с возбуждением уголовного преследования, проведением дознания и предварительного следствия, выдачи и перевозки выданных лиц, сообщения о результатах уголовного преследования и всем другим вопросам, связанным с работой органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, а также в иных случаях, прямо предусмотренных договорами; Министерство иностранных дел СССР — по вопросам истребования и пересылки документов об актах гражданского состояния и в иных случаях, прямо предусмотренных договорами. На Верховный Суд СССР и Прокуратуру Союза ССР было возложено и решение вопроса о возможности применения при исполнении поручения процессуального законодательства соответствующего иностранного государства [4, ст. 428].

УПК РСФСР содержал лишь отсылочную норму (ст. 32), которая закрепляла следующее положение: «Порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с судебными-следственными органами иностранных государств, а равно порядок выполнения поручений последних определяется законодательством Союза ССР и РСФСР и международными договорами, заключенными СССР и РСФСР с соответствующими государствами».

Содержание указанной статьи предусматривало обязанность правоохранительных органов нашего государства по оказанию правовой помощи компетентным органам иностранных государств путем выполнения отдельных процессуальных действий, в частности, путем составления и пересылки документов, протоколов допроса обвиняемых, свидетелей, экспертов, осмотра, выполнения поручений о вручении документов и т.п. В объем правовой помощи включалась и выдача запрашивающему государству обвиняемых в совершении преступлений для осуществления их уголовного преследования и осужденных для приведения приговора в исполнение [7, с. 64–65].

Однако специальных норм, детально регулирующих порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с судебными-следственными органами иностранных государств при расследовании уголовных дел, выдачи лиц для уголовного преследования УПК РСФСР не содержал, что, безусловно, затрудняло практическое применение международных норм в уголовном судопроизводстве.

Подобная неполнота уголовно-процессуального регулирования объективно объяснялась отсутствием практики применения международных договоров и опыта законодательного регулирования в этой сфере [1, с. 107].

При разработке нового УПК РФ законодатель устранил существовавший ранее пробел и предусмотрел ряд глав, регламентирующих порядок взаимодействия правоохранительных органов с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями, выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачу осужденных к лишению свободы лиц для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются (гл. 53, 54, 55 УПК РФ соответственно).

Следует особо подчеркнуть, что в УПК РФ отразились мировые тенденции развития межгосударственного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства: произошла дифференциация норм, регулирующих оказание взаимной правовой помощи, выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора суда, передачу уголовного дела для осуществления уголовного преследования, передачу осужденных для отбывания наказания. Исходя из этого, как верно отмечает Р.З. Абдрашитова, стало возможным говорить об обособленном правовом регулировании соответствующих отношений [1, с. 108].

Место норм, регулирующих осуществление взаимной правовой помощи по уголовным делам, в системе российского права может быть определено, исходя из выработанных теорией права общих подходов [8, с. 430; 9, с. 396; 10, с. 175–176]:

– наличие определенных закономерных взаимосвязей между спецификой регулируемых отношений и особенностями их нормативно-правовой регуляции (однородные отношения регулируются однородными нормами);

– выделение на этой основе в качестве структурных элементов системы права: а) нормы права; б) отрасли права; в) подотрасли права; г) института права; д) субинститута;

– определение института права как упорядоченной совокупности юридических норм, регулирующих определенный вид общественных отношений;

– выделение определенных признаков в качестве юридического критерия обособления той или иной совокупности норм в конкретный правовой институт:

а) юридическое единство правовых норм (единство положений принципов, понятий, режима правового регулирования);

б) полнота регулирования определенной совокупности общественных отношений;

в) обособление норм права, образующих правовой институт, в главах, разделах, частных и иных структурных единицах нормативно-правовых актов.

Отношения взаимной правовой помощи по уголовным делам обладают однородностью и определенной спецификой, которая позволяет отграничивать их от иных отношений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства — отношений по выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора, осуществления уголовного преследования по запросу иностранного государства и других. Необходимость такого разграничения продиктована причинами как теоретического, так и практического характера. В этой связи нельзя не согласиться с В.В. Милинчук в том, что «недифференцированный подход к вопросам собственно правовой помощи по уголовным делам и экстрадиции привел к включению в большинство российских двусторонних договоров о правовой помощи по уголовным делам также вопросов выдачи и осуществления уголовного преследования. В результате же применения ко всем этим различным правоотношениям единых стандартов в отношении любой из этих форм международного сотрудничества в сфере осуществления уголовного правосудия используется максимальный перечень возможных оснований отказа в оказании содействия, зачастую оправданный лишь в части экстрадиции» [6, с. 22].

Действительно, анализ положений международных договоров и российского уголовно-процессуального законодательства свидетельствует, что комплексы правовых норм, регулирующие отношения в области правовой помощи, экстрадиции и уголовного преследования по просьбе иностранного государства, существенно различаются. Речь, прежде всего, идет о нормах, устанавливающих условия осуществления указанной деятельности и нормах, предусматривающих основания отказа в исполнении соответствующего запроса.

Базовой характеристикой, лежащей в основе обособления отношений по оказанию правовой помощи по уголовным делам, как спра-

ведливо отмечает В.В. Милинчук, является «частичная передача запрашивающим государством компетенции по собственному уголовному делу другому государству... Эта передача компетенции выражается в допущении государством возможности собирания доказательств по собственному уголовному делу иностранными компетентными органами, а также в признании доказательств, полученных на основании зарубежного уголовно-процессуального законодательства, допустимыми и удовлетворяющими требованиям национального законодательства запрашивающего государства» [6, с. 19–20].

Это позволяет говорить о том, что указанные отношения регулируются относительно самостоятельной группой правовых норм, содержащихся в гл. 53 УПК РФ и представляющей в совокупности правовой институт. Институт взаимной правовой помощи входит, на наш взгляд, в подотрасль российского уголовно-процессуального права — международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в гл. 53 УПК РФ, наряду с нормами о правовой помощи, содержатся и нормы, регулирующие вопросы уголовного преследования по запросу иностранного государства (ст. 458, 459). Думается, что в этой части УПК РФ нуждается в изменении. Представляется целесообразным наименование гл. 53 изменить на «Взаимная правовая помощь по уголовным делам» и исключить из нее нормы, регулирующие осуществление уголовного преследования лица по запросу иностранного государства. Указанные статьи (ст. 458, 459 УПК РФ), а также другие положения по вопросам уголовного преследования по запросу иностранного государства, представляется необходимым включить в новую специальную главу части пятой УПК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрашитова, Р.З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшее развитие / Р.З. Абдрашитова // Право и политика. — 2006. — № 2. — С. 103–118.
2. Бирюков, П.Н. Уголовно-процессуальное законодательство РФ и международные договоры: проблемы взаимодействия / П.Н. Бирюков // Российский юридический журнал. — 1998. — № 4. — С. 45–48.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1948. — № 5. — Ст. 2.

4. Ведомости Верховного Совета СССР. — 1988. — № 26. — Ст. 428.

5. Волеводз, А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса / А.Г. Волеводз. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 528 с.

6. Милинчук, В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития / В.В. Милинчук. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 352 с.

7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред. В.П. Божьев. — М. : Спарк, 1997. — 788 с.

8. Нерсисянц, В.С. Общая теории права и государства / В.С. Нерсисянц. — М. : НОРМА — ИНФРА-М, 2001. — 552 с.

9. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — М. : Юристъ, 2004. — 768 с.

10. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Первалов. — М. : Норма, 2008. — 496 с.

11. Тесленко, А.М. Глава 54 нового УПК Российской Федерации: исторический аспект / А.М. Тесленко // Российский юридический журнал. — 2004. — № 4. — С. 101–103.

12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [от 15 августа 1845 г.] // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1988. — Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. — 432 с.

13. Учреждение судебных установлений [от 20 ноября 1864 г.] // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1991. — Т. 8 : Судебная реформа. — С. 32–82.

14. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб. : Альфа, 1996. — 552 с.

Информация об авторе

Давыдова Марина Витальевна — кандидат юридических наук, заместитель директора Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры РФ», 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: davidovam@yandex.ru.

Information about the author

Davydova Marina Vitalyevna — Ph.D. in Law, vice-director of the Irkutsk Law Institute Affiliated to the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 664035, Irkutsk City, Shevtsova Str., 1, e-mail: davidovam@yandex.ru.

УДК 343.1
ББК 67.411

М.А. Днепровская

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ

В статье рассмотрены понятие судебного усмотрения, особенности его формирования при рассмотрении уголовного дела в случае согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением по правилам главы 40 УПК РФ.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства; внутреннее убеждение судьи; оценка доказательств.

М.А. Dneprovskaya

FEATURES FORMATION OF INTERNAL BELIEF OF JUDGE WHEN DECIDING IN A SPECIAL ORDER PROCEEDINGS

The article discusses the concept of judicial discretion, especially its formation in criminal proceedings in the case of consent of the accused the charges against him by the rules of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code.

Key words: special order of the trial; inner conviction judge; evaluation of the evidence.

Процесс формирования внутреннего убеждения у судьи при рассмотрении уголовного дела очень сложен. Категория внутреннего убеждения при оценке доказательств неоднозначно определялась в научной литературе и являлась предметом острых дискуссий. Так, внутреннее убеждение можно рассматривать, с одной стороны, как метод, способ оценки доказательств; с другой стороны, как критерий

оценки доказательств или результат оценки доказательств в совокупности и отдельно взятых доказательств; а также как единство всех или некоторых из перечисленных аспектов [5, с. 474].

Как отмечал М.С. Строгович, ознакомление с доказательствами, заслушивание показаний свидетелей и подсудимого представляют собой лишь начальную стадию формирования судейского убеждения, после которой следует детальный анализ воспринятых и проверенных доказательств, их обдумывание, взвешивание, разъяснение всех неясностей, устранение противоречий, обнаруженных в доказательствах [9, с. 50]. В этой связи интерес представляет вопрос о том, каким образом формируется внутреннее убеждение суда в виновности или невиновности подсудимого, учитывая особенности постановления приговора в особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного гл. 40 УПК РФ?

Главной особенностью принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (далее сокращенно — «особый порядок») является то, что судом не проводится в полном объеме судебное следствие. При рассмотрении дела в «особом порядке» могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и в этой связи заслуживает одобрения предложенный А.П. Гуськовой перечень данных о личности подсудимого, который можно учитывать судом при индивидуализации наказания [3, с. 119]. Указанный перечень включает данные о личности виновного лица, раскрывающие: «1) социальную характеристику обвиняемого (деятельность обвиняемого как члена общества (общественно-политическая, производственная, культурно-бытовая), свидетельствующая об отношении личности к наиболее важным сторонам общественной жизни); 2) психологическую характеристику (имеется в виду идейный уровень обвиняемого, его круг интересов, моральные и правовые взгляды, жизненные интересы, устремления, мировоззрение (направленность)); 3) медико-биологическую характеристику, включающую данные о состоянии здоровья, инвалидности и др.» [3, с. 119].

Обратившись к ст. 316 УПК РФ, можно сделать вывод о существовании своеобразного «мини-следствия», проведение которого зависит от усмотрения суда и сторон в силу диспозитивности нормы, поскольку в ней указано: «могут быть исследованы обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание», а могут быть и не исследованы. Таким образом, «даже при сокращенной форме рассмотрения уголовного

дела допустимо судебное следствие в ограниченных пределах в целях постановления законного, обоснованного и справедливого приговора» [4, с. 27].

Как справедливо отмечает Г.М. Резник, весь процесс оценки судьей доказательств сводится к «формированию внутреннего убеждения в доказанности искомых фактов» [7, с. 61].

Согласно ст. 17 УПК РФ, судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

В силу ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. Внутреннее убеждение, как состояние уверенности в правильности своих выводов, должно опираться на достаточную совокупность исследованных доказательств [5, с. 481].

Достаточность собранных по делу достоверных доказательств означает такую их совокупность, которая убеждает судью в правильности и обоснованности принимаемого по делу решения; достаточность таких доказательств определяется тем, дают ли они в своей совокупности возможность установить все фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания по конкретному уголовному делу [6, с. 27]. Рассматривая уголовное дело по существу, суду необходимо убедиться в том, что имеется некая совокупность доказательств, на основании которых можно сделать вывод о виновности или невиновности подсудимого. Только достоверные, допустимые и относимые доказательства, составляющие достаточную совокупность, могут быть положены в основу принятия решения

Учитывая положения ч. 5 ст. 316 УПК РФ, согласно которым исследованию в судебном заседании подлежат лишь данные о личности подсудимого и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, процессуалисты приходят к выводу о том, что судья вынужден принимать решение на основе не всей совокупности исследованных доказательств по делу, а лишь отдельной их части [1, с. 16].

Действительно, при «особом порядке» процесс доказывания предельно сокращается и сводится к восприятию судьей доказательств посредством изучения материалов дела, собранных в ходе предварительного расследования. Никакие новые доказательства, кроме сведений о личности подсудимого и обстоятельствах, смяг-

чающих и отягчающих наказание, не могут быть представлены и исследованы при такой процедуре, следовательно. Да, судья фактически опирается на позицию стороны обвинения, чьими доказательствами он располагает при принятии решения. Однако судью никто не принуждает к принятию определенного решения. Он вправе по собственной инициативе прекратить рассмотрение дела в «особом порядке» (ч. 6 ст. 316 УПК РФ), если по своему внутреннему убеждению придет к такому выводу, в том числе к выводу о том, что обвинение не подтверждается собранными доказательствами.

Внутреннее убеждение судьи в правильности принимаемого им решения формируется посредством проверки письменных материалов предварительного расследования. Проверка традиционно в теории доказывания рассматривается как один из элементов (этапов) доказывания, регламентированным в ст. 87 УПК РФ. Синонимом проверки доказательств является используемый в теории термин «исследование» [8, с. 68]. Исследование доказательств — это познание следователем или судом их содержания; проверка достоверности существования тех фактических данных, которые определяют содержание доказательства, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу [2, с. 48]. Думается, этот термин наиболее точно передает содержание деятельности суда при сопоставлении доказательств между собой и установлению источника их получения, даже если суд осуществляет исследование (проверку) письменных материалов предварительного расследования.

Суду необходимо вынести соответствующее решение, оценив представленные доказательства. При этом «субъектом действительно свободной оценки доказательств по своему внутреннему убеждению является рассматривающий и разрешающий дело суд» [8, с. 70]. Для вынесения обвинительного приговора судья должен прийти к убеждению в доказанности обвинения доказательствами, собранными по уголовному делу в ходе предварительного расследования. Однако глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке судебного разбирательства, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г.

№ 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»).

Учитывая изложенное, представляется возможным сделать следующие выводы. Судья при рассмотрении дела в «особом порядке» ограничивается исследованием (проверкой) письменных материалов предварительного расследования, не исследуя доказательств в общем порядке, кроме обстоятельств, характеризующих личность подсудимого и смягчающих и отягчающих наказание (ст. 61, 63 УК, ч. 5 ст. 316 УПК). Внутреннее убеждение суда в правильности принимаемого им решения формируется посредством исследования материалов уголовного дела, используя такие способы проверки доказательств, как сопоставление их с другими доказательствами, имеющимися в деле и установление источника доказательств. При проверке обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, суд вправе получить иные доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство непосредственно в судебном заседании. Впоследствии, в совещательной комнате, суд, оценив доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности для разрешения уголовного дела, по своему внутреннему убеждению приходит к выводу в правильности принимаемого им в «особом порядке» решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беликова, А.М. К вопросу о применении судами особого порядка / А.М. Беликова // Альманах современной науки и образования. — 2011. — № 8. — С. 15–17.

2. Белкин, Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. — М. : Наука, 1966. — 295 с.

3. Гуськова, А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / А.П. Гуськова. — М. : ИГ «Юрист», 2002. — 289 с.

4. Демидов, В. Некоторые вопросы применения особого порядка судебного разбирательства / В. Демидов // Российская юстиция. — 2003. — № 4. — С. 25–28.

5. Жогин, Н.В. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.

6. Кудин, Ф.М. Достаточность доказательств в уголовном процессе / Ф.М. Кудин, Р.В. Костенко. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 2000. — 160 с.

7. Резник, Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. — М. : Юрид. лит., 1977. — 118 с.

8. Лазарева, В.А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В.А. Лазарева. — М. : Юрайт, 2013. — 360 с.

9. Строгович, М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — М. : АН СССР, 1955. — 383 с.

Информация об авторе

Днепроvская Марина Анатольевна — декан факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», кандидат юридических наук, доцент, тел. 41-08-29, e-mail: marti-na@mail.ru.

Information about the author

Dneprovskaiia Marina Anatol'evna — Dean of the training for the judiciary (Law School), East-Siberian branch of Russian Academy of Justice, Ph.D. in Law, Assistant Professor, e-mail: marti-na@mail.ru.

УДК 343.1

ББК 67.410.2

М.С. Дунаева

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В статье рассматривается сущность противоречий между публичным и частным интересами в рамках процедуры современного уголовного судопроизводства Российской Федерации, а также возможность и пути их преодоления.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства; частная жизнь; неприкосновенность частной жизни.

THE PRIVATE LIFE AND THE CRIMINAL PROCEDURE: THE CORRELATION OF THE PUBLIC AND THE PRIVATE INTERESTS

The article deals with the issue of the contradictions between the private and the public interests in the modern criminal procedure of the Russian Federation, the possibility and the means to get over them as well.

Key words: principles of the criminal procedure; private life; respect for private life.

Одним из важных результатов формирования новой российской государственности, институтов гражданских свобод и защиты прав личности стал пересмотр соотношения публичных и частных интересов, в том числе и в уголовно-процессуальной деятельности. Долгое время считалось, что способности человека могут быть реализованы только в обществе, в коллективе. Идея господства государства, общества над индивидом нашла свое отражение и в трактовке сущности прав и свобод граждан: «В социалистическом обществе открыто утверждается социально-классовый смысл прав и свобод граждан, поэтому в законе четко определяются границы (пределы) прав и свобод, что имеет целью обеспечить гармоническое сочетание в их содержании общественных и личных интересов» [2, с. 12]. Примечательно, что речь идет о «пределах прав и свобод», а не «пределах *ограничения* прав и свобод» (курсив мой. — М. Д.). Этим лишний раз подчеркивается, что государственная власть должна определять рамки того, что на самом деле принадлежит каждому из нас от рождения.

Подобные взгляды на права и свободы личности опасны тем, что позволяют с легкостью обосновать тезис о безусловном праве государства вмешиваться в частную жизнь людей, вторгаться в их самые сокровенные тайны. Как справедливо отмечает И.В. Смолькова, «отношение к правам человека как к «дару государства» вытекает из тоталитарного режима и порождает пренебрежительное отношение к ним со стороны властей» [10, с. 147].

Конечно, в отрыве от общества существование современного человека немислимо. Вместе с тем для сохранения индивидуальности и психического равновесия каждому из нас необходимо личное пространство, где он сможет укрыться от посторонних взглядов, какое-то

время побыть самим собой, не опасаясь, что кто-то нарушит его единение, вторгнется в его мир. Как ни парадоксально, это противоречие жизненно необходимо и для самого общества! Социальное развитие возможно только при борьбе интересов, что происходит, когда отдельный человек или группа людей не соглашаются с принятыми в данном социуме рамками поведения, выдвигают новые идеи и отстаивают их. Не всегда они бывают позитивными, но многообразие — единственный источник всякого развития. Таким образом, уважение права каждого человека на неприкосновенность личности, частной жизни, свободу слова, свободу совести спасительно для самого государства, является залогом его процветания.

Тем не менее коллизии между частным и публичным интересами возникают постоянно. В этой связи приобретают большое значение вопросы достижения баланса между этими интересами, определения пределов государственного вмешательства в частную сферу.

Конфликт законных интересов личности и государства, возникающий в ходе уголовно-процессуальной деятельности, — едва ли не самый яркий пример противоречия частного и публичного начал. Большинство опрошенных автором сотрудников правоохранительных органов (58 %) убеждено в существовании противоречий между интересами государства и частных лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Еще 15 % полагают, что такой конфликт «скорее существует». Отрицают существование каких-либо противоречий лишь 8 % респондентов.

В то же время необходимо отметить, что наличие данного противоречия признают далеко не все исследователи. Более того, интересы частных лиц, противоречащие публичным, долгое время вообще считались нелегитимными, не заслуживающими внимания и, тем более, защиты! Так, по мнению В.М. Корнукова, «тот факт, что интересы отдельного участника, в частности, обвиняемого, могут расходиться с интересами правосудия и даже противоречить им, бесспорен. Но такие интересы участников процесса не закрепляются в законе и не гарантируются им» [5, с. 118].

Долгое время правовая регламентация уголовно-процессуальной деятельности в нашей стране складывалась под влиянием именно такой точки зрения. Последовательное уничтожение демократических черт процесса с первых лет советской власти можно проследить на примере реформирования норм, касающихся участия защитника на предварительном расследовании. Если по Декрету о суде № 1 от

22 ноября 1917 г. защитник мог быть допущен к участию в предварительном следствии по всем уголовным делам, то по Положению о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. следственная комиссия своим постановлением могла ограничивать участие защитника по мотивам обеспечения интересов установления истины. В 1920 г. участие защиты на предварительном следствии вообще было упразднено [12, с. 98]. Несмотря на то что в дальнейшем этот институт был возвращен в уголовный процесс, а обеспечение прав и законных интересов личности провозглашено важнейшим требованием, явное предпочтение публичного интереса частному оставалось неизменным.

Пример с защитой не случаен. Как справедливо полагает В.С. Шадрин, именно принцип обеспечения обвиняемому права на защиту наряду с презумпцией невиновности в первую очередь служит охране интересов граждан при производстве по уголовным делам. Данное положение можно смело отнести и к неприкосновенности личности и частной жизни. Перечисленные положения как бы «противостоят» принципу публичности, воплощающему в себе общественные интересы, представляемые государством в уголовном процессе. Данный принцип выражает ответственность правоохранительных органов за обеспечение безопасности общества и их обязанность реагировать на каждый случай преступления возбуждением уголовных дел, принятием всех предусмотренных законом мер к установлению и наказанию виновных.

Отношение ученых-процессуалистов к расширению частных начал в уголовном процессе неоднозначно.

Часть авторов безусловно приветствует расширение диспозитивности в уголовном процессе. Так, И.Л. Петрухин полагал, что «сильные публичные начала характерны для инквизиции и полицейского государства», а уголовно-процессуальное законодательство «нуждается в «чистке» на предмет устранения гипертрофированного публичного интереса» [9, с. 24–25].

Сторонники иной позиции считают, что публичный интерес в уголовном процессе — это выгода общества в целом, и выступают против поспешного и неоправданного, на их взгляд, ограничения публично-правового начала. В частности, высказываются опасения, что права свидетелей и потерпевших от преступления, их безопасность не могут быть гарантированы в достаточной мере, если в процессе будет преобладать частное обвинение [7, с. 202–203].

Очевидно, для решения рассматриваемой проблемы необходимо прежде всего определить, что представляют собой частные и публичные интересы, каким образом они выражены в уголовно-процессуальном праве.

Категория «интерес» — предмет исследования многих наук: философии, социологии, психологии, экономической теории, юриспруденции и др. Это понятие относится к числу фундаментальных, ему сложно дать единое определение. Перечисленные науки изучают феномен интереса, его отдельные аспекты со своих позиций, отражающих предметы и методы этих наук.

Среди значений слова «интерес» в русском языке — «потребности», «нужды», «выгода» [8, с. 249]. С точки зрения отечественной философской и социологической наук, интерес представляет собой «объективное отношение социальных субъектов (индивида, группы, общества) к явлениям и предметам окружающей действительности, обусловленное положением этих субъектов и включающее в себя их объективно существующие социальные потребности и пути и средства их удовлетворения» [6, с. 92].

Интерес — тот первоисточник, который лежит в основе материального и процессуального права, определяет процесс правотворчества и правоприменения, проявляясь в нормах, принципах и мотивах уголовно-процессуальной деятельности.

Частный интерес гражданина существуют самостоятельно, независимо от государства и может быть реализован его носителем по собственному усмотрению. Ограничителем его служат только интересы государства (общества).

В уголовно-процессуальном праве под частным интересом понимают потребности отдельных участников процесса (потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика) в охране процессуальных прав в связи с вовлечением их в уголовный процесс [11, с. 95]. Публичные интересы можно определить как общественные интересы, признанные государством и урегулированные (обеспеченные) правом [6, с. 92].

Несомненно, уголовно-процессуальное право — право преимущественно публичное. Производство по делу начинается и проводится государственными органами и должностными лицами. Исключение составляют немногочисленные дела частного и частного-публичного обвинения, но даже они в определенных случаях могут быть возбужде-

ны по инициативе органов предварительного расследования (ч. 4 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса РФ).

В юридической литературе понятия общественного, государственного и публичного интереса нередко выступают как равнозначные. В то же время далеко не всегда «государственное» и «общественное» — синонимы, что подтверждается рядом серьезных, на мой взгляд, аргументов.

Прежде всего, возникает вопрос: существует ли самостоятельный «государственный интерес», является ли государство субъектом, наделенным собственными независимыми интересами? Очевидно, у государства нет собственного интереса, по крайней мере, в классическом понимании данного термина. Как было отмечено выше, интерес характеризуется принадлежностью социальным субъектам (личность, группа лиц, общество). Поэтому государственные интересы есть преломление в деятельности государства интересов отдельных социальных субъектов. Если общесоциальные основы государства замещены классовой или иной групповой составляющей, то в действиях власти над интересами общества преобладают интересы соответствующей социальной группы.

Вместе с тем утверждение, что интересы, защищаемые государством, могут полностью отвечать интересам общества, представляет собой идеальную, никогда не достижимую модель. Во-первых, общество неоднородно, интересы социальных групп зачастую противоречат друг другу. Во-вторых, отношения «государство — социум» включают в себе определенные противоречия. В какой-то мере эти субъекты всегда противостоят друг другу. В то же время разумное государственное устройство, предусматривающие механизмы самоограничения государства, надежные гарантии прав личности, развитое гражданское общество способны свести к минимуму это противоречие.

Неоправданными выглядят попытки представить коллизию частного и публичного интересов в уголовном процессе как исключительно этическую проблему, которая может быть решена с помощью повышения уровня нравственности следователей, прокуроров, судей. Так, Н.И. Демидов считает, что сотрудники МВД должны самостоятельно определять «границы использования слабостей, пороков, духовных качеств правонарушителя» — иначе говоря, пределы вмешательства в частную жизнь граждан [3, с. 18]. Убеждена, что «свобода усмотрения» правоохранительных органов и суда в части ограниче-

ния конституционных прав и свобод граждан должна быть минимальной. Об этом красноречиво свидетельствуют данные, полученные в результате проведенного автором социологического опроса сотрудников МВД и прокуратуры: более четверти респондентов (26 %) полагают, что в интересах следствия и правосудия допустимы любые ограничения конституционных прав граждан! Несложно представить, во что выльется полная свобода действий, предоставленная сотрудникам правоохранительных органов с такими взглядами.

Более существенные гарантии, чем надежда на то, что следователи и судьи будут неукоснительно соблюдать профессиональную этику, необходимы еще и потому, что зачастую этичность того или иного процессуального действия неочевидна [4, с. 49]. Поэтому трудно согласиться с Г.Н. Ветровой, трактующей нравственный долг участников уголовного судопроизводства исключительно как «служение истине и делу правосудия» [1, с. 54]. С этих позиций отказ гражданина давать показания против своего супруга или близкого родственника является аморальным — хотя очевидно, что это не так! Уважение к чувствам и переживаниям близких друг другу людей проявляет сам законодатель, о чем убедительно свидетельствует ст. 51 Конституции РФ. В данном случае возникший конфликт однозначно разрешается в пользу частного интереса.

Думаю, правомерно утверждать: противоречия между интересами общества в целом и интересами отдельного человека в уголовном процессе существуют и ликвидировать их невозможно. Вместе с тем установить оптимальный баланс интересов путем создания эффективного уголовно-процессуального механизма ограждения личности от необоснованного ограничения в правах — вполне реально. На мой взгляд, это одна из важнейших задач в сфере продолжающегося реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветрова, Г.Н. Закон и нравственность в уголовном судопроизводстве / Г.Н. Ветрова // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 11, Право. — № 1. — 1996. — С. 51–58.
2. Витрук, Н.В. Общая характеристика конституционных прав, свобод и обязанностей граждан СССР / Н.В. Витрук // Социализм и личность. — М. : ИГПАН, 1979. — С. 12–21.

3. Демидов, Н.И. Духовность и нравственность сотрудника и военнослужащего МВД — базисная основа борьбы с преступностью / Н.И. Демидов // Духовность. Правопорядок. Преступность. — М. : Изд-во МВД России, 1996. — С. 18–20.
4. Кобликов, А.С. Юридическая этика : учебник для вузов / А.С. Кобликов. — М. : НОРМА (Изд. группа НОРМА — ИНФРА-М), 2002. — 168 с.
5. Корнуков, В.М. Об уголовно-процессуальных гарантиях и интересах личности и правосудия / В.М. Корнуков // Реализация уголовной ответственности: уголовно-процессуальные и правовые проблемы : межвуз. сб. ст. — Куйбышев : Изд-во Куйбыш. ун-та, 1987. — С. 117–124.
6. Кряжков, А.В. Публичный интерес: Понятие, виды и защита / А.В. Кряжков // Государство и право. — 1999. — № 10. — С. 91–99.
7. Масленникова, Л.Н. О соотношении общественных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве / Л.Н. Масленникова // Духовность. Правопорядок. Преступность : материалы науч.-практ. конф. — М. : Изд-во Акад. МВД России, 1996. — С. 201–206.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1998. — 944 с.
9. Петрухин, И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе / И.Л. Петрухин // Российская юстиция. — 1999. — № 3. — С. 24–25.
10. Смолькова, И.В. Защита тайн частной жизни уголовно-процессуальным законом / И.В. Смолькова // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни : в 2 ч. — Н. Новгород : Изд-во Нижегород. юрид. ин-та МВД РФ, 1999. — Ч. 2. — С. 143–153.
11. Смолькова, И.В. Коллизия частного и публичного интереса при получении правоохранительными органами информации о частной жизни граждан / И.В. Смолькова // Доступ граждан к правовой информации и защита неприкосновенности частной жизни. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — С. 95–98.
12. Шадрин, В.С. Обеспечение прав личности и предварительное расследование в уголовном процессе / В.С. Шадрин // Государство и право. — 1994. — № 4. — С. 96–104.

Информация об авторе

Дунаева Марина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: dunaeva@sibnet.ru.

Information about the author

Dunaeva Marina Sergeevna — Ph.D., associate professor of the Chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin St., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: dunaeva@sibnet.ru.

УДК 343.13:351.74

ББК 67.629.42:67.629.3

Т.В. Зеленская

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье автор на основе анализа нормативной базы и научных исследований рассматривает вопросы понимания сути уголовно-процессуальной деятельности, которая заключается в объективном анализе функций уголовно-процессуальной деятельности. Теория уголовно-процессуальных функций важна для определения правового статуса субъектов уголовно-процессуальной деятельности, роли и места каждого из участников в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции; стадии уголовного процесса; участники уголовного процесса; уголовное преследование; функция защиты; предварительное расследование; состязательность в уголовном процессе.

T.V. Zelenskaya

MAIN DIRECTIONS OF CRIMINAL PROCEDURE

In the article, the author on the basis of an analysis of the regulatory framework, research deals with understanding the criminal procedure,

where systematic and objective analysis of this understanding is to review the functions of criminal procedure. Theory of criminal justice functions is important to determine the legal status of the subjects of criminal procedure, the role and place of each of the participants in the criminal justice process.

Key words: criminal procedural functions; stage of criminal proceedings; participants in the criminal process; criminal prosecution; protection function; the investigation of the criminal case; competition in the criminal process.

Уголовно-процессуальные функции как основные направления уголовно-процессуальной деятельности в теории уголовного процесса представляют одну из интереснейших тем для дискуссий. В юридической литературе до настоящего времени не решено, что, по сути, является функцией в уголовном процессе.

Так, одни авторы считают, что уголовно-процессуальная функция — это отдельные виды, направления уголовно-процессуальной деятельности [11, с. 40; 8, с. 101]. Другие — что это роль и назначение участников уголовного процесса, выражающиеся в основных направлениях их деятельности [3, с. 26; 2, с. 7].

Проблема спора заключается в том, что различные отрасли науки по-разному дают определение функции. Например, в философии под функцией (от лат. *function* — исполнение, осуществление) понимается явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления; соотношение двух или более объектов, в котором изменение одного из них влечет изменение другого. В социологии под функцией понимается роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому.

Уголовно-процессуальная наука для изучения общественных отношений, социальных интересов и потребностей, вызывающих к жизни те или иные правовые нормы, требует, в первую очередь, использования социологических методов исследования. В связи с этим понятие функции в рамках уголовного процесса, или ее юридическое значение, тесным образом переплетено с социологическим понятием, которое при реализации общенаучного подхода к проблеме уголовно-процессуальных функций порождает множество обоснованных определений.

В ст. 15 УПК РФ закреплён традиционный подход к разделению процессуальных функций: «функции обвинения, защиты и разреше-

ния уголовного дела отделены друг от друга», что соответствует принципу состязательности, который означает: 1) разграничение функций обвинения (уголовного преследования) и защиты и возложение этих функций на стороны обвинения и защиты соответственно; 2) отделение функции разрешения дела (правосудия) от функции обвинения и защиты; 3) процессуальное равноправие сторон, где обозначен круг участников процесса, выполняющих функцию обвинения (гл. 6), функцию защиты (гл. 7), а на суд возложена исключительно функция правосудия (гл. 5).

Состязательность процесса и участвующих в нем сторон неизбежно приводит к выделению трех уголовно-процессуальных функций: обвинения, защиты и разрешения дела, но, в первую очередь, не как направление уголовно-процессуальной деятельности, а как принцип уголовного судопроизводства.

Законодательно закрепленные функции в уголовном процессе выполняют роль по защите прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений (потерпевших, гражданских истцов и т.п.), по защите личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, иного ограничения ее прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Понятие функции субъектов уголовно-процессуальной деятельности обозначает отдельные направления деятельности субъектов, имеющие взаимосвязанный характер, которые не совпадают и не поглощают друг друга.

Исходя из этого функциональная структура уголовно-процессуальной деятельности не может быть ограничена тремя традиционно выделяемыми процессуальными функциями, так как функции уголовного процесса представляют только основу для определения направлений уголовно-процессуальной деятельности субъектов, объединенных в группы, образующие стороны уголовного судопроизводства.

Функции отдельных участников уголовного процесса — это виды уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в соответствии с их конкретными задачами, а также, сообразуясь с их собственными интересами, которые и определяют специальное назначение и роль каждого участника процесса. Посредством описания деятельности участников как элементов единой системы уголовного судопроизводства раскрывается содержательная сторона основных уголовно-процессуальных функций (обвинения, защиты и разрешения уголовного дела), которые рассмотрим более подробно.

Функция обвинения представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). По справедливому мнению З.З. Зинатуллина, «уголовное преследование выступает в качестве генерирующей функции. Лишь с необходимостью ее осуществления возникают функции защиты и разрешения дела» [4, с. 23]. Уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения (п. 55 ст. 5 УПК РФ) — прокурором, следователем, руководителем следственного органа, дознавателем, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем и представителем, гражданским истцом и его представителем (п. 47 ст. 5 УПК РФ), ведется по поводу совершенного преступления и направлена на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо, доказать его виновность, обеспечить его осуждение и наказание.

В процессуальной литературе уголовное преследование (обвинение) рассматривается как в формальном (процессуальном), так и в материальном аспектах.

Материальный аспект рассмотрения понятия обвинения свойственен процессуалистам раннего периода развития процессуальной науки, где трактовка обвинения была неоднозначной и в основном представлялась как формулировка обвинения — совокупность противоправных фактов [13, с. 45], как утверждение о совершении преступления [12, с. 105], либо как уголовный иск (притязание) [7, с. 3].

Наиболее традиционен процессуальный аспект рассмотрения термина «уголовное преследование (обвинение)», при этом, данный термин, в юридической литературе употребляется по-разному. Так, Д.С. Карев понимал под обвинением обвинительную деятельность, поддержание обвинения в суде [5, с. 25]. Н.Н. Полянский в этой связи писал: «...обвинение в процессуальном смысле — это обращенное к суду заявление о признании обвиняемого виновным» [7, с. 114]. По мнению М.С. Строговича, обвинение — это «совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление» [10, с. 105]. П.С. Элькинд рассматривала обвинение как процессуальную деятельность обвинителя в суде, как обвинительный тезис или утверждение о виновности [14, с. 60–61].

Из приведенных суждений видно, что не все авторы отождествляли понятия «обвинение» и «уголовное преследование», в теории уголовного процесса различие между данными терминами существует.

В УПК РФ функция уголовного преследования, объединяющая субъектов процессуальной деятельности стороны обвинения, отождествлена с функцией «обвинение». Законодатель выразил назначение стороны обвинения в осуществлении уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ).

Законодательно закрепленная функция «обвинения» объединяет и предварительное расследование, и обвинение. Так, например, следователь как представитель стороны обвинения осуществляет предварительное расследование; функции потерпевшего зависят от вида обвинения, где он может являться и частным обвинителем (ст. 43 УПК РФ).

Целью любого вида уголовного преследования является изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, уголовно-процессуальным законом предоставлена возможность защищаться от обвинения; в этом, по сути, и заключается принцип состязательности, где в противоположность функции уголовного преследования для оспаривания обвинения в уголовном судопроизводстве предусмотрена функция «защиты», включающая в себя процессуальную деятельность участников стороны защиты.

Право на защиту относится к числу общепризнанных принципов международного права и рассматривается как необходимое условие обеспечения права на справедливое судебное разбирательство (ст. 11 Всеобщей декларации прав человека, п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека, ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 23¹ Документа Московского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ).

Анализ уголовно-процессуальной литературы показывает, что имеется несколько подходов к понятию функции защиты. Так, по мнению М.С. Строговича, защита — процессуальная деятельность, направленная на опровержение и смягчение обвинения, приведение данных, свидетельствующих о меньшей степени вины обвиняемого, обоснование оправдания или назначения виновному более мягкого наказания [10, с. 105].

Некоторые авторы полагают, что функция защиты представляет собой направление деятельности субъектов защиты, наделенных правом и обязанностью использовать все указанные в законе средства для охраны прав и законных интересов обвиняемого [1, с. 20, 47].

Многими авторами функция защиты понимается как направление деятельности по защите прав и законных интересов лица, в отношении которого решается вопрос о привлечении его к уголовной ответственности [9, с. 196].

Уголовно-процессуальная деятельность по осуществлению защиты объединяет в себе деятельность защитника, обвиняемого (подсудимого), законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, гражданского ответчика, представителя гражданского ответчика. Каждый участник в зависимости от обстоятельств дела, объединен с другими участниками общей задачей — защититься от противоположной стороны — стороной обвинения. Именно поэтому, как бы ни были разноречивы их действия, они объединены в группу участников уголовного процесса, представляющую функцию защиты.

Исходя из ч. 1 ст. 49 УПК РФ функцию защиты можно определить как вид процессуальной деятельности, направленный на защиту прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого, а равно — оказание им юридической помощи при производстве по уголовному делу.

Функция разрешения уголовного дела является результатом рассмотрения уголовного дела в судебном заседании, в котором содержится ответ на вопрос о виновности подсудимого. В уголовно-процессуальной литературе функцию разрешения уголовного дела трактуют неоднозначно.

Существует утверждение, что данная функция возможна только на стадии судебного разбирательства, а на досудебном этапе содержанию этого направления деятельности соответствует функция юстиции (направление уголовно-процессуальной деятельности по разрешению вопроса о привлечении лица в качестве обвиняемого, по выполнению иных решений, ограничивающих права, свободы и законные интересы граждан) [8, с. 217].

Некоторые авторы термин «разрешение дела» не отождествляют с термином «правосудие». Так, Б.Т. Безлепкин отмечает, что право разрешить уголовное дело с положительным выводом принадлежит только суду первой и апелляционной инстанции. Право разрешить уголовное дело с выводом о невиновности обвиняемого и таким образом реабилитировать (ст. 133 УПК РФ) его путем прекращения уголовного дела принадлежит, кроме того, органу предварительного расследования, прокурору, судье на стадии назначения судебного за-

седания, а также в кассационной и надзорной инстанциях [2, с. 8]. Таким образом, разрешение уголовного дела, по мнению Б.Т. Безлепкина, возможно как на досудебной, так и на судебной стадии уголовного процесса, функции которой выполняют кроме суда и иные должностные лица, участвующие в процессе [2, с. 8].

Однако право о признании виновности или невиновности принадлежит только суду, разрешение дела органами предварительного расследования и прокуратурой невозможно, так как уголовный процесс шире правосудия на величину досудебного производства и определенной части судебного производства, не являющейся правосудием. Речь идет о той части уголовно-процессуального судопроизводства, в результате которой не устанавливается виновность или невиновность подсудимых. Кроме того, термин «правосудие» определяется в юридическом словаре как форма государственной деятельности, которая заключается в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел об уголовных преступлениях. Подобную позицию занимает А.С. Кобликов, называющий функцию разрешения дела «осуществлением правосудия», которая присуща только суду, разрешающему дело по существу [11, с. 40].

Между тем одним из значений слова «суд» является мнение, заключение [6, с. 777]. Высказывание судом мнения о споре противоположных сторон в виде решения по существу и является уголовно-процессуальной деятельностью суда, выполняющего функцию по разрешению уголовного дела.

Таким образом, функция разрешения уголовного дела — одно из основных направлений уголовно-процессуальной деятельности, которую осуществляет суд в связи с решением вопроса о виновности или невиновности подсудимого лица посредством оценки представленных сторонами доказательств, разрешая правовой конфликт независимым правоприменением.

Теория уголовно-процессуальных функций важна для определения правового статуса субъектов уголовно-процессуальной деятельности, роли и места каждого из участников в уголовном судопроизводстве, наиболее полного определения их конкретных процессуальных задач, так как термин «функция» неразрывно связан с ее носителем. Функции уголовно-процессуальной деятельности реализуются через деятельность участников уголовного процесса, которая, в свою очередь определена рамками их процессуального положения. В свою очередь, уголовно-процессуальные функции, осущес-

ствляемые иными участниками уголовного судопроизводства (например, экспертом, специалистом, переводчиком и др.), представляют вспомогательную функцию уголовного судопроизводства, как неотъемлемую часть состязательного процесса. Эта функция способствует реализации назначения уголовного судопроизводства, так как оказывает прямое влияние на основные функции уголовного судопроизводства.

Следовательно, цели уголовного судопроизводства достигаются не только за счет деятельности сторон, но и за счет участников процесса, деятельность которых связана с подготовкой условий для правоприменения и проверкой его результатов, с исполнением, соблюдением и использованием процессуальных норм.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что уголовно-процессуальные функции, как направление деятельности ее субъектов, определяют формы субъективной деятельности, в основу которых положены конкретные задачи и роль, отводимая каждому участнику уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, функции уголовно-процессуальной деятельности реализуются через деятельность участников уголовного процесса, направление которой совпадают с направлением одной из основных функций уголовного судопроизводства. В этой связи тесная связь понятий «функции уголовного судопроизводства» и «функции уголовно-процессуальной деятельности» неоспорима.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адаменко, В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого / В.Д. Адаменко. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. — 98 с.
2. Безлепкина, Б.Т. Уголовный процесс России : учеб. пособие / Б.Т. Безлепкина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби : Проспект, 2004. — 480 с.
3. Вандышев, В.В. Уголовный процесс : курс лекций / В.В. Вандышев. — СПб. : Питер, 2002. — 528 с.
4. Зинатуллин, З.З. Иерархия функций российского уголовного процесса / З.З. Зинатуллин // Научные труды РАЮН. — 2001. — № 1. — С. 21–29.
5. Карев, Д.С. Советский уголовный процесс / Д.С. Карев. — М. : Наука, 1968. — 376 с.

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
7. Полянский, Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса / Н.Н. Полянский. — М. : Юриздат, 1927. — 87 с.
8. Смирнов, А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. — СПб. : Питер, 2001. — 369 с.
9. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 3 т. / М.С. Строгович. — М. : Наука, 1976. — Т. 1. — 261 с.
10. Строгович, М.С. Уголовный процесс / М.С. Строгович. — М. : Госюриздат, 1946. — 489 с.
11. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. А.С. Кобликова. — М. : Норма, 2000. — 384 с.
12. Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и судебный процесс / Ф.Н. Фаткуллин. — М. : Госюриздат, 1946. — 168 с.
13. Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. — Харьков : Юр. издат., 1929. — 451 с.
14. Элькин, П.С. Уголовный процесс / П.С. Элькин. — М. : Юрид. лит., 1971. — 462 с.

Информация об авторе

Зеленская Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт Сибирской академии права, экономики и управления, 664043, г. Иркутск, ул. Сергеева, 3, e-mail: stehha@mail.ru.

Information about the author

Zelenskaya Tatyana Valeryevna — candidate of legal sciences, the head of the criminal process and Criminalistics, Institute of law Siberian Academy of law, economics and management, 664043, Irkutsk, Sergeev St., 3, e-mail: stehha@mail.ru.

ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье рассматриваются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, совершившего преступление, анализируется необходимость психолого-криминалистического подхода к исследованию преступного поведения и личности несовершеннолетнего преступника, изучаются возрастные особенности физических, психических и социальных качеств несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: психолого-криминалистическая характеристика личности преступника; личность преступника; несовершеннолетний преступник; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего правонарушителя.

T.V. Isakova

THE PSYCHOLOGICAL AND CRIMINOLOGICAL DETECTION OF THE CONDITION OF LIFE AND EDUCATION OF JUVENILE OFFENDERS

The article is the result of study the psychological and criminological detection of the conditions of life and education of juvenile offenders. We consider psychological and crime detection aspect in research on criminal behavior and personality of a juvenile criminal as important. The article also discusses specific physical, mental, and social characteristics of juvenile offenders.

Key words: psychological and crime detection feature to personalities of the criminal; personality of a criminal; juvenile criminal; detection of the conditions of life and education of juvenile offenders.

Уголовно-процессуальный закон не раскрывает, какие именно условия жизни и воспитания несовершеннолетнего следует устанавливать. На практике это приводит к тому, что наиболее существенные из них не устанавливаются, либо устанавливаются не в полной мере.

Судебная практика исходит из того, что в рамках исследования условий жизни и воспитания несовершеннолетних суды должны устанавливать данные об их родителях или лиц их заменяющих (образовании, профессии, месте работы, моральных качествах, отношениях друг к другу и детям, выполнении обязанностей по их воспитанию), отношении детей к родителям, материально-бытовых условиях семьи, наличии у несовершеннолетнего имущества, самостоятельного заработка (его размеры); об учебе либо работе несовершеннолетнего (где учится, если работает, то в качестве кого); успеваемости, отношении к учебе (работе); о его поведении, отношении к старшим, к сверстникам; о поддержании связей в семье, о ближайшем бытовом окружении несовершеннолетнего, его связях, досуге, круге интересов, поведении дома и вне его.

К перечню вопросов, подлежащих выяснению при установлении условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, следует также отнести обстановку в семье, общественно-полезную занятость (учеба или работа), круг общения, интересы и увлечения, взаимоотношения с окружающими, прошлое противоправное поведение. Кроме того, полагаю, что подлежат выяснению обстоятельства, создавшие благоприятную обстановку для подготовки и совершения преступления (недостатки воспитательной работы в учебном коллективе, органов внутренних дел, опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, отсутствие надзора со стороны родителей, нетрудоустроенность), приведшие к формированию преступного умысла и непосредственно толкнувшие на преступление; что привело к возникновению у подростка антиобщественных взглядов и привычек (отрицательный пример, влияние ранее судимых, ведущих антиобщественный образ жизни лиц, извращенные представления о морали, нравственности, праве в семье и т.п.); каковы источники приобретения спиртных напитков, наркотиков, других одурманивающих веществ, связанных с их употреблением обстоятельства.

Несмотря на достаточно широкий круг действий, осуществляемых по собиранию доказательственной информации о личности несовершеннолетнего, это направление в деятельности следователя понимается очень узко, в связи с чем не используется весь арсенал средств для установления обстоятельств, характеризующих личность [4, с. 100]. Для установления анализируемых обстоятельств, как показывает изучение уголовных дел данной категории, следователи, дознаватели традиционно ограничиваются проведением преимущественно та-

кого следственного действия, как допрос. Допросу подвергаются родители несовершеннолетнего, родственники, школьные педагоги, хорошо знающие несовершеннолетнего, его друзья и знакомые.

Условия жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого выясняются также приобщением к делу характеристик с мест учебы, работы, жительства, материалов о поведении несовершеннолетнего обвиняемого от инспектора подразделения по делам несовершеннолетних (далее — ПДН ОВД), который осуществлял за ним контроль. Проведенное мною исследование уголовных дел показало, что сведения об условиях жизни и воспитания подростка имелись в 89 % уголовных дел, в каждом четвертом деле (25 %) органами расследования были внесены представления об условиях жизни и воспитания. Но и имеющиеся в уголовных делах представления носят формальный характер. В них излагается характеристика деяния, совершенного подростком, но не приводится анализ условий, способствующих совершению этого деяния, не высказываются предложения, направленные на их устранение.

Детальное изучение уголовных дел о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними на территории Республики Бурятия, показало, что только в 76 % уголовных дел имеются справки-характеристики на выявленного несовершеннолетнего, и только треть из них была направлена инспектору ПДН ОВД с целью его информирования о совершенном подростком преступлении. Внимательный анализ содержания таких справок-характеристик, к сожалению, свидетельствует о халатном выполнении следователями своих обязанностей. Чаще всего из всех необходимых позиций заполняются только анкетные данные подростка и указывается статья УК РФ, по которой он привлекается к уголовной ответственности.

При обобщении характеристик, представленных следователю, выяснилось, что 72 % несовершеннолетних обвиняемых характеризовалась положительно как по месту учебы или работы, так и по месту жительства. Изучив их, автор пришел к неутешительному выводу о том, что характеристики в подавляющем большинстве являются попросту отписками, которые не содержат необходимой информации, характеризующей поступки, качества, потребности и интересы подростка. Несколько лучше положение с характеристиками с места учебы несовершеннолетнего. Тем не менее и в этих документах нередко присутствует элемент формализма. Следователи очень редко в соответствующем запросе указывают на то, какая именно информация о

несовершеннолетнем им необходима, полагаясь полностью на понимание данного вопроса педагогическими работниками.

В этой связи М.И. Буянов справедливо отмечает, что «трудно переоценить значение педагогической характеристики. Однако нередко педагоги пишут эти характеристики очень скупо и даже необъективно. В одних случаях перечисляют какие-то формальные признаки, за которыми не стоит личность школьника: участвует в общественной жизни, следит за чистотой в классе, учится посредством... В других случаях педагоги так сгущают краски и до такой степени выступают в качестве судьи, или прокурора, что с подобной характеристикой следует идти сразу же в тюрьму для несовершеннолетних преступников [1, с. 249].

В ходе исследования уголовных дел мною было установлено, что наиболее часто в учебных характеристиках на несовершеннолетнего отражаются следующие вопросы:

- 1) где обучается подросток;
- 2) принимает ли он участие в общественной жизни;
- 3) дружит ли он с ребятами из класса;
- 4) как успевает по образовательным программам и какой любимый предмет.

В этой связи, думается, следовательно при запросе характеристик с того или иного места необходимо объяснять значимость объективности представляемых следствию характеристик и указывать на важность описания в них наиболее существенных для расследования качеств, таких, например, как честность или склонность ко лжи, добросовестность, отношение к окружающим, цинизм, жестокость, жадность и т.д. Комплекс интересующих следствие черт личности должен определяться в зависимости от категории совершенного преступления. Кроме названных характеристик следователь должен располагать информацией, содержащейся в справках о состоянии физического здоровья подростка, справках, представляемых ПДН ОВД.

К моменту предъявления обвинения справки о состоянии здоровья имелись в 4 % дел, а к моменту окончания предварительного следствия — в 10 %. Как видно, состояние здоровья несовершеннолетнего обвиняемого следователя, фактически, не интересует. Следует иметь в виду, что проблемы со здоровьем имеются у многих несовершеннолетних. Так, по данным Министерства обороны Российской Федерации, половина призывников имеют ограничения годности к службе по состоянию здоровья [6].

Что касается справок, представляемых ПДН ОВД, то они представляют собой бланк, в котором фиксируется информация о количестве членов семьи, материальном материальное положение и взаимоотношениях между членами семьи. Ни один из этих фактов не подтверждается какими-либо документами или объяснениями. На мой взгляд, этого недостаточно для формирования мнения об условиях жизни и воспитания подростка.

При проверке условий жизни и воспитания необходимо выяснить характеристику родителей или заменяющих их лиц и других членов семьи; их взаимоотношения, степень внимания к воспитанию подростка; воспитательную позицию (не было ли жестокости или, наоборот, гиперопеки, потакания любым желанием). Думается, полезным будет выяснить, не имеется ли объективных причин, препятствующих должному надзору за детьми (болезнь, занятость и т.д.); нет ли отрицательного влияния в семье (злоупотребление алкоголем, аморальное поведение, скандалы, проявление жестокости и т.д.); поинтересоваться материально-бытовыми условиями в семье, наличием у подростка места для занятий и отдыха, отношением к семье, отношением к его просьбам о приобретении вещей и предоставлении денег. Соответствующая информация в справках, предоставляемых ПДН ОВД, к сожалению, содержалась крайне редко.

Неоспоримо, что такие данные должны содержаться не только в справках из ПДН ОВД, они должны выясняться из показаний родителей, учителей, мастеров, ближайшего окружения несовершеннолетнего, соседей и из показаний самого несовершеннолетнего обвиняемого. Тем не менее в протоколах допроса несовершеннолетнего обвиняемого подробно условия жизни и воспитания выяснялись только в 3 % уголовных дел, поверхностно, кратко — в 5 %.

Такая ситуация вряд ли может считаться удовлетворительной, так как суд только тогда может правильно определить меру уголовной ответственности несовершеннолетнего, когда будут предварительно выяснены все условия его жизни и воспитания, личность несовершеннолетнего. Совершенно очевидно, от того насколько правильные и обоснованные выводы сделает суд, зависит дальнейшее направление уголовного дела.

Судебная практика показывает, что при самом добросовестном и скрупулезном расследовании материалы дела не могут содержать полной информации, необходимой суду для определения методики и тактики проведения судебного следствия. Такую информацию судья

мог бы получить в личной беседе со следователем, однако приглашение следователя в суд едва ли можно считать корректным. Кроме того, это может вызвать сомнения в объективности и беспристрастности суда. Да и сама информация, полученная в такой форме, будет носить неофициальный характер. С учетом того, что к моменту предъявления обвинения далеко не всегда достаточно изучается личность несовершеннолетнего обвиняемого, которая имеет значение не только для правильной диагностики совершенного общественно-опасного деяния, мне представляется целесообразным прибегать к помощи социальных служб.

Показателен, на мой взгляд, опыт судей г. Ростова-на-Дону, принимающих участие в программе «Поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних», разрабатываемой и внедряемой при содействии Программы Развития ООН Ростовским областным судом. В рамках данной программы участие специалиста по социальной работе является обязательным условием ювенального суда. Социальные работники отбираются на конкурсной основе, и критериями отбора служат наличие высшего образования по специальности «социальная работа» и опыт работы с данной категорией несовершеннолетних. Деятельность социальных работников нацелена на обеспечение судей более полной информацией о самом подростке и его социальном положении, что позволяет выносить более обоснованное и гуманное судебное решение, учитывающее перспективы и возможности дальнейшей работы с ребенком, профилактики последующих правонарушений. Социальный работник отнюдь не подменяет следователя, инспекторов ПДН ОВД, социальных педагогов, психологов, но вместе с тем он аккумулирует информацию из различных источников и от разных органов в одном итоговом документе — карте социально-психологического исследования, в которой даются ответы на вопросы о социально-бытовых, о жилищных условиях несовершеннолетнего и семьи, в которой он проживает, о взаимоотношениях в семье, об окружении. Карта социально-психологического исследования впоследствии представляется судье. Этот итоговый документ, составленный социальным работником, содержит в себе рекомендации и приобщается судом к материалам уголовного дела.

Составление социально-психологического портрета позволяет судье сделать уже более глубокий вывод о том, какое же все-таки возможно избрать наказание в отношении того или иного подсудимого и нужно ли принять какие-то дополнительные меры воспитатель-

ного воздействия в отношении него [2, с. 23]. Отвечая на вопрос, кто такой социальный работник и в чем заключается его деятельность, следует отметить, что он может быть привлечен к участию в судебном разбирательстве в качестве законного представителя несовершеннолетнего, а также допрошен в суде в качестве специалиста по социальной работе о фактах, которые ему стали известны в процессе исследования личности несовершеннолетнего [7].

Небезынтересно отметить, что опыт по реализации таких проектов имеется и в ряде других регионов. В их число входят программы, реализуемые Российским благотворительным фондом «Нет алкоголизму и наркомании», которые действуют в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Республиках Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Ингушетии, в Волгоградской, Кемеровской, Иркутской, Саратовской, Пермской областях и других регионах нашей страны.

Эксперименты проходят достаточно успешно. Наверное, не удивительно, что в отсутствие целенаправленной программы государственной поддержки инициатива по изменению положения несовершеннолетних правонарушителей и внедрению элементов ювенальной юстиции переходит в руки региональных властей, различных общественных организаций и международных фондов [5, с. 131].

Думается, что данный опыт работы в сфере правосудия несовершеннолетних окажется полезным тем регионам, где становление ювенальной юстиции еще только начинается. Хочется только надеяться на то, что государство проявит большую заинтересованность в поддержке подобных инициатив. Для того чтобы перенести успешный опыт с отдельных «островков» в общую практику, нужно нечто большее, чем энтузиазм отдельных работников судебной системы и социальных служб. Нужны законодательные установления [3, с. 19].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буянов, М.И. Беседы о детской психиатрии / М.И. Буянов. — М. : Просвещение, 1992. — 453 с.
2. Исакова, Т.В. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних / Т.В. Исакова. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 187 с.
3. Карнозова, Л.М. Ювенальная юстиция в России: какой ей быть? / Л.М. Карнозова // Юридический консультант. — 2005. — № 5. — С. 19–24.

4. Кошелева, И. Тактическая операция «изучение личности несовершеннолетнего обвиняемого / И. Кошелева, А. Михальчук // Уголовное право. — 2009. — № 3. — С. 100–104.

5. Пахолкин, Н.С. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве / Н.С. Пахолкин, И.В. Смолькова // Известия ИГЭА. — 2012. — № 3. — С. 131–134.

6. Призвать кого нужно... // Комсомольская правда. — 2013. — 29 сент.

7. Проблемы совершенствования правосудия в отношении несовершеннолетних в России и международный опыт создания ювенальной юстиции. — СПб. : ПРООН, 2001.

Информация об авторе

Исакова Татьяна Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, e-mail: tisakova@mail.ru.

Information about the author

Isakova Tatyana Valerevna — Assoc. Prof. of international law Department, East Siberia State University of Technology and Management, 40V Klyuchevskaya ul., Ulan-Ude, Russia, 670013, e-mail: tisakova@mail.ru.

УДК 343.1

ББК 67.410.2

Э.Р. Исламова

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В статье дана оценка положений действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, обозначены дискуссионные вопросы, касающиеся проблем их реализации, а также

сформулированы предложения по совершенствованию норм закона в данной сфере.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; прокурор; процессуальные полномочия.

E.R. Islamova

PROBLEMS OF ENSURING LAWFULLNESS AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

This article evaluates the aspects of current procedural legislation regulating authorities of a public prosecutor at the stage of initiation of a criminal case, indicates debatable questions concerning the problems of their implementing, and defines suggestions for improvement of legislation in this area.

Key words: initiation of a criminal case; prosecutor; procedural authorities.

Распространение нарушений уголовно-процессуального закона при приеме, регистрации и проверке сообщений о преступлениях, а также принятии процессуальных решений свидетельствует о том, что стадия возбуждения уголовного дела продолжает оставаться одним из «проблемных» этапов уголовного судопроизводства.

Для подтверждения следует привести следующие статистические данные работы органов прокуратуры Российской Федерации за 2013 г.:

– в деятельности органов дознания и предварительного следствия органами прокуратуры России выявлено 3 489 553 нарушения в указанной стадии;

– отменено 23 498 незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела;

– 2 575 024 незаконных и необоснованных решения об отказе в возбуждении уголовного дела [9];

– установлено 4 тыс. прямых отказов в приеме заявлений о преступлениях и случаев их нерегистрации при наличии бесспорных оснований для проверки и возбуждения дел, при этом более трети из них допущено должностными лицами Следственного комитета России [5].

Генеральным прокурором Российской Федерации на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,

состоявшемся 29 апреля 2014 г., отмечено, что «в 2013 г. значительные усилия прокуроров вновь потребовались для обеспечения законности на начальной стадии уголовного судопроизводства. Все чаще допускаются факты неправомерного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе вопреки позиции прокурора о наличии достаточных признаков преступления. Многочисленны примеры отмены прокурорами незаконных решений по одному и тому же заявлению пять и более раз. В масштабах России они исчисляются тысячами. В результате происходит нарушение разумных сроков судопроизводства, а в ряде случаев освобождение от ответственности виновных лиц ввиду истечения сроков давности» [5].

Однако действующий уголовно-процессуальный закон не предоставляет необходимую правовую регламентацию процессуальных полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела.

Несмотря на многочисленные предложения ученых и практических работников вернуть прокурору право возбуждать уголовные дела, соответствующие изменения в уголовно-процессуальный закон до настоящего времени не внесены [1, с. 15; 2, с. 53; 6, с. 84; 7, с. 55; 8, с. 16; 10, с. 102]. Прокурор, как и прежде, не наделен полномочиями по проверке сообщений о преступлениях и принятию по ним процессуальных решений.

Отдельными авторами предлагается наделить прокурора правом возбуждения уголовных дел только в отношении поступивших в порядке ст. 148 УПК РФ материалов проверки сообщений о преступлении, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано, мотивируя это тем, что не будет допущено смешения с функциями органов предварительного расследования [9, с. 11]. Такое предложение представляется неоправданным.

К примеру, зачастую прокурорами выявляются основания для возбуждения уголовных дел по результатам проверок исполнения законов, так называемых «общенадзорных» проверок. Оперативность в решении данного вопроса отсутствует, поскольку в настоящее время действует процедура вынесения прокурором мотивированного постановления о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, которому Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ придал значение повода возбуждения уголовного дела. Наличие такого повода, никоим образом не компенсирующе-

го отсутствие права возбуждать уголовные дела, следует оценивать критически. Ведь фактически в данном случае статус прокурора, наделенного полномочиями по надзору за исполнением законов и имеющего соответствующие профессиональные знания, приравнивается к статусу гражданина — заявителя. При этом решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с мотивированным постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании в силу ч. 1¹ ст. 148 УПК РФ может быть принято с согласия руководителя следственного органа, а не прокурора. В отношении постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, вынесенных органами дознания, вообще отсутствует обязанность какого-либо согласования принимаемого решения.

Несомненно, на практике не менее важно наличие такого полномочия прокурора, как возбуждение уголовного дела и в целях реагирования на нарушения, выявленные в ходе проверок исполнения закона при вынесении решений об отказе в возбуждении уголовных дел. Вместе с тем ни статистические данные, ни примеры, приводимые Генеральным прокурором Российской Федерации (например, в Ставропольском крае прокурор вынужден был 5 раз отменять незаконные постановления следователя по факту безвестного исчезновения человека, пока добился возбуждения уголовного дела об убийстве) [5], а также исследователями названных проблем (в Чеченской Республике гражданке К. неизвестным лицом причинены огнестрельное и колото-резаное ранения в область грудной клетки, однако при очевидных обстоятельствах уголовное дело о покушении на убийство было возбуждено лишь спустя 40 суток с момента совершения особо тяжкого преступления) [1, с. 12], не повлияли на решение законодателя. Затягивание в принятии таких решений влечет утрату доказательств.

Вызывают критику нормы уголовно-процессуального закона, устанавливающие различные полномочия прокурора по реагированию на незаконные и необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные органом дознания, дознавателем и руководителем следственного органа, следователем.

Так, признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор должен отменить его и направить соответствующее

постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения.

Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении должен отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и вынести мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляется руководителю следственного органа.

Причины установления таких отличий не ясны. Вместе с тем представляется правильным закрепление в уголовно-процессуальном законе единого, четкого и эффективного порядка реагирования прокурора на незаконные и необоснованные решения, вынесенные как органом дознания, дознавателем, так и руководителем следственного органа, следователем.

Целесообразно изложить ч. 6 ст. 148 УПК РФ в следующей редакции: «Постановление руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела, а также материалы проверки сообщения о преступлении незамедлительно направляются прокурору. Прокурор, признав отказ дознавателя, органа дознания, руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждает уголовное дело в порядке, установленном настоящей главой, либо на основании мотивированного постановления возвращает материалы для дополнительной проверки, которая должна быть проведена в срок не позднее 5 суток».

Резюмируя изложенное, следует отметить, что, несомненно, процессуальные полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела нуждаются в серьезном расширении — прокурор должен иметь право:

- самостоятельно возбуждать уголовное дело;
- отменять необоснованные решения о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела органом дознания, дознавателем, руководителем следственного органа, следователем на основании единого порядка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдул-Кадыров, Ш.М. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / Ш.М. Абдул-Кадыров // Законность. — 2012. — № 9. — С. 12–15.
2. Быков, В.М. Права прокурора на стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // Законность. — 2013. — № 4. — С. 49–53.
3. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на парламентских слушаниях 18 ноября 2013 г. на тему: «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». — Режим доступа: www.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances.
4. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 27 апреля 2013 г. — Режим доступа: www.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/82414.
5. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 29 апреля 2014 г. — Режим доступа: www.genproc.gov.ru/smi/interview_and_appearances/appearances/1458.
6. Ережипалиев, Д. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / Д. Ережипалиев // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 84.
7. Капинус, О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в стадии возбуждения уголовного дела / О.С. Капинус // Прокурор. — 2013. — № 2. — С. 50–58.
8. Кругликов, А.П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования / А.П. Кругликов // Законность. — 2012. — № 1. — С. 12–16.
9. Ряполова, Я.П. Процессуальные действия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий и решений на стадии возбуждения уголовного дела / Я.П. Ряполова // Российский следователь. — 2012. — № 14. — С. 9–11.
10. Соловьев, А. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / А. Соловьев, М. Токарева // Уголовное право. — 2011. — № 4. — С. 102.
11. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2013 г. — Режим доступа: www.genproc.gov.ru/stat/data/86449.

Информация об авторе

Исламова Эльнара Рафисовна — старший прокурор Санкт-Петербургского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и государственных гражданских служащих, кандидат юридических наук, Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 2/9, e-mail: islamova_e@procsspb.ru.

Information about the author

Islamova Elnara Rafisovna — Ph.D. (Law), Senior Prosecutor, Saint Petersburg Prosecutor's Office Interregional Center for Professional Training of Prosecutors and Civil Servants, e-mail: islamova_e@procsspb.ru.

УДК 343.131

ББК 67.41

С.В. Корнакова

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В статье доказывается, что справедливость является не только конституционной декларацией, но и общеправовым принципом, соблюдение требований которого, наряду с требованиями принципов конституционности и законности, является общеобязательным во всех без исключения отраслях права.

Ключевые слова: принципы права; справедливость.

S.V. Kornakova

THE QUESTION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE

The article proves that justice is not only constitutional declaration, but the common law principle. To follow the requirement of this principle as well as the constitutionality and legality requirements is obligatory for all branches of law.

Key words: principles of law; justice.

Несмотря на то, что вопрос о соотношении права и справедливости является настолько изученным, что каждое обращение к нему

можно расценить, если не как повторение пройденного, то, во всяком случае, как попытку представить известное в новом облике, тем не менее, среди ученых до сих нет единства мнений по этому вопросу. Так, например, А.Я. Курбатов считает, что «требование справедливости не может рассматриваться в качестве общеправового принципа» [6, с. 58]. Такой вывод вызывает возражение. Со времен античности принципу справедливости придается особое значение, проявляющееся в том, что понятие «справедливость» отражает не только основные нравственные начала права, но и его социальное назначение. Как известно, само понятие «юстиция» в переводе с латинского означает «справедливость», т.е. справедливость, прежде всего, по отношению к человеку.

Аристотель выделял два рода справедливого. Во-первых, «справедливое — это то, что велит делать закон», во-вторых, «справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство» [2, с. 324]. Следовательно, справедливость — это категория и морально-го, и правового сознания, оценивающая общественную деятельность с точки зрения долженствования. Поэтому верное, по сути, суждение А.Я. Курбатова о том, что «при рассмотрении справедливости в качестве морально этической, ценностной категории ей может придаваться значение либо внешнего фактора, влияющего на право, либо некоего качества или свойства права, либо воплощение (цели) права» [6, с. 45] требует уточнения. Представляется, что данное суждение является слабой дизъюнкцией, члены которой не исключают друг друга: справедливость может являться и фактором, влияющим на право, и качеством права, и воплощением цели права.

Всеобщая декларация о правах человека содержит положение о том, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [4]. Данная Декларация не является документом, обязательным для исполнения, тем не менее, многие юристы утверждают, что ее положения уже приобрели обязательную юридическую силу на основе международных обычаев и практики ввиду ее применения в конституциях и судами многих стран. Поэтому и в настоящее время отношение к принципу справедливости среди ученых не изменилось. Более того, по мнению С.С. Алексеева, воплощение требования справедливости в правовой материи является «основным постулатом», определяющим сам феномен права [1, с. 63]. В приведенном суждении акцент именно на том, что принцип справедливости должен быть руководящим во всех отраслях права без исключения, об-

щеобязательным к применению всеми субъектами права. Конституционный Суд РФ также отмечает, что «правосудие по своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и гарантирует эффективное восстановление в правах» [8].

В связи с этим представляется более убедительной точка зрения О. Мартышина, который, отмечая, что тема справедливости принадлежит к числу вечных тем философии и теоретической юриспруденции утверждает: «Во все времена и у всех народов считалось, что право должно быть справедливым. При этом либо оно рассматривалось как воплощение справедливости, либо выдвигалась цель привести его в соответствие со справедливостью. Из этого можно заключить, что справедливость — одна из ценностей права, причем наиболее долговечных и существенных. Многие ценности права преходящи... Справедливость принадлежит к числу вечных ценностей или основных принципов права. Помимо справедливости к ним можно отнести лишь общее благо и соблюдение законов (в широком смысле слова). Больше того, справедливость — не только вечная, но и высшая ценность в праве. Все остальные соизмеряются с ней и действительны лишь при условии, что они не противоречат справедливости» [7].

А.Я. Курбатов полагает, что понимание справедливости зависит от «субъективного подхода, который исповедует тот или иной ученый» [6, с. 46]. Представляется, что объективный смысл, вкладываемый людьми, в том числе юристами, в понятие справедливости один и тот же: он представляет собой понятие о должном, является отражением неразрывной связи и соответствия между ролью отдельных людей в жизни общества и их социальным положением, действиями и их последствиями, достоинством людей и их вознаграждением. Если речь идет об оценке любого социального явления, имеющего отношение к поведению людей, политике, деятельности органов государственной власти, судебному решению, законодательным актам т.п., то применяются именно понятия «справедливое — несправедливое», при этом понятие «справедливость» является синонимом объективности, соразмерности и беспристрастности. Другое дело, *что* в каждом конкретном случае представляется для субъекта справедливым, исходя из его собственной оценки рассматриваемой ситуации. Поэтому, думается, что субъективизм проявляется не в понимании смыслового значения понятия справедливости — оно общее для всех, а в

оценке конкретной ситуации, всегда субъективной, поскольку она исходит от субъекта и выражает его личное мнение, не случайно о мышлении говорят, что это субъективное отражение объективной реальности. Тем не менее справедливой оценка будет только тогда, когда «субъективный подход» основан на объективном знании, а позиция юриста должна быть основана на принципе: действовать по справедливости — значит действовать, соответственно требованиям права.

Кроме того, как верно отмечает М.В. Пресняков, «равенство перед судом и право на судебную защиту не сводится к формальному аспекту процедурной справедливости, а предполагает вынесение справедливого судебного решения, восстановление в правах, что требует индивидуального подхода к обстоятельствам дела, а не формального применения правовых норм» [9, с. 15].

Уместно в связи с этим привести слова А.П. Александрова из речи по делу Веры Засулич: «Если закон не может предусмотреть все нравственные, индивидуальные различия преступника, которые обуславливаются их прошедшим, то является на помощь общая, присущая человеку нравственная справедливость, которая должна подсказать, что применимо к одному и что было бы высшею несправедливостью в применении к другому» [10, с. 19]. В данном случае нравственная справедливость применена к оценке правовой ситуации. Возникает вопрос: можно ли считать, что в этом случае понятие справедливости использовалось «в прикладных целях»?

Далее, не совсем верным представляется утверждение А.Я. Курбатова о том, что «правовая охрана не может быть поставлена в зависимость от правильности и степени осознания правовых требований» и, в частности, это находит выражение в правовом принципе: «незнание закона не освобождает от ответственности» [6, с. 50]. Справедливость данного принципа, на мой взгляд, скорее обусловлена тем, что в основе правовых норм лежат нормы нравственности и многие правовые нормы закрепляют не что иное, как моральные требования, которые известны всем: «не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй». Тот человек, который в своем поведении руководствуется моральными требованиями, как правило, не нарушает и правовых. Право и мораль являются регуляторами общественных отношений, при этом, если нормы права согласуются с нормами морали, право действует более эффективно. В этом и проявляется взаимосвязь морали и права. Лаконично, но емко эту мысль вы-

разил Г. Радбрух: «Право — это действительность, ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости» [11, с. 37].

Право использует язык морали, называя его понятия и выражения «понятиями с изменяющимся содержанием». Такие понятия иногда вводятся в юридические тексты, чтобы оставить для судьи и органов государственной власти большую свободу оценок. Право не может обойтись без гибких понятий морального языка, потому что оно предназначено для того, чтобы обеспечивать равновесие между юридическим порядком и социальной средой, подчинять ему жизнь общества, поэтому право должно быть способно воспроизводить пластичные формы реальной жизни, что возможно только благодаря существованию определений с широки значением, которые могут охватить сразу все известные и неизвестные случаи и предложить для них соответствующую трактовку [5, с. 31–32].

Право призвано не просто упорядочивать общественные отношения — оно призвано упорядочивать их наиболее справедливым образом. К своей работе «Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права» И.А. Покровский избрал эпиграфом следующий афоризм: «Кроме непосредственного применения на практике, задача закона должна заключаться и в провозглашении и проведении в сознание народа возвышенных начал справедливости» [3, с. 231–232], обозначая этим базовую ценность права — справедливость. Поэтому следует признать ошибочным утверждение А.Я. Курбатова, что «просто закреплять обязанность соблюдать требование справедливости — бессмысленно, поскольку это юридически не определенная обязанность, способствующая проявлению субъективизма в правоприменительной деятельности» [6, с. 48–49].

Кроме этого, А.Я. Курбатов, делая вывод о том, что «исходя из принципа правовой определенности, требование справедливости не может рассматриваться в качестве общеправового принципа», на наш взгляд, произвел подмену основания и следствия. В Конституции РФ принцип правовой определенности напрямую не закреплен, но легко выводим из принципа справедливости, а не наоборот.

Из конституционных принципов равенства и справедливости вытекает требование определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, поскольку иное не может обеспечить ее единообразное применение, не исключает неограниченное усмотрение в правоприменительной практике и, следовательно, неизбежно ведет к произволу.

Согласно ч. 3 ст. 17 Конституции РФ осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. В этом заключается отмеченное еще Аристотелем главное содержание справедливости: обуздание стремления одного индивида получить то, что принадлежит другому. Именно в этом находит отражение назначение правосудия, которое должно гарантировать эффективное и справедливое восстановление нарушенных прав.

Таким образом, принцип справедливости, являясь по своему происхождению и первоначальному смыслу нравственным, лежит в основе права, он определяет моральное отношение государства к участникам правовых отношений, делает людей равными перед законом и судом, является нормой гуманистического отношения к человеку. О праве говорят, что это не что иное, как мораль, наделенная способностью принуждения, но право обладает наибольшей принудительной силой, оно обеспечивает исполнение норм, являющихся основой общественной безопасности, поскольку оно имеет дело не с «идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех».

Основной вывод А.Я. Курбатова о том, что «справедливость в праве — это категория, прежде всего, конституционного и законодательного процесса» [6, с. 48] является бесспорным. Но в то же время «прежде всего» — не означает «исключительно». И если справедливость — требование законодателя, не означает ли это, что этим принципом обязан руководствоваться в своей деятельности и правоприменитель? Думается, ответ на данный вопрос должен быть утвердительным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С.С. Собрание сочинений : в 11 т. / С.С. Алексеев. — М. : Статут, 2010. — Т. 1. — 495 с.
2. Аристотель. Большая этика // Соч. : в 4 т. : пер. с древнегр. / общ. ред. А.И. Доватура. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
3. Асланян, Н.П. Основные начала российского гражданского права : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.П. Асланян. — М., 2001. — 365 с.
4. Всеобщая декларация о правах человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1995. — 5 апр.

5. Красникова, Е.А. Этика и психология профессиональной деятельности / Е.А. Красникова. — М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2009. — 224 с.
6. Курбатов, А.Я. Справедливость в российском праве: подмена понятий, субъективизм и неопределенность / А.Я. Курбатов // Вопросы правоведения. — 2012. — № 3. — С. 44–64.
7. Мартышин, О. Справедливость и право [Электронный ресурс] / О. Мартышин // Юрист. — 2004. — № 12. — Режим доступа: <http://journal.zakon.kz>.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. — № 22. — Ст. 2194.
9. Пресняков, М.В. Конституционный принцип справедливости: Юридическая природа и нормативное содержание : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М.В. Пресняков. — Саратов, 2010. — 45 с.
10. Речи известных русских юристов : сб. — М. : Юрид. лит., 1985. — 544 с.
11. Смолькова, И.В. Юридические афоризмы / И.В. Смолькова. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 536 с.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел.: 24-00-14, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova Svetlana Viktorovna — Associate professor, Candidate of Sciences (Law), Department of criminal proceedings and the prosecutor's supervision, Baikal National University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

**ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН — ПРАВО
ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ СУДА?**

В статье анализируются вопросы, связанные с прекращением уголовных дел судом в связи с примирением сторон, рассматривается позиция Верховного Суда РФ, выраженная в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», в соответствии с которой ходатайство сторон о прекращении уголовного дела в связи с их примирением становится обязательным для суда.

Ключевые слова: примирение сторон; прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон; постановление о прекращении уголовного дела.

N.G. Korshakevich

**TERMINATION OF CRIMINAL CASES
DUE TO THE FACT CONCILIATION OF PARTIES — IS THIS
RIGHT OR COMMITMENT OF COURT?**

The article discusses the aspects of termination of criminal cases due to the fact conciliation of parties. Considers attitude of Supreme Court of Russian Federation, expressed in decision of Plenum of Supreme Court № 19 by 27 June 2013, as consistent with, this petition become obligatory from the court.

Key words: conciliation of the parties; termination of criminal cases due to the fact conciliation of parties; decision of termination of criminal cases.

Российское уголовно-процессуальное право предусматривает двенадцать различных оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) судом. Чаще всего судами прекращаются уголовные дела в связи с примирением сторон. Так, в 2011 г. судами общей юрисдикции в РФ в связи с примирением сторон было пре-

крашено 197 731 уголовное дело, что составило 83,3 % от общего количества прекращенных уголовных дел, а в 2012 г. — 187 534 уголовных дела (84,5 %) [1].

Из приведенной статистики видно, что подавляющее большинство уголовных дел прекращается в связи с примирением сторон в соответствии со ст. 25 УПК РФ. Данное основание прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования является нереабилитирующим, т.е. не влечет последствий, предусмотренных гл. 18 УПК РФ, т.е. подсудимый в данном случае не признается лицом, не совершавшим преступления.

Уголовное дело (уголовное преследование) в связи с примирением сторон может быть прекращено не во всех случаях, а только при конкретных, указанных в законе обстоятельствах. Статья 25 УПК РФ предусматривает, что при наличии заявления потерпевшего или его законного представителя в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, суд *вправе* прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон (курсив мой. — Н. К.).

Законом предусмотрены следующие условия прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон:

1. Подсудимый обвиняется в совершении преступления небольшой или средней тяжести.
2. Подсудимый совершил данное преступление впервые.
3. Подсудимый примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред.
4. Подсудимый согласен на прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию.
5. Потерпевший или его законный представитель заявили ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении данного лица.

На стадии предварительного расследования дополнительным условием прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон является наличие согласия на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) руководителя следственного органа (для следователя) или прокурора (для дознавателя).

Законодатель оставляет вопрос о возможности прекращения уголовного дела в каждом конкретном случае на усмотрение суда даже при соблюдении всех вышеуказанных условий.

Однако в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от

уголовной ответственности», ранее совершившим преступление считается только лицо, в отношении которого имеется вступивший в законную силу обвинительный приговор суда, в том случае, если судимость не снята и не погашена в установленном законом порядке [2].

Данное положение представляется вполне логичным, поскольку в соответствии с Конституцией РФ виновным лицо может признать только суд. Вместе с тем п. 27 этого Постановления предусматривает: «Если суд первой инстанции при наличии оснований, предусмотренных... ст. 25 УПК РФ, не прекратил уголовное дело и (или) уголовное преследование, то в соответствии со ст. 389²¹ УПК РФ суд апелляционной инстанции отменяет приговор или иное решение суда первой инстанции и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование».

Таким образом, при наличии оснований, предусмотренных ст. 25 УПК РФ, суд лишен права принимать решение о прекращении уголовного дела по своему усмотрению, принимая во внимание особенности совершения преступления, данные о личности обвиняемого и прочие обстоятельства. Если по делам частного обвинения такое положение дел вполне логично, то по делам частного-публичного и публичного обвинения такое решение представляется спорным.

На практике встречаются случаи, когда заявление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон поступает по уголовному делу в отношении подсудимого, ранее неоднократно привлекавшегося к уголовной ответственности, уголовные дела в отношении которого ранее неоднократно прекращались по нереабилитирующим основаниям, имеющего погашенные судимости, в том числе и за совершение тяжких преступлений. Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, суд даже в этом случае не имеет права отказать в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела. Насколько данное положение дел соответствует такой цели уголовного судопроизводства в РФ, как защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений? При освобождении такого подсудимого от наказания, с большой долей вероятности законопослушные граждане могут подвергнуться опасности совершения в отношении них нового преступления.

С одной стороны, потерпевшему дано право просить об освобождении от наказания подсудимого, если ущерб, причиненный преступлением, ему полностью возмещен, и он не желает дальнейшего производства по делу. С другой стороны, у государственного обвини-

теля должно быть право возражать на такую просьбу потерпевшего, а у суда — право решать в каждой конкретной ситуации, возможно ли освободить подсудимого от наказания.

В судебной практике государственный обвинитель иногда возражает против прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон не в связи с отсутствием предусмотренных ст. 76 УК РФ условий, а в связи с криминальными наклонностями личности подсудимого.

В этой связи интересным представляется пример из практики Ангарского городского суда Иркутской области, которым было прекращено уголовное дело и уголовное преследование в отношении гражданина А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, в связи с примирением сторон. Ранее А. в 2001, 2003, 2005, 2006, 2013 гг. привлекался к уголовной ответственности, в том числе дважды был судим за совершение преступлений по ч. 3 ст. 162, а также по ч. 3 ст. 158, ч. 2 ст. 166 УК РФ (все судимости погашены). Также уголовные дела в отношении него неоднократно прекращались в связи с примирением сторон по ч. 1 ст. 111, ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 118 УК РФ. Государственный обвинитель в судебном заседании выступил против прекращения уголовного дела в отношении А. в порядке ст. 25 УПК РФ, поскольку он имеет склонность к совершению корыстных преступлений, кроме того, совершил последнее преступление в состоянии алкогольного опьянения. Однако уголовное дело судом все же было прекращено за примирением сторон [3].

Суд не учел мнение государственного обвинителя при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, и это связано прежде всего с анализируемой позицией Верховного Суда РФ.

Не создает ли такая ситуация у лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, ощущения полной безнаказанности? Совершив преступление небольшой или средней тяжести, и не имея непогашенной судимости, они могут убедить потерпевшего написать заявление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон в обмен на возмещение ущерба и тем самым избежать наказания.

Однако в ст. 25 УПК РФ указано, что суд «вправе» прекратить уголовное дело в связи с примирением сторон. Налицо явное противоречие. Вместе с тем УПК РФ имеет безусловный приоритет над постановлениями Пленума Верховного Суда РФ. На практике же суды

апелляционной инстанции отменяют обвинительные приговоры судов первой инстанции по такого рода делам, руководствуясь позицией указанного выше Постановления.

Представляется, что в целях осуществления таких задач правосудия, как охрана прав граждан от преступного посягательства, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, предупреждение преступлений, необходимо Пленуму Верховного Суда РФ дать указание судам соблюдать требования ст. 25 УПК РФ, предоставляющей право суду решать, прекратить уголовное дело в конкретном случае в отношении конкретного лица, или в прекращении уголовного дела отказать, если данные о личности обвиняемого позволяют сделать вывод о невозможности его исправления без назначения наказания.

Для этого необходимо отменить п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 либо изменить его, включив туда положение об обязанности суда апелляционной инстанции отменять обвинительные приговоры, которые были постановлены в связи с необоснованным отказом в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, т.е. тогда, когда, в соответствии с обстоятельствами дела и данными о личности подсудимого, отсутствуют основания полагать, что его исправление без назначения наказания невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчеты о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011 г., за 12 месяцев 2012 г. [Электронный ресурс] : офиц. сайт // Судебный департамент при Верховном суде РФ. — М., 2013. — Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=1775>.

2. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2013. — № 8. — С. 2–8.

3. Архив Ангарского городского суда Иркутской области за 2014 г.

Информация об авторе

Коршакевич Наталья Григорьевна — аспирант кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государствен-

ный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: ulibkanatalia@mail.ru.

Научный руководитель и рецензент — *Смолькова Ираида Вячеславовна*, доктор юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Korshakevich Natalia Grigorievna — post-graduate student of chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Baikal National University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: ulibkanatalia@mail.ru.

Scientific adviser — *Smolkova Iraida Viacheslavovna*, Doctor of Law, Holder of chair of Criminal procedure, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal National University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003.

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Л.И. Лавдаренко

КАТЕГОРИЯ ФУНКЦИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена исследованию категории функций в уголовном судопроизводстве. В работе рассмотрены позиции по определению уголовно-процессуальных функций. Автором делается вывод о самостоятельном значении категории функций относительно сферы уголовного судопроизводства. Объясняется появление данной категории необходимостью характеристики типа процесса, направлений деятельности по защите, обвинению и разрешению уголовного дела.

Ключевые слова: функция; уголовный процесс; направления деятельности; защита; обвинение; разрешение уголовного дела.

CATEGORY OF FUNCTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article investigates categories of functions in criminal proceedings. The article considers positions defining criminal proceeding functions. The author comes to the conclusion of independence of criminal proceeding functions in the sphere of criminal proceedings. Introduction of the category is explained by the necessity to describe types of the proceedings, activity areas in defence, prosecution and a criminal case resolution.

Key words: function; criminal proceedings; activity areas; defence; prosecution; criminal case resolution.

В отечественной уголовно-процессуальной науке категория уголовно-процессуальных функций исследуется уже много лет. Ее теоретическая разработка имеет немаловажное значение как для развития уголовно-процессуальной науки, так и для правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности. Как справедливо отмечает Р.Х. Якупов, «теоретический и практический смысл разработки функций в уголовно-процессуальном аспекте состоит в обнажении одного из важнейших критериев определения сущности исторической или реальной формы уголовного процесса и признании его либо состязательным, либо розыскным, либо смешанным процессом с вкраплениями, элементами любой другой из числа названных форм процесса» [25, с 16].

Вопрос о сущности функций уголовного преследования (обвинения), защиты и разрешения дела исследовался в юридической науке во второй половине XIX в. С.И. Викторским, М.В. Духовским, Н.Н. Розиным, В.К. Случевским, Д.С. Тальбергом, И.Я. Фойницким, А.А. Чебышевым-Дмитриевым и другими русскими учеными. Тогда же стал использоваться термин «функция» применительно к характеристике уголовно процессуальной деятельности: защиты, обвинения, юрисдикционной деятельности, а также для характеристики розыскного и состязательного процессов. Так, при характеристике «следственного или розыскного процесса», в дореволюционной теории отмечалось, что в таком процессе «в лице судьи соединяются различные процессуальные функции», в состязательном же процессе функции обвинения и защиты отделены от судебной деятельности и возложены на стороны [19, с. 72].

После революции 1917 г. точка зрения на существование обособленных друг от друга функций была поддержана не сразу, что объяснялось неприемлемостью состязательности для советского уголовного процесса. В начале 60-х гг. прошлого века в результате развернувшейся на страницах юридической печати дискуссии был сделан вывод о существовании функций в уголовном судопроизводстве, однако не было единого взгляда на их определение, количество, содержание, субъектов, по поводу чего Л.Д. Кокорев писал, что более спорной темы в уголовно-процессуальной науке, видимо, не существует [10, с. 52].

В.Г. Даев, проанализировав все определения понятия уголовно-процессуальных функций, существовавшие в науке уголовного процесса в момент проведения им исследования, сделал вывод, что по данному вопросу можно выделить две кардинальные позиции. В соответствии с одной из них под функциями понимаются отдельные виды, отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности. В соответствии с другой, функции — это определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности специальное назначение и роль ее участников [3, с. 65–66]. Г.П. Химичева называет еще одну позицию по определению функций, согласно которой «осуществление тем или иным субъектом конкретной функции не обуславливается правовой регламентацией его процессуального положения, а зависит от выбора данным субъектом определенного направления деятельности, осуществление которого рассматривается в процессе как одна из его функций» [20, с. 48]. Однако, исходя из приведенного суждения, функция трактуется как *направление деятельности*, т.е. данная позиция вполне вписывается в одну из двух, представленных В.Г. Даевым. По вопросу же о том, чем определяется функция — нормами права, процессуальным интересом, задачами, выбором субъекта вида (направления) деятельности и др. — имеется множество мнений, в связи с чем определения функций имеют множество разновидностей, каждая из которых может быть отнесена к той или иной группе из числа предложенных В.Г. Даевым.

Сторонники обеих позиций выяснение значения термина «уголовно-процессуальная функция» справедливо начинали с самого термина «функция», который часто употребляется в различных сферах жизнедеятельности человека и в науке. Он происходит от латинского слова *functio* — «исполнение» или «осуществление» и в словарях

русского языка определяется как: 1) работа; 2) обязанность, круг деятельности; 3) назначение, роль [13, с. 543].

Исходя из этимологического значения термина «функция», некоторые ученые понимают уголовно-процессуальную функцию как разновидность такого компонента компетенции субъекта уголовно-процессуального права, как процессуальная обязанность. По мнению В.В. Шимановского, под функцией следует понимать «основную (ведущую) обязанность... которой определяется процессуальная роль каждого из участников процесса» [22, с. 175]. Аналогичной точки зрения придерживаются А.Д. Бойков [2, с. 46], М.Я. Якуб [23, с. 89], З.З. Зинатуллин и Т.З. Зинатуллин [7, с. 9–10], приравнивая процессуальную функцию к «основной обязанности органа или лица, участвующего в производстве по делу, его процессуальному назначению».

Поскольку обязанности, назначение имеют в уголовном процессе только органы, наделенные государственно-властными полномочиями, рассматриваемая точка зрения сужает сферу реализации уголовно-процессуальных функций. Исходя из данной позиции, следует исключить из уголовно-процессуальных функций деятельность, осуществляемую потерпевшим, гражданским истцом и ответчиком, а также деятельность, направленную на защиту от обвинения. Еще в 70-е гг. с пониманием функции, как процессуальной обязанности, не были согласны многие процессуалисты. Так, Л.Д. Кокорев писал: «Действовать в определенном направлении участник процесса может не только потому, что закон обязывает его к этому, но и потому, что закон предоставляет ему такую возможность. Чем эта деятельность обусловлена — обязанностью или субъективным правом — является частной стороной данной проблемы, а суть ее в характере этой деятельности, в ее основном направлении» [10, с. 50]. Так же считает Н.А. Якубович. Она пишет: «Устанавливая функцию участника предварительного расследования, надо исходить из того, что является движущим, побудительным началом, заставляющим участника выполнять необходимые действия в должном направлении, обуславливая соответствующий характер его функции. В одном случае это могут быть задачи, в другом — процессуальный интерес, в третьем — обязанности» [24, с. 55]. С данным суждением нельзя не согласиться.

Исходя из этимологии слова «функция», О.Д. Жук полагает, что «носителем той или иной функции всегда является не абстрактное социальное явление или социальный институт, а государственный орган или определенное лицо», в связи с чем заключает: «функция —

то, что составляет основную обязанность того либо иного органа (лица). Не выполняя или ненадлежащим образом выполняя свою функцию, лицо или выбывает из соответствующей сферы общественных отношений (в нашем случае — уголовно-процессуальных правоотношений) или становится носителем иной, изначально не свойственной ему функции» [6, с. 417]. Таким образом, из его рассуждений следует, что уголовно-процессуальная функция — категория субъективная, зависящая от ее исполнения конкретным участником уголовного дела.

О субъективной природе уголовно-процессуальных функции писал и В.П. Нажимов. И хотя автор делал оговорку, что «количество уголовно-процессуальных функций следует определять, исходя из природы уголовного процесса, из реального наличия в его содержании важнейших видов уголовно-процессуальной деятельности», тем не менее он утверждал: «Тот или иной субъект осуществляет ее (функцию. — Л. Л.) в большинстве случаев не столько на положениях закона, сколько на свободе выбора осуществляемой им функции, выбора, определяемого внутренним убеждением и обстоятельствами дела» [12, с. 76].

На ошибочность данной точки зрения указывается в процессуальной теории. При этом правильно отмечается, функция — это объективная категория, отраженная в действующем законе, она «определяет процессуальное положение данного субъекта и не зависит от его конкретной позиции в том или ином деле» [17, с. 33].

Возвращаясь к вопросу об определении категории уголовно-процессуальных функций на основе лишь этимологического его значения, а именно как определенные обязанности, круг деятельности, роль в осуществлении чего-то, видимо, можно было бы согласиться с таким ее пониманием. Все дело, однако, в том, что большинство ученых данному термину придает иное смысловое значение. В литературе справедливо обращается внимание на то, что, «если бы содержание специального научного понятия было тождественно его словесному обозначению, семантика превратилась бы во всеобщее и исключительное средоточие человеческих знаний» [9, с. 108]. Термин «функция», появившийся в XIX в. в отечественной правовой науке для характеристики юрисдикционной деятельности, защиты, обвинения, розыскного и состязательного процесса, приобрел самостоятельное значение для сферы уголовного судопроизводства, преобразовавшись в категорию — «уголовно-процессуальная функция».

С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев, трактуя функции как «предназначение и направление правового воздействия», приходят к выводу о том, что уголовно-процессуальные функции представляют собой специфическую форму реализации общеправовых функций — регулятивной и охранительной» [5, с. 56]. К функциям они относят: «1) надзор за соблюдением Конституции РФ и законов, регламентирующих деятельность в сфере уголовного судопроизводства; 2) выявление информации о подготавливаемых и совершенных преступлениях и принятие решения о возбуждении уголовных дел; 3) предварительное расследование преступлений (выявление виновных, привлечение их к уголовной ответственности, обеспечение защиты интересов обвиняемых и потерпевших); 4) завершение дознания, предварительного следствия и определение путей окончательного разрешения дела; 5) прокурорский надзор за окончанием расследования; 6) предварительное рассмотрение дела судом; 7) судебное разбирательство и принятие судебного решения по делу (отправление правосудия); 8) защита прав и законных интересов потерпевших и обвиняемых в ходе расследования и судебного разбирательства; 9) вспомогательные функции, осуществляемые иными участниками процесса; 10) побочные функции (предъявление гражданского иска и защита от него)» [5, с. 57]. В данном перечне не названы функции обвинения и защиты от обвинения, тогда как учение об уголовно-процессуальных функциях возникло в связи с необходимостью определения именно этих категорий. По существу, С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев дают характеристику не уголовно-процессуальных функций, а некоторых этапов уголовно-процессуальной деятельности и некоторых ее элементов. Это объясняется подходом авторов к определению уголовно-процессуальных функций через определение функций права, хотя «функции права» и «уголовно-процессуальные функции» — самостоятельные категории, не совпадающие друг с другом и обозначающие разные правовые явления [16, с. 315].

Вместе с тем обращение к категории функции права при исследовании вопроса об уголовно-процессуальных функциях обосновано, так как позволяет получить о последней категории более полное представление. Так, В.В. Лазарев, рассматривая категорию «функция права», отмечал: «Функция — это «свечение» сущности права в общественных отношениях, но в то же время, будучи проявлением имманентных свойств сущности, функция не сводится к ним и не является простой их «проекцией» [11, с. 131]. То же самое можно сказать

и о соотношении категорий уголовно-процессуальной функции и уголовно-процессуальной деятельности: уголовно-процессуальная функция не сводится к уголовно-процессуальной деятельности. Давая определение функции права, В.В. Лазарев отмечает, что оно должно охватывать одновременно как назначение права, так и вытекающие из этого направления его воздействия на общественные отношения... Собственно функция права это реализация его социального назначения». Исходя из данного определения, можно согласиться с Л.Б. Зусем, который выделял следующие социальные функции уголовного процесса: 1) общесоциальная, 2) социально-политическая, 3) специально-юридическая [8, с. 21]. Важно заметить, что в этом случае речь идет не об уголовно-процессуальных функциях, а о социальном назначении уголовно-процессуальных норм или функциях уголовно-процессуального права.

Р.Д. Рахунов под функцией понимал «круг деятельности одного или нескольких участников уголовного процесса [15, с. 23], В.А. Познанский — «процессуальные действия» [14, с. 19], т.е. авторы отождествляли понятие «процессуальные функции» с понятием «процессуальная деятельность», тогда как это самостоятельные категории.

То, что нельзя смешивать понятия «функция уголовного процесса» и «процессуальная деятельность», отмечал В.П. Нажимов. По его мнению, уголовно-процессуальная деятельность, будучи сложной и многогранной, складывается из различных составных частей, «однако частями (этапами) процесса принято называть и стадии процесса. Необходимо поэтому следующее уточнение: есть такие компоненты уголовно-процессуальной деятельности, которые свойственны всем стадиям уголовного процесса» [12, с. 77].

Суждение о том, что «уголовно-процессуальная функция» и «уголовно-процессуальная деятельность» — разные категории, высказал Л.Д. Кокорев. «Под функциями, — писал автор, — следует понимать не направление деятельности каждого участника уголовного судопроизводства, а те основные линии, те основные направления уголовно-процессуальной деятельности, вокруг которых складывается деятельность всех участников уголовного судопроизводства... Следовательно, не любую процессуальную деятельность и не всех ее субъектов необходимо рассматривать как осуществление самостоятельной, определенной процессуальной функции». Справедливо суждение Л.Д. Кокорева о том, что наметившаяся в юридической литературе тенденция к расширению перечня уголовно-процессуальных

функций по существу сводится к классификации уголовно-процессуальной деятельности» [10, с. 52].

Ф.Н. Фаткуллин, также отмечая, что «сами функции нельзя смешивать ни с понятием процессуальной стадии, ни с положением отдельных участников уголовного судопроизводства», считал, что «при обрисовке понятия процессуальной функции отправным пунктом должны служить сформулированные в законе основные задачи советского уголовного судопроизводства, которые определяют главные направления всей уголовно-процессуальной деятельности». Основываясь на этом, он определял уголовно-процессуальные функции, как «те главные направления всей уголовно-процессуальной деятельности, которые определяются основными задачами советского уголовного судопроизводства и выражают его демократическую сущность» [18, с. 61].

Как видно, вышеперечисленные авторы определяют уголовно-процессуальную функцию не как деятельность, не как отдельный ее вид, а как *направление* деятельности или, другими словами, — вектор деятельности, с чем следует согласиться.

О.Д. Жук предлагает выделять две составляющие функции — абстрактную или идеальную, под которой он понимает направление деятельности, и реальную — саму деятельность по конкретному уголовному делу по реализации функции. В итоге он понимает уголовно-процессуальную функцию как «направленную деятельность» и, как уже рассматривалось выше, зависящую от деятельности конкретных участников. Данное суждение представляется недостаточно обоснованным. Очевидно, что функция реализуется в деятельности тех или иных участников процесса. Вместе с тем этой деятельности может и не быть, однако это не означает, что функция теряет свое значение. Например, обвиняемый может не совершать никаких действий в свою защиту, но функция защиты, которая может им осуществляться, остается неизменной. Вместе с тем заслуживает поддержки мнение о том, что любая функция по конкретному уголовному делу реализуется в рамках процессуальной деятельности [6, с. 12].

Из определения функции как направления деятельности, а не вида деятельности следует и другой вывод: осуществление каких-либо отдельных полномочий, не свойственных данной функции, не может изменить ее направление, т.е. функция не может меняться. Так, по УПК РСФСР 1960 г. суд, осуществляющий функцию правосудия, был наделен рядом полномочий, не свойственных данной

функции — по собственной инициативе возбуждать уголовное дело и др. Тем не менее ни ранее, ни сейчас не ставится под сомнение тот факт, что суд осуществляет функцию правосудия.

Как совершенно справедливо высказался по данному вопросу С.А. Альперт, «термин «уголовно-процессуальная функция» применяется для характеристики не отдельных процессуальных действий либо роли того или иного субъекта процесса, а более широкого и емкого понятия, каким является направление в процессуальной деятельности, причем речь идет не о любых направлениях, а основных, то есть таких, которые в своей совокупности непосредственно и в наиболее концентрированной форме выражают сущность уголовного судопроизводства, способствуют реализации его задач» [1, с. 15].

Кроме государственных органов, процессуальные функции которых обусловлены их назначением, осуществляют уголовно-процессуальные функции и другие участники уголовного судопроизводства. Для них движущим, побудительным началом действовать в определенном направлении является процессуальный интерес.

Таким образом, для государственных органов: суда, органов и должностных лиц — представителей исполнительной власти (следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, дознавателя), а также прокурора закон определяет цели, в отношении же участников, имеющих в деле процессуальный интерес, закон устанавливает права, которыми они располагают, и обязанности, которые они должны нести, тем самым определяет основные направления их деятельности. Ни личный интерес либо позиция того либо иного участника, ни содержательная сторона их действий и решений по конкретному делу не изменяют направление их деятельности.

Рассмотрев существующие в теории уголовного процесса определения уголовно-процессуальных функций, наиболее удачным представляется следующее их определение — «это определяемые нормами права направления, непосредственно раскрывающие предназначение уголовного судопроизводства, ориентированные на разрешение задач, стоящих перед уголовным процессом, определяющие направления деятельности участников процесса, обусловленные их правовым статусом» [5, с. 61], со следующим уточнением: функции определяют правовой статус участников процесса, а не наоборот.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

– уголовно-процессуальные функции — это основные (главные) направления деятельности, обусловленные задачами уголовного судопроизводства;

– направление функции определяется назначением данного вида деятельности;

– в современном российском уголовном судопроизводстве определяются следующие функции: обвинения, защиты, правосудия, предварительного расследования, прокурорского надзора, судебного контроля.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперт, С.А. Обвинение в советском уголовном процессе : учеб. пособие / С.А. Альперт. — Харьков : Вища шк., 1974. — 38 с.

2. Бойков, А.Д. Проблемы эффективности судебной защиты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.Д. Бойков. — М., 1974. — 428 с.

3. Даев, В.Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В.Г. Даев // Известия вузов. Правоведение. — 1974. — № 1. — С. 64–73.

4. Джатиев, В. Обвинение и защита / В. Джатиев // Российская юстиция. — 1995. — № 3. — С. 17–18.

5. Ефимичев, С.П. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права. — 2005. — № 7. — С. 56–61.

6. Жук, О.Д. Система уголовно-процессуальных функций в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / О.Д. Жук // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2003. — № 4. — С. 416–421.

7. Зинатуллин, З.З. УПК РФ 2001 года и проблемы надлежащего уголовно-процессуального регулирования / З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. П.А. Лупинская, Г.В. Дашков. — М. : Изд-во Моск. гос. юрид. акад., 2002. — С. 335–339.

8. Зусь, Л.Б. Правовое регулирование в сфере уголовного судопроизводства / Л.Б. Зусь. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. — 148 с.

9. Иоффе, О.В. Что такое ответственность? / О.В. Иоффе // Известия вузов. Правоведение. — 1974. — № 5. — С. 108–110.

10. Кокорев, Л.Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л.Д. Кокорев. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. — 160 с.
11. Лазарев, В.В. Теория государства и права / В.В. Лазарев. — М. : Спарк, 2002. — 528 с.
12. Нажимов, В.П. Об уголовно-процессуальных функциях / В.П. Нажимов // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 76–79.
13. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1998. — 944 с.
14. Познанский, В.А. Советский уголовный процесс. Часть Общая / В.А. Познанский, Л.А. Цыпкин. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1968. — 150 с.
15. Рахунов, Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р.Д. Рахунов. — М. : Госюриздат, 1961. — 277 с.
16. Редько, Т.Н. Методологические вопросы познания функций права / Т.Н. Редько. — Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1974. — 151 с.
17. Савицкий, В.М. Прокурор и потерпевший в судебном разбирательстве / В.М. Савицкий // Соц. законность. — 1971. — № 4. — С. 33–34.
18. Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и судебный приговор / Ф.Н. Фаткуллин. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. — 532 с.
19. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб. : Альфа, 1996. — Т. 1. — 607 с.
20. Химичева, Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г.П. Химичева. — М. : Экзамен, 2003. — 352 с.
21. Чельцов, М.А. Понятие и задачи советского уголовного процесса / М.А. Чельцов // Уголовный процесс. — М. : Юрид. лит., 1969. — 463 с.
22. Шимановский, В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе / В.В. Шимановский // Известия вузов. Правоведение. — 1965. — № 2. — С. 175–178.
23. Якуб, М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб // Известия вузов. Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 89–92.
24. Якубович, Н.А. Теоретические основы предварительного следствия / Н.А. Якубович. — М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1971. — 142 с.

25. Якупов, Р.Х. Уголовный процесс : учебник / Р.Х. Якупов ; под ред. В.Н. Галузо. — М. : Зерцало, 1998. — 448 с.

Информация об авторе

Лавдаренко Людмила Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал), ГОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: lavdarenko@mail.ru.

Information about the author

Lavdarenko Lyudmila Ivanovna — Candidate of Law sciences, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of Organization and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute Affiliated to the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 664035, Irkutsk City, Shevtsova Str., 1, e-mail: lavdarenko@mail.ru.

УДК 343.13
ББК 67.629.3

Н.Ю. Литвинцева

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ АДВОКАТА КАК ГАРАНТИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы свидетельского иммунитета адвоката, защитника. Исследуются причины недопустимости допроса в качестве свидетеля адвоката, защитника о сведениях, ставших им известными в связи с обращением к ним за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни; свидетельский иммунитет; свидетель; адвокат; защитник; адвокатская тайна.

IMMUNITY OF ADVOCATE AS GUARANTEE PRIVACY

The paper deals with the problem of immunity of advocate or defender. The reasons of inadmissibility of the examination of advocate or defender as a witness on the information which is known due to applying for legal assistance or rendering legal services are studied.

Key words: privacy; immunity of witness; witness; advocate; defender; advocate confidentiality.

Основные черты института неприкосновенности частной жизни получили закрепление в ст. 12 Всеобщей Декларации прав человека, согласно которой: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [3]. Дальнейшее развитие положения, регулирующие неприкосновенность частной жизни, получили в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая устанавливает: «Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенность его жилища и соблюдение тайны его переписки. Не допускается вмешательство государственных органов, препятствующее осуществлению этого права, за исключением случаев, когда это предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественного порядка или экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, защиты здоровья или нравственности населения, или защиты прав и свобод других» [6].

Понятие «частная жизнь» в российском законодательстве было впервые закреплено в 1993 г. в Конституции РФ, ранее для обозначения сферы индивидуального бытия человека в юридической литературе использовался термин «личная жизнь», термин «частная жизнь», а также «частная собственность» были изъяты из употребления [20, с. 47]. Вместе с тем частная жизнь граждан, одним из компонентов которой является личная и семейная тайна, наиболее уязвима для всевозможных вмешательств и вторжений и требует установления дополнительных правовых гарантий ее неприкосновенности.

В юридической литературе право на неприкосновенность частной жизни, пределы его ограничений, его содержание, конституционное закрепление, обязанности государства и граждан по его защите стало предметом особого внимания среди процессуалистов [12; 16; 20].

Право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера.

Неприкосновенность частной жизни означает запрет для государства, его органов и должностных лиц вмешиваться в частную жизнь граждан, право последних на свои личные и семейные тайны, наличие правовых механизмов и гарантий защиты своей чести и достоинства от всех посягательств на указанные социальные блага [20, с. 57].

И.Л. Петрухин справедливо отмечал, что частная жизнь — это функционирование человека в особой сфере семейных, бытовых, интимных отношений, не подлежащих контролю со стороны государства, общественных организаций, частных лиц; это свобода уединения, размышления, переписки, ведения дневников и других записей, вступления в контакты с другими людьми, свобода высказываний и поступков за пределами служебных отношений; это состояние обоснованной уверенности в том, что личные тайны человека не будут выявлены и преданы гласности [13, с. 64].

Конституция РФ впервые в истории нашей страны провозгласила право каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23) и предусмотрела правовые гарантии, направленные на защиту этого права. Так, в ст. 51 Конституции РФ закреплен свидетельский иммунитет и предусмотрено, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, а также в иных случаях установленных федеральным законом. Указанное конституционное положение отражено в п. 40 ст. 5 УПК РФ, в котором свидетельский иммунитет определен как право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ.

Уголовно-процессуальное законодательство наделяет свидетельским иммунитетом адвоката, защитника подозреваемого, обвиняемого, исключая их из числа свидетелей относительно обстоятельств, ставших им известными в связи с обращением к ним за юридической помощью или в связи с ее оказанием (пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56

УПК РФ), что является одной из гарантий неприкосновенности частной жизни.

В уголовно-процессуальной литературе приводились различные правовые обоснования свидетельского иммунитета защитника.

С точки зрения нравственности обоснование запрета допрашивать защитника об обстоятельствах, которые стали ему известны при осуществлении функции защиты, было дано А.Ф. Кони, который писал: «Между защитником и тем, кто в тоске и тревоге от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой скрываемый от других позор такими подробностями личной жизни, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухою» [7, с. 53–54].

Многие ученые, обосновывая наделение защитника свидетельским иммунитетом, исходили из различных причин недопустимости совмещения процессуального статуса свидетеля и защитника. По мнению А. Бойкова, «освобождение адвокатов от обязанности сохранять профессиональную тайну ликвидировало бы адвокатуру как общественно необходимый институт» [2, с. 16].

Достаточно категорично высказывался об иммунитете защитника М.С. Строгович: «нельзя быть одновременно защитником и свидетелем... если бы защитник мог быть допрашиваем в качестве свидетеля, доверие к защитникам было бы сильно подорвано» [21, с. 398]. Н.Е. Павлов полагал, что «свидетельствовать против обвиняемого и одновременно защищать его противоречит элементарному здравому смыслу» [10, с. 15].

Вместе с тем некоторые ученые допускали возможность ограничения свидетельского иммунитета защитника. Так, в частности, П.С. Элькинд отмечала, что «процессуальные нормы, исключая адвоката из числа свидетелей, должны быть изменены таким образом, чтобы не обязывать адвоката скрывать правонарушения, ставшие ему известными от клиентов» [24, с. 19].

М.И. Бажанов указывал, что если защитнику станет известно о подготавливаемом или совершенном государственном преступлении (например, об измене Родине, шпионаже и т.д.), то он обязан сообщить об этом и уклониться от ведения защиты [1, с. 18].

Необходимо отметить, что и в уголовно-процессуальном законодательстве свидетельский иммунитет защитника подвергался огра-

ничению. В примечании 1 к ст. 62 УПК РСФСР 1922 г. запрет допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известными в процессе осуществления защиты, не распространялся на случаи, когда защитнику становились известны обстоятельства контрреволюционных преступлений [22].

Некоторые современные авторы также разделяют позицию о необходимости ограничения свидетельского иммунитета адвоката. Так, ряд ученых придерживается мнения о том, что адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, кроме информации о готовящемся тяжком и (или) особо тяжком преступлении, и предлагают на законодательном уровне предоставить адвокату право сообщать о готовящемся особо тяжком преступлении в правоохранительные органы [4, с. 22; 5, с. 40].

Отдельные процессуалисты полагают возможным перевести обязанность адвоката отказаться от дачи свидетельских показаний в статус права [11, с. 37; 18, с. 7, 22]. Совершенно справедливо И.В. Смолькова указывает, что «адвокат не может и не должен раскрывать сведения, доверительно сообщаемые ему клиентом. Адвокат не свидетель, не источник доказательств, он не дает показаний и допросу не подвергается» [19, с. 7]. Верным представляется и суждение Г.М. Резника: «Уничтожение адвокатской тайны будет означать ликвидацию нашей профессии» [15].

Полагаю, что в этих случаях следует исходить из того, что адвокат в силу своих профессиональных обязанностей ни при каких обстоятельствах не должен разглашать тайну, доверенную ему клиентом. Сохранение адвокатской тайны — это основополагающее начало адвокатской деятельности. Вместе с тем возможна ситуация, когда в разглашении адвокатской тайны заинтересован и защитник, и его клиент. По этому поводу Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2003 г. № 108-О было дано разъяснение, согласно которому адвокат вправе дать соответствующие показания в случаях, когда он сам и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений, и указано, что «невозможность допроса указанных лиц — при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, — приводила бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажала бы само существо данного права» [14].

В советское время отдельные авторы связывали свидетельский иммунитет адвоката исключительно с осуществлением им функции защиты. Так, Г.П. Саркисянц отмечал, если обстоятельства дела стали известны адвокату «в связи с оказанием иной юридической помощи, то он не вправе отказаться от дачи показаний на предварительном следствии или в суде» [17, с. 83]. Данная позиция существенно сужала функции адвоката в уголовном процессе, однако следует заметить, что формулировка ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. позволяла делать такие выводы: адвокат не мог быть допрошен об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника или представителя [23].

Согласно УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей:

– адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого — об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (п. 2 ч. 3 ст. 56);

– адвокат — об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи (п. 3 ч. 3 ст. 56).

Защитник не может быть допрошен не только об обстоятельствах уголовного дела, в котором он участвует, но и о любых других обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с обращением к нему за юридической помощью или ее оказанием.

Особые гарантии установлены для адвоката, независимо от того, является ли он по данному уголовному делу защитником, представителем потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика, либо вообще не принимает участия в данном деле. Так, согласно положениям ст. 8 Федерального закона РФ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон), адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (ч. 1), и, соответственно, адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (ч. 2) [7].

В целях единообразного понимания содержания адвокатской тайны и свидетельского иммунитета адвоката следует унифицировать некоторые положения УПК РФ и Федерального закона.

Так, в Федеральном законе закреплено, что адвокатской тайной являются «сведения», в УПК РФ и в Федеральном законе при определении свидетельского иммунитета адвоката используется слово «об-

стоятельства». Анализ семантики слов «сведения» и «обстоятельства» позволяет сделать вывод о том, что они по своему значению тождественными не являются.

Согласно Словарю русского языка С.А. Ожегова «обстоятельство — явление, сопутствующее какому-нибудь другому явлению и с ним связанное; обстоятельства — условия, определяющие положение, существование кого-нибудь, чего-нибудь, обстановка; сведение — познания в какой-нибудь области; известие, сообщение» [9, с. 436, 698]. Думается, что применительно к понятию адвокатская тайна и свидетельский иммунитет адвоката необходимо использовать слово «сведения».

Таким образом, пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «2) адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого — о сведениях, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием; 3) адвокат — о сведениях, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи». В ч. 2 ст. 8 Федерального закона внести изменения следующего содержания: «адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля о сведениях, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием».

Необходимо отметить, что следователь и суд не должны принимать в качестве доказательства показания адвокатов и защитников о доверенных им тайнах. По смыслу ст. 75 УПК РФ данные доказательства не могут быть признаны допустимыми. В уголовном процессе невозможно совмещение противоположных и исключających друг друга функций свидетельствования и защиты.

Установление правила о свидетельском иммунитете адвоката, защитника диктуется соображениями о доверительном характере взаимоотношений между ним и его подзащитным, что является основой осуществления конституционного права каждого на защиту, более того, без него само существование адвокатуры немислимо.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бажанов, М.И. Свидетели, их права и обязанности по советскому уголовно-процессуальному законодательству / М.И. Бажанов. — М. : Госюриздат, 1955. — 36 с.

2. Бойков, А. Этические нормы деятельности советского адвоката / А. Бойков // Советская юстиция. — 1966. — № 10. — С. 16–17.

3. Всеобщая декларация прав человека : принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г. // Российская газета. — 1998. — 10 дек.
4. Дабижа, Т.Г. Проблема исключений из привилегии адвокатской тайны: зарубежный опыт / Т.Г. Дабижа // Адвокатская практика. — 2013. — № 1. — С. 21–25.
5. Жиронкина, Ю.Е. К вопросу об адвокатской тайне / Ю.Е. Жиронкина // Адвокатская практика. — 2012. — № 5. — С. 39–41.
6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : принята 4 нояб. 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
7. Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе : собр. соч. : в 8 т. / А.Ф. Кони. — М. : Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — 543 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой. — М. : Рус. яз., 1990. — 797 с.
9. Павлов, Н.Е. Долг свидетеля / Н.Е. Павлов. — М. : Сов. Россия, 1989. — 144 с.
10. Перетокин, С.Н. О праве лиц на свидетельский иммунитет при производстве по уголовному делу / С.Н. Перетокин // Адвокатская практика. — 2010. — № 3. — С. 36–37.
11. Петрухин, И.Л. Личные тайны: (человек и власть) / И.Л. Петрухин. — М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 1998. — 392 с.
12. Петрухин, И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью) / И.Л. Петрухин. — М. : Наука, 1999. — 189 с.
13. По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 21. — Ст. 2060.
14. Резник, Г.М. Обыск у адвоката Платона Лебедева — это покушение на основы адвокатской профессии / Г.М. Резник // LENTA.RU. — 2003. — 10 окт.
15. Романовский, Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни / Г.Б. Романовский. — М. : МЗ-Пресс, 2001. — 312 с.
16. Саркисянц, Г.П. Процессуальное положение защитника в советском уголовном процессе / Г.П. Саркисянц. — Ташкент : ФАН, 1967. — 126 с.
17. Сидорова, Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Сидорова. — Екатеринбург, 2004. — 24 с.

18. Смолькова, И.В. Адвокатская тайна / И.В. Смолькова // Адвокат. — 2001. — № 5. — С. 3–10.
19. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М. : Луч, 1999. — 336 с.
20. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. — М. : Наука, 1968. — Т. 1. — 470 с.
21. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : принят 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. — 1922. — № 20–21. — Ст. 230.
22. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : принят 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
23. Элькин, П.С. Адвокатская этика / П.С. Элькин // Советская юстиция. — 1940. — № 4. — С. 17–20.

Информация об авторе

Литвинцева Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

Information about the author

Litvintseva Natalia Yurievna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutorial, Baikal State University of Economics and Law, Lenin str., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: litvintseva_nu@mail.ru.

УДК 343.1(470)
ББК 67.410.2(2Рос)

С.В. Лукошкина

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ИММУНИТЕТЕ АДВОКАТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена актуальным проблемам реализации отдельных уголовно-процессуальных норм, регулирующих статус адвоката, в ней анализируются исключения из общей системы конституцион-

ных принципов, а именно из принципа равноправия всех граждан перед законом и судом. Раскрываются особенности применения мер уголовно-процессуального принуждения, порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц.

Ключевые слова: адвокат; адвокатская тайна; правовая неприкосновенность; уголовное судопроизводство; конституционные принципы.

S.V. Lukoshkina

ON THE PROCEDURAL IMMUNITY LAWYER IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

In the article the author pays special attention to the topical problems of implementation of individual criminal procedure norms, concerning Institute of attorney. We are talking about exceptions from the General system of constitutional principles, namely the principle of equality of all citizens before the law and court. Special features of using measures of criminal and procedural enforcement, the initiation and examination of criminal cases in respect of certain categories of persons.

Key words: lawyer; attorney secrets; legal integrity; criminal procedure; constitutional principles.

Термин «адвокат» (advocator) в переводе с латинского языка означает «заступник, ходатай» [4, с. 31].

Канцлер Людовика XIV Д'Агессо характеризовал адвокатуру следующими словами: «Сословие столь древнее, как магистратура, столь возвышенное, как добродетель, столь необходимое, как справедливость» [14, с. 3]. Однако, как справедливо заметил И.Л. Петрухин, «непрофессионализм, некорректность, коррумпированные связи с представителями органов правосудия и предварительного расследования — вот лишь некоторые из широко распространенных в адвокатской среде нарушений, которые с тревогой отмечают сами представители корпорации» [9, с. 113]. В этой связи, думается, необходимо принятие законодательных мер по повышению квалификации адвокатского корпуса, обеспечению условий, способствующих нормальному его функционированию. В этом направлении уже немало сделано. Система правовых гарантий независимости адвокатов, закреплённая в Федеральном законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (да-

лее — ФЗ об адвокатуре), а также положения УПК РФ, являются началом развития института профессиональной защиты представителей адвокатской корпорации, в которой они, бесспорно, нуждаются.

«История свободы — история процессуальных гарантий» [10, с. 145]. Институт правовых гарантий, закрепляющий особые процессуальные иммунитеты и привилегии адвокатов, прошёл своё эволюционное развитие.

ФЗ об адвокатуре, УПК РФ, Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) впервые обозначили границы процессуального иммунитета адвокатов, тем самым, обеспечив относительную независимость и самостоятельность адвокатского корпуса при осуществлении своих полномочий. Положение «Об адвокатуре РСФСР» [1], утвержденное Законом РСФСР от 20 ноября 1980 г., содержало лишь одну норму (ст. 15) о независимости адвоката.

Действующее федеральное законодательство наделило адвоката статусом независимого представителя стороны защиты, иммунитет которого состоит из следующих элементов:

1. В целях обеспечения доступности для населения юридической помощи и содействия адвокатской деятельности органы государственной власти обеспечивают гарантии независимости адвокатуры (ч. 3 ст. 3 ФЗ об адвокатуре). Вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются (ч. 1 ст. 18 ФЗ об адвокатуре).

2. Адвокатская тайна. Согласно ч. 1 ст. 8 ФЗ адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

3. Наличие свидетельского иммунитета: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого не могут быть вызваны и допрошены в качестве свидетелей об обстоятельствах, ставших им известными в связи с обращением к ним за юридической помощью или в связи с ее оказанием (ч. 2 ст. 8 ФЗ об адвокатуре; ч. 3 ст. 18 ФЗ об адвокатуре; пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

4. Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения (ч. 3 ст. 8 ФЗ об адвокатуре). Кроме того, запрещено опера-

тивно-розыскным подразделениям привлекать адвокатов к негласному сотрудничеству (ч. 5 ст. 6 ФЗ об адвокатуре; ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» [13]).

5. Адвокат не может быть привлечен к уголовной ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Уголовное преследование адвоката осуществляется с соблюдением соответствующих гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством (ч. 5 ст. 18 ФЗ об адвокатуре; гл. 52 УПК РФ), а именно: решение о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту РФ (п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

6. Адвокат, члены его семьи и их имущество находятся под защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры по обеспечению безопасности адвоката, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества (ч. 4. ст. 18 ФЗ об адвокатуре).

Запрет допрашивать защитника об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с осуществлением функции защиты, имеет, прежде всего, нравственное значение. В этой связи А.Ф. Кони писал: «Проникнут нравственным элементом закон в том случае, когда воспрещает спрашивать о сознании подсудимого своему защитнику. Между защитником и тем, кто в тревоге и тоске от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему пытаются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой, скрываемый от других, позор такими подробностями личной жизни, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и *глухою*» [6, с. 102].

В русском дореволюционном уголовно-процессуальном законодательстве адвокат именовался присяжным поверенным, что, как представляется, более точно обозначает стороны правоотношения «доверитель — поверенный».

Поверенный — лицо, официально уполномоченное действовать от чьего-либо имени. Присяжный же буквально означает «связанный

присягой», клятвой. Следовательно, присяжный поверенный — это лицо, связанное клятвой хранить тайну доверившегося ему человека и официально представляющий его права и законные интересы [14, с. 3].

В процессуальной литературе приводятся различные правовые обоснования свидетельского иммунитета защитника.

С.И. Викторский полагал, что «исключение присяжных поверенных из числа свидетелей представляет подчинение публичного интереса интересам частного лица» [2, с. 26].

Н.Е. Павлов по данному вопросу отмечал, что «свидетельствовать против обвиняемого и одновременно защищать его противоречит элементарному здравому смыслу» [7, с. 15].

В соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетелей:

– защитник подозреваемого, обвиняемого — об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по уголовному делу (п. 2);

– адвокат — об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи (п. 3).

Защитник не допрашивается не только об обстоятельствах данного уголовного дела, но и о любых других обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в данном или во всяком другом уголовном деле.

Особые гарантии установлены для адвоката, независимо от того, является ли он по данному уголовному делу защитником, представителем потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика, либо вообще не принимает участия в данном уголовном деле. По смыслу ч. 1 ст. 8 ФЗ об адвокатуре являются адвокатской тайной и не подлежат разглашению в какой бы то ни было форме сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю, за исключением сведений о совершении адвокатом деяния, содержащего признаки преступления.

Весьма интересен вопрос о возможности отступления от принципа адвокатской тайны. И.Л. Петрухин допускал возможность разглашения адвокатом доверенной ему тайны лишь в одном случае — если обвиняемый сообщил адвокату о готовящемся опасном преступлении, совершение которого возможно предупредить, «например, обвиняемому известно, что в такой-то час и такую-то минуту будет взорван самолет, пароход, мост или будет совершено нападение на определенных лиц или будет предпринято ограбление банка и т.п.». По

его мнению, адвокат должен немедленно сообщить об этом в следственные органы или в прокуратуру и тогда он может быть допрошен в качестве свидетеля по этим фактам [8, с. 51].

Автор исследования поддерживает точку зрения И.В. Смольковой: «Адвокат не может и не должен раскрывать сведения, доверительно сообщаемые ему клиентом. Адвокат не свидетель, не источник доказательств, он не дает показаний и допросу не подвергается» [11, с. 7].

Представляется, сложность данного вопроса заключается в том, что в этом случае имеет место столкновение двух интересов: с одной стороны, интересы клиента, доверившего тайну, с другой — жизнь людей, если речь идет о готовящемся преступлении. Но невозможно знать наверняка, совершится ли преступление, а, раскрыв тайну доверителя, адвокат нарушит его право на профессиональную защиту. Полагаю, что следует исходить из того, что адвокат в силу своих профессиональных обязанностей должен сохранять тайну, доверенную ему, и ни при каких обстоятельствах не разглашать ее.

Необходимо отметить, что следователь и суд не должны принимать в качестве доказательства показания адвоката о доверенных ему тайнах. Совмещение в одном лице функций защитника и свидетеля вообще недопустимо. Превращая себя в свидетеля, адвокат, в сущности, отказывается от дальнейшего ведения защиты.

Вместе с тем существует иная позиция по поводу границ адвокатской тайны. Например, С.Н. Исанов обращает внимание на то, что «адвокатская тайна — это, безусловно, важная и нужная категория, но её понятие в Законе, надо полагать, неосновательно расширено, а значение некоторых ее составляющих сильно преувеличено». Согласно его высказываниям, «...ни один звук в судебном разбирательстве не может быть произнесен адвокатом без разрешения доверителя... Абсурд!.. При таком понимании адвокатской тайны, во-первых, адвокат вообще не сможет ничего сказать или сделать без риска быть обвинённым в нарушении тайны, а во-вторых, фактически лишается права на существование адвокатская тактика — выбор правовых инструментов для достижения поставленной доверителем цели» [5, с. 12–13].

Позволю себе не согласиться со столь категоричным мнением по поводу адвокатской тайны. Во-первых, необходимо учитывать практику действия института адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве. Так, Конституционный Суд РФ вынес Определение от

6 марта 2003 г. [12], в котором он отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицкишвили Гиви Важевича в связи с тем, что в жалобе оспаривалась конституционность п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ. На основании названной нормы Перовский районный суд города Москвы отказал адвокатам гражданина Г.В. Цицкишвили в удовлетворении ходатайства о допросе в качестве свидетеля адвоката Т.В. Иргашевой.

По мнению заявителя, п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, как не позволяющий использовать показания защитника в качестве доказательства по делу не только в случаях, когда это связано с необходимостью соблюдения адвокатской тайны, нарушает его право на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированное ст. 48 Конституции РФ.

Между тем Конституционный Суд РФ установил, что данная норма направлена на защиту конфиденциальности сведений, доверенных подзащитным адвокату при выполнении им профессиональных функций. Освобождение защитника от обязанности свидетельствовать об обстоятельствах, которые стали ему известны или доверены в связи с его профессиональной деятельностью, служит обеспечению интересов обвиняемого и является гарантией беспрепятственного выполнения защитником возложенных на него функций; в этом заключается смысл и предназначение указанной нормы. Такое понимание адвокатского иммунитета вытекает из правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в Определении от 6 июня 2000 г. № 128-О по жалобе гражданина В.В. Паршуткина на нарушение его конституционных прав п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР.

Во-вторых, считаю необходимым указать на то, что при анкетировании работников правоохранительных органов Иркутской области, в частности прокуроров и следователей, были получены небезынтересные результаты. Большинство опрошенных респондентов (80 %) отмечали, что наличие института адвокатской тайны является само собой разумеющимся явлением в уголовном судопроизводстве, поскольку одним из признаков правового государства считается введение в судопроизводство принципа состязательности сторон, устанавливающего равноправие стороны защиты и стороны обвинения. А реализация полномочий адвокатов в условиях состязательности процесса без действенного института адвокатской тайны просто немыслимо.

Обеспечение права на защиту и приведение правовых норм, регулирующих это обеспечение, в соответствии с принципами международного права, создание режима стабильности при реализации иммунитетов адвокатским корпусом, не приведет к той ситуации, которую описывал в своей работе Л.Е. Владимиров: «Сколько потребовалось человеческих жертв, чтобы перейти из мрачных подземелий пыток и казней в светлый чертог правды и разума. Таков уж характер человеческой истории: железная пята эволюции придавливает тысячи людей к земле. Можно сказать, что каждое рациональное правило правильного суда покупалось ценою бесчисленных страданий. Оно выковывалось молотом истории, дробившей черепа и кости несчастных жертв темноты и злобы» [3, с. 340].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1980. — № 48. — Ст. 1596.
2. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие / С.И. Викторский. — М. : Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. — 448 с.
3. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. — Тула : Автограф, 2000. — 462 с.
4. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. — М. : Рус. яз., 1986. — 843 с.
5. Исанов, С.Н. О некоторых нормах законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре / С.Н. Исанов // Адвокат. — 2004. — № 11. — С. 10–16.
6. Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А.Ф. Кони // Собр. соч. : в 8 т. — М. : Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — С. 33–69.
7. Павлов, Н.Е. Долг свидетеля / Н.Е. Павлов. — М. : Сов. Россия, 1989. — 140 с.
8. Петрухин, И.Л. Личная жизнь: пределы вмешательства / И.Л. Петрухин. — М. : Юрид. лит., 1989. — 189 с.
9. Петрухин, И.Л. Отчет о социологическом исследовании факторов, влияющих на деятельность адвокатов Московской городской коллегии адвокатов / И.Л. Петрухин // Рассказывают адвокаты. — М., 2000. — С. 93–115.
10. Wilams, G. One Man's freedom / G. Wilams. — N. Y., 1962. — 344 pp.

11. Смолькова, И.В. Адвокатская тайна / И.В. Смолькова // Адвокат. — 2001. — № 5. — С. 3–10.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 21. — Ст. 2060.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

Информация об авторе

Лукошкина Светлана Валерьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: Lukoshkina@list.ru.

Information about the author

Lukoshkina Svetlana Valeryevna — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Baikal State University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: Lukoshkina@list.ru.

УДК 343.13
ББК 67.411

Р.В. Мазюк

О РОЛИ ФУНКЦИИ ОБВИНЕНИЯ (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется соотношение понятий «обвинение» и «уголовное преследование» как наименований одной уголовно-процессуальной функции. Автором делается вывод о том, что необходимо исключить из п. 45 ст. 5 УПК РФ либо категорию «обвинение», либо категорию «уголовное преследование». При таком условии оставление в данном качестве термина «функция обвинения» представляется более предпочтительным в силу традиционности его использования в уголовно-процессуальной науке и законодательстве. Роль категории «уголовное преследование» в системе российского

уголовного судопроизводства заключается в обозначении данным термином процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения. Практическое значение понятие «уголовное преследование» имеет в рамках института прекращения производства по уголовному делу.

Ключевые слова: процессуальные функции; обвинение; уголовное преследование; процессуальная деятельность; уголовное судопроизводство.

R.V. Maziuk

ABOUT THE ROLE OF THE FUNCTION OF INDICTMENT (CRIMINAL PROSECUTION) IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article analyzes the relation between the «indictment» and «criminal prosecution» as items of one of the criminal procedure functions. The author concludes that it is necessary to exclude the Code of criminal procedure or the category «indictment» or the category «criminal prosecution». Under this condition, leaving this as the term «function charges» is preferred because of the traditional nature use in the criminal procedure science and law. Role of the category «criminal prosecution» in the Russian system of criminal justice is the designation given term procedural activities that implements the function of prosecution. Practical significance of the notion of «criminal prosecution» is within the Institute termination of proceedings on the criminal case.

Key words: procedure functions; indictment; criminal prosecution; procedural activities; criminal procedure.

О роли функции обвинения (уголовного преследования) еще А.Ф. Кони писал: «Уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу» [4, с. 171]. Эти строки, написанные столетие назад, и в настоящее время концептуально отражают значение данной функции, заключающееся в том, что обвинение (уголовное преследование) и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопро-

изводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В этой связи нельзя не согласиться с мнением И.В. Смольковой, полагающей, что «необходимость пересмотра отношения к обеспечению прав и законных интересов личности в современных условиях побуждает к переосмыслению требования о неотвратимости уголовной ответственности, непосредственно связанного с принципом публичности. Реализация идей построения правового государства несовместима с практикой принесения в жертву любых интересов личности ради стремления не оставлять нераскрытым ни одно преступление» [7, с. 35]. Осуществление функции обвинения (уголовного преследования), как представляется, должно иметь в своей основе именно приоритет прав и свобод личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, над интересами государства в раскрытии и скорейшем расследовании любого преступления.

В основу существующей модели уголовного судопроизводства в УПК РФ законодателем была положена простейшая, но в то же время образцово-состязательная концепция трех уголовно-процессуальных функций. Согласно п. 45 ст. 5 УПК РФ «стороны — участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения». В указанной норме заключенное в скобки понятие «уголовное преследование» употребляется в том же падеже, что и слово «обвинение» (родительный падеж), а потому согласуется только со словом «функция», на основании чего можно заключить, что очевидно использование указанных понятий в качестве абсолютных синонимов, для которых главным словом является термин «функция».

Вместе с тем системное толкование терминов «обвинение» и «уголовное преследование» в положениях УПК РФ позволяет выделить следующие аспекты их законодательного использования:

- 1) уголовное преследование как функция (п. 45 ст. 5 УПК РФ);
- 2) уголовное преследование как процессуальная деятельность (п. 55 ст. 5 УПК РФ);
- 3) обвинение как функция (п. 45 ст. 5, ч. 2 ст. 15 УПК РФ);
- 4) обвинение как процессуальная деятельность (ч. 1 ст. 20 УПК РФ);
- 5) обвинение как утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ).

В этой связи нельзя не согласиться с высказыванием Ф.М. Ягофарова относительно непоследовательности законодателя в использовании указанных научных терминов в тексте уголовно-процессуального закона: «Как видно, законодательство не содержит стройных мыслей по поводу разграничения понятий «обвинение» и «уголовное преследование». Конечно, с данным положением можно смириться, если принять к сведению, что задачей законодателя не является формулирование стройных теоретических концепций. Данная задача, безусловно, может стоять только перед наукой. Но если законодатель решился на использование в тексте нормативного акта каких-либо спорных положений, то, по крайней мере, он должен быть в этом последователен. Закон, как нам представляется, не научный журнал, и на его страницах не должны присутствовать различные толкования одного и того же понятия. Если нормативный акт наводнен противоположными идеями, то это не может не отразиться на его качестве. К сожалению, качество нормативных актов в подобных случаях чаще всего ухудшается, и понятно, что ущемляются в конечном итоге всегда только права человека и гражданина» [10, с. 34].

Результатом такой неудачной регламентации явились предложения называть функцию обвинения функцией уголовного преследования. Например, О.Д. Жук предложил изменить наименования функций обвинения и защиты, соответственно, на «функция уголовного преследования» и «функция защиты от уголовного преследования», в связи с тем, что уголовное преследование и защита охватывают не только обвиняемого, но и подозреваемого [3, с. 79]. Соглашаясь с автором относительно распространения данных функций и на подозреваемого, следует, тем не менее, указать, что название функций «обвинение» и «защита» являются традиционными для отечественной теории уголовного процесса, и поэтому подобное «оперативное вмешательство» в действующий организм российского уголовного судопроизводства, как представляется, не принесет ощутимой пользы для теории уголовно-процессуальных функций.

По утверждению Г.Н. Королева, «рассмотрение генезиса научных категорий «уголовное преследование» и «обвинение» в контексте отечественного уголовно-процессуального права приводит к выводу о том, что в основу модели нынешнего российского уголовного процесса положены идеи двух различных концепций, взятые в разной пропорции» [5, с. 53]. Одна из этих концепций — рассмотрение обвинения как деятельности и отождествлении его с уголовным пресле-

дованием (п. 45 ст. 5 УПК РФ). Другая — концепция уголовного иска (обвинение как требование обвинителя, обращенное к суду, признать наличие уголовно-процессуального отношения между государством и лицом, предположительно совершившим деяние, запрещенное уголовным законом) (п. 22 ст. 5 УПК РФ). При этом, по мнению Г.Н. Королева, попытка рассматривать обвинение в широком или узком смысле (как процессуальное или материальное) «осложняет применение и без того несовершенных норм действующего УПК РФ», поэтому «единственно правильным решением в данной ситуации является наполнение «терминов «уголовное преследование» и «обвинение» подлинным их содержанием», которое, как считает автор, раскрывается именно в концепции обвинения как уголовного иска: «Обвинение является определенным итогом уголовного преследования, ради которого оно, собственно, и осуществляется» [5, с. 56]. Соглашаясь с позицией Г.Н. Королева в том, что в УПК РФ обвинение используется в нескольких значениях, необходимо указать на то, что еще в УУС 1864 г., в основу которого была заложена концепция уголовного иска, обвинение рассматривалось и как «утверждение» («уголовный иск»), и как «процессуальная деятельность» («процессуальное обвинение»), что само по себе не является противоречием.

В контексте всего вышеизложенного, следует согласиться с утверждением Е.В. Шишкиной о том, что «при анализе суждений, высказанных в литературе не трудно увидеть, что функцию обвинения подменяют функцией уголовного преследования. Между тем в законе (ч. 2 ст. 15 УПК) речь идет о таких уголовно-процессуальных функциях, как обвинение, защита и разрешение уголовного дела» [9, с. 84]. При таком подходе уголовное преследование необходимо рассматривать в значении процессуальной деятельности, осуществляемой для реализации функции обвинения, т.е. «уголовное преследование есть реализация функции обвинения» [8, с. 35]. Функция обвинения сама по себе направлена на достижение идеальной цели — полного изобличения лица в совершении преступления. Достижения указанной идеальной цели, или реализация функции обвинения, осуществляется посредством процессуальной деятельности: на стадии досудебного производства — подозрения лица в совершении преступления и выдвижения против него обвинения, на стадии судебного производства — поддержания данного обвинения государственным обвинителем, что в целом и составляет содержание уголовного преследования.

Придание понятию «уголовное преследование» в п. 45 ст. 5 УПК РФ значения уголовно-процессуальной функции представляется не совсем удачным и с позиций юридической техники, а именно: использование терминов «обвинение» и «уголовное преследование» как названий одной и той же уголовно-процессуальной функции нарушает требование обозначения одного явления только одним термином. Чтобы исправить данный недостаток, законодателю необходимо исключить из п. 45 ст. 5 УПК РФ либо категорию «обвинение», либо категорию «уголовное преследование». При таком условии, оставление в данном качестве термина «функция обвинения» представляется более предпочтительным в силу, как уже отмечалось, традиционности его использования в уголовно-процессуальной науке и законодательстве.

Термин же «уголовное преследование», в свою очередь, имеет самостоятельное значение в системе уголовно-процессуального права.

Так, Л.В. Головкин предлагает рассматривать уголовное преследование и производство по уголовному делу в виде двух систем координат: «первую составляют некие индивидуально-определенные фактические обстоятельства или события, подпадающие под признаки уголовно-правовой квалификации... В уголовно-процессуальном языке данная система координат определяется латинскими словами *in rem*. Вторая система координат, определяющая пределы производства по делу, связана с кругом лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, т.е. речь идет о пределах производства по делу *in personam*. Ясно также, что пределы производства по делу могут в какой-то момент существовать *in rem*, не будучи определены *in personam* (есть эпизод преступления, но не установлено лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности), но никогда не могут существовать *in personam*, не будучи определены *in rem*» [2, с. 291].

Безусловно, данные системы координат есть не более чем идеальная модель, элементы которой проблематично соотнести с конкретными следственными и иными процессуальными действиями прокурора, следователя, дознавателя. Как правило, в рамках отдельного следственного действия устанавливаются обстоятельства, относящиеся как к квалификации деяния (*in rem*), так и к установлению виновности лица в его совершении (*in personam*). Более того, по некоторым видам преступлений, начало производство *in rem* и *in personam* может совпадать. Например, при возбуждении уголовных дел по преступлениям, которые, исходя из их специфики, могут быть соверше-

ны только каким-то конкретным лицом, установление которого, в связи с этим, является необходимым условием для возбуждения самого дела. Как правило, такие составы в диспозициях статей УК РФ содержат указание на особенности субъекта преступления (специальный субъект; субъект, не исполнивший обязанность и т.п.). Одним из таких преступлений является состав, предусмотренный ст. 198 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица». Очевидно, что для возбуждения уголовного дела по данному составу преступления необходимо, в первую очередь, установить факт уклонения лица, имевшего обязанность уплатить налог и (или) сбор, от его уплаты. Установления факта неуплаты *de facto* и *de jure* означает установление самого лица, уклонившегося от уплаты налога и (или) сбора, так как данная обязанность является индивидуальной. Соответственно, возбуждение уголовного дела должно осуществляться именно в отношении такого лица (а не «по факту»), что означает начало производства по уголовному делу *in rem* и *in personam* одновременно.

Вместе с тем обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, с достаточной степенью определенности можно разделить на устанавливаемые в рамках процессуальной деятельности *in rem* и в рамках процессуальной деятельности *in personam*. Так, основываясь на законодательном перечне обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), к обстоятельствам, подлежащим доказыванию *in personam*, следует отнести:

- 1) виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы;
- 2) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 3) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (относящиеся к субъективным признакам состава преступления);
- 4) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (относящиеся к личности обвиняемого).

Остальные обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, подлежат доказыванию в рамках процессуальной деятельности *in rem*.

С практической точки зрения такое вычленение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию *in personam*, означает то, что они могут быть установлены только при наличии в деле подозреваемого или обвиняемого. Однако целью уголовного преследования является не доказывание всех вышеперечисленных обстоятельств, а, как уже

отмечалось, изобличение лица в совершении преступления, что включает в себя только доказывание виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов. Таким образом, уголовное преследование является процессуальной деятельностью, по своим целям и предмету доказывания отличной от процессуальной деятельности по установлению события преступления и связанных с ним обстоятельств.

В этой связи значение уголовного преследования заключается в невозможности доведения до конца производства по уголовному делу (*in rem*) без возбуждения уголовного преследования (*in personam*). Так, в случае неустановления следователем достаточных данных для возбуждения уголовного преследования, он, согласно п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, приостанавливает процессуальную деятельность по уголовному делу в целом, «ибо бессмысленно продолжать ее в отсутствие конкретного субъекта до бесконечности» [1, с. 91].

Однако при нормативной регламентации уголовного преследования как процессуальной деятельности законодатель также проявил концептуальную непоследовательность. В ст. 21 УПК РФ, названной «Обязанность осуществления уголовного преследования», законодатель установил, что «в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления» (ч. 2 ст. 21). Как справедливо отмечает Г.Н. Королев, «новый УПК РФ содержит много противоречий. Одно из них наглядно проявляется при сопоставлении указанной нормы с п. 55 ст. 5 УПК РФ, в котором дано понятие уголовного преследования», в связи с чем автор предлагает устранить данное противоречие «путем приведения нормы п. 55 ст. 5 УПК в соответствие со ст. 21 УПК, который следовало бы изложить в такой редакции: «Уголовное преследование — процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях установления события преступления, изобличения лица или лиц, виновных в его совершении» [5, с. 45]. А.П. Рыжков, напротив, толкует ст. 21 УПК РФ буквально и считает, что «в ч. 2 ст. 21 УПК РФ нет даже упоминания об уголовном преследовании. А поэтому, как минимум, редакция соответствующей нормы позволяет нам отказаться от утверждения, что законодатель в п. 55 ст. 5 УПК РФ противоречит ч. 2 ст. 21 УПК РФ» [6].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что роль категории «уголовное преследование» в системе российского уголовного судопроизводства заключается в обозначении данным термином процессуальной деятельности, реализующей функцию обвинения. Практическое значение понятие «уголовное преследование» имеет в рамках института прекращения производства по уголовному делу. Посредством категории «уголовное преследование» законодатель разграничивает два возможных варианта прекращения производства по уголовному делу: прекращение уголовного дела (производства по уголовному делу в целом) и прекращение уголовного преследования (процессуальной деятельности в отношении конкретного лица).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина, Л.М. Уголовное преследование / Л.М. Володина // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. — Красноярск : ИЦ Краснояр. гос. ун-та, 2003. — Т. 2. — С. 86–92.
2. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.
3. Жук, О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О.Д. Жук // Законодательство. — 2004. — № 2. — С. 77–87.
4. Кони, А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры / А.Ф. Кони // Собр. соч. : в 8 т. — М. : Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — 543 с.
5. Королев, Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе / Г.Н. Королев. — М. : Юрлитинформ, 2006. — 360 с.
6. Рыжаков, А.П. Виды уголовного преследования : комментарий к ст. 20 УПК РФ / А.П. Рыжаков // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». — Загл. с экрана.
7. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М. : Луч, 1999. — 336 с.
8. Уголовный процесс России : учебник / науч. ред. В.Т. Томина. — М. : Юрайт-Издат, 2003. — 821 с.

9. Шишкина, Е.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Е.В. Шишкина, С.Г. Бандурин, Н.А. Громов // Право и политика. — 2004. — № 12. — С. 83–89.

10. Ягофаров, Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции / Ф.М. Ягофаров : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. — Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. аграр. ун-та, 2003. — 149 с.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора. Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: marova@mail.ru.

Information about the author

Maziuk Roman Vasilievich — candidate of law science, associate professor of the chair of criminal procedure and prosecutor's supervision. Baikal National University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: marova@mail.ru.

УДК 343.12(470)

ББК 67.410.201(2Рос)

И.В. Мисник

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

Статья посвящена проблемам процессуального статуса представителя потерпевшего в уголовном процессе, содержит предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: потерпевший; представитель потерпевшего; адвокат; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; юридическая помощь.

I.V. Misnik

SPECIAL PROCEDURES FOR LEGAL PROVISION OF VICTIM'S REPRESENTATIVE

The article is devoted to the problems of procedural status of victims representative in criminal procedure, contains offers on perfection of a legislative regulations.

Key words: victim; victims representative; advocate; criminal procedure; criminal trial; legal help.

В Специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации отмечено: «...ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления и в соответствии с установленным порядком признается «потерпевшим». Столь значительное количество лиц, относимых к этой категории, как представляется, делает весьма актуальным вопрос о том, насколько защищены их процессуальные и иные права» [4]. Каждый год жертвами преступлений в России становятся до 4 млн человек, и это только официальная статистика, не учитывающая латентную преступность.

Полностью разделяю мнение И.В. Смольковой, которая считает, что «в соответствии с проводимой в стране правовой реформой важнейшими условиями создания правового государства и формирования гражданского общества являются надежная защита граждан от необоснованного вмешательства государства в частную жизнь, приоритетное значение личных интересов над публичными, установление оптимального соотношения между ними путем максимального повышения уровня юридической защищенности всех участвующих в уголовном процессе лиц» [5], в том числе и потерпевших.

Анализ последних изменений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство, свидетельствует о том, что законодатель стал уделять больше внимания этому участнику уголовного судопроизводства.

Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причине-

ния преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Лицо, пострадавшее от преступления, может стать участником уголовного судопроизводства и вследствие этого получить возможность защищать и реализовывать свой собственный интерес только с момента признания его потерпевшим.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ в ч. 1 ст. 42 УПК РФ внесены существенные изменения, связанные с регламентацией момента признания лица потерпевшим [6]. В соответствии с данным законом решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда, а в случае, если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, то решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Несомненно, важнейшим правом потерпевшего является право иметь представителя (п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Зачастую на практике следователи при разъяснении прав потерпевшему, к сожалению, ограничиваются лишь формальным прочтением ч. 2 ст. 42 УПК РФ, без детального пояснения отдельных положений закона, что явно недостаточно для лица, не сведущего в юридических вопросах. Поэтому, на мой взгляд, участие представителя в уголовном судопроизводстве является надежной гарантией обеспечения прав потерпевшего, посредством которой он сможет отстаивать свои законные интересы на стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и в суде.

По результатам проведенного мною обобщения уголовных дел представитель потерпевшего участвовал в уголовном процессе в 14,3 % случаев. Из них адвокат выступал в качестве представителя в 11,6 % случаев [7]. Совершенно очевидно, что адвокаты должны представлять интересы потерпевших значительно чаще.

Статья 45 УПК РФ выделяет два вида уголовно-процессуального представительства: договорное и представительство по закону. Договорное представительство осуществляется адвокатами. Следует отметить, что, помимо адвокатов, в качестве представителей могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего, либо иное лицо, о допуске которого он ходатайствует.

Достаточно часто потерпевшие не прибегают к помощи квалифицированной юридической помощи, поскольку не всем она «по

карману». В п. 1.1 ст. 131 УПК РФ предусмотрена возможность выплаты потерпевшему определенной суммы на покрытие расходов, связанных с выплатой вознаграждения представителю, но это не спасает ситуацию. Получается, что лицо, понесшее ущерб от преступления, должно еще и оплачивать помощь адвоката? Полностью разделяю мнение ученых-процессуалистов, полагающих, что юридическая помощь, оказываемая потерпевшему адвокатом по назначению следователя, дознавателя, суда, должна предоставляться бесплатно. Затраты впоследствии должны компенсироваться из средств федерального бюджета с последующим взысканием выплаченной суммы с осужденного в порядке регресса, по аналогии с предоставлением бесплатных юридических услуг подозреваемому (обвиняемому, подсудимому) (ч. 5 ст. 50 УПК РФ) [1, с. 3]. Более половины (73 %) опрошенных практических работников согласились с данным суждением [8]. Необходимо отметить, что законодатель в п. 2¹ ст. 45 УПК РФ, вступающем в силу с 1 января 2015 г., все же предусмотрел возможность оплаты труда адвоката за счет федерального бюджета в случае, если по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом.

Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. В п. 12 ст. 5 УПК РФ дается исчерпывающий перечень лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей потерпевшего: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний потерпевший, органы опеки и попечительства. Законный представитель допускается к участию в деле на основании документа, удостоверяющего факт родства, усыновления, опеки попечительства над потерпевшим, либо подтверждающего полномочия представителя учреждений и организаций, на попечении которых находится потерпевший, а также представителя органов опеки и попечительства. По

постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего.

В случае если потерпевшим является юридическое лицо, его интересы отстаивает представитель на основании доверенности.

Участие в уголовном деле представителя и законного представителя не лишает потерпевшего его прав. В УПК РФ указано, что представитель потерпевшего имеет те же процессуальные права, что и представляемое им лицо. В этой связи хотелось бы обратить внимание на один немаловажный момент. Так, исходя из буквального толкования ст. 42 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что представитель потерпевшего наделен правом давать показания по уголовному делу (я не имею в виду случай, когда он является свидетелем), а также возможностью иметь представителя (в этом случае я имею в виду представителя, поскольку участие законного представителя не лишает его возможности иметь представителя). Но ведь нелепо предположить, что адвокат, например, дает показания по уголовному делу потерпевшего, интересы которого он представляет или адвокат, сам будучи представителем, имеет своего представителя. Совершенно очевидно, что данная ситуация недопустима и неприемлема. Кроме того, показания представителя потерпевшего не являются видом доказательств. Представляется, что в ч. 3 ст. 45 УПК РФ следует внести изменения и изложить ее в следующей редакции: «Законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица, за исключением права давать показания, иметь представителя (если представителем выступает адвокат)».

Следует отметить, что законодатель, в принципе, улучшил процессуальное положение представителей потерпевшего. Но можно ли, исходя из этого, поставить знак равенства между защитником подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и представителем потерпевшего? Думается, что нет. Стоит обратить внимание хотя бы на тот существенный факт, что в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ закреплено право защитника собирать доказательства путем опроса лиц с их согласия, а в п. 3 ч. 1 ст. 53 закреплена возможность приглашать специалиста.

Кроме того, в ст. 3 Закона РФ от 11 марта 1992 г. «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» не исключается сбор сведений защитником и по договору с частным детективом или частным детективным предприятием [3]. Аналогичные нормы по отношению к представителю потерпевшего отсутствуют.

Более того, адвокат — представитель потерпевшего имеет меньше законодательно закрепленных возможностей по сравнению с защитником, но даже и адвокатом свидетеля. Проиллюстрируем это на следующем примере. В ч. 5 ст. 189 и ч. 6 ст. 192 УПК РФ установлено, что если свидетель явился на допрос, очную ставку с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат участвует в очной ставке и пользуется следующими правами: давать в присутствии следователя краткие консультации, задавать с разрешения следователя вопросы допрашиваемым лицам, делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколе данного следственного действия (ч. 2 ст. 53 УПК РФ). Кроме того, по окончании допроса адвокат вправе делать заявления о нарушениях прав и законных интересов свидетеля, подлежащие занесению в протокол. Полагаем, что аналогичная норма непременно должна найти отражение в УПК РФ и по отношению к представителю потерпевшего.

Итак, исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным внести изменения в ч. 3 ст. 45 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«3. Законные представители и представители потерпевшего вправе:

- 1) знать о предъявленном обвиняемому обвинении;
- 2) рекомендовать потерпевшему... отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 настоящего Кодекса;
- 3) собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 86 Кодекса;
- 4) заявлять ходатайства и отводы;
- 5) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- 6) участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству потерпевшего;

7) знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием и подавать на них замечания;

8) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта;

9) участвовать при рассмотрении судом жалоб на задержание, заключение под стражу;

10) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств;

11) получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании представляемого лица потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций;

12) участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела судом первой, второй, надзорной инстанций и при производстве по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам;

13) поддерживать обвинение;

14) знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания;

15) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда;

16) обжаловать приговор, определение, постановление суда;

17) осуществлять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом;

5. Представитель не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с представлением интересов потерпевшего, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования представитель несет ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ.

6. Представитель потерпевшего обязан:

1) представлять органу, ведущему уголовный процесс, документы, подтверждающие его полномочия представителя;

2) являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс, для защиты интересов представляемого им лица;

7. Потерпевший вправе иметь несколько представителей».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абабков, А.В. Права потерпевших в уголовном процессе / А.В. Абабков // Юрид. газ. — 1995. — № 17. — С. 3.
2. Азаров, В.А. Юридические лица в уголовном процессе России: теоретические основы, законодательство и практика / В.А. Азаров, М.Х. Абдрахманов, М.Р. Сафаралеев. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. — 400 с.
3. Ведомости Совета народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 17. — Ст. 888.
4. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Рос. газ. — 2008. — 4 июня.
5. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.В. Смолькова. — М., 1998. — 404 с.
6. Российская газета. — 2013. — 30 дек.
7. Всего было изучено около 250 уголовных дел, рассмотренных районными судами г. Иркутска.
8. Всего было опрошено 100 следователей, 100 адвокатов, 50 судей.

Информация об авторе

Мисник Ирина Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: iramis@yandex.ru.

Information about the author

Misnik Irina Vladislavovna — candidate of juridical sciences, doцент, lecturer, East-Siberian Institute of Ministry of the Interior of Russian Federation (MOI), Irkutsk, Lermontova street, 110, e-mail: iramis@yandex.ru.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

В последнее время для российской юридической науки весьма актуальным становится исследование института свидетельского иммунитета. В статье рассматриваются возможности допроса близких лиц и близких родственников в судебном заседании.

Ключевые слова: свидетель; показания свидетелей; свидетельский иммунитет; родственники; близкие родственники.

N.V. Osodoyeva

**SOME PROBLEMS OF THE WITNESSES IMMUNITY
IN THE RUSSIAN CRIMINAL LEGAL PROCEDURE**

For the last time in Russian juridical science actual the investigation institute of the witnesses immunity. The article deals with some means of interrogation of folks and relatives in the legal investigation.

Key words: witness; evidence of witness; immunity of witness; relation; near relation.

В соответствии со ст. 56 УПК РФ, «свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний».

Содержание свидетельских показаний составляют только сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, воспринятых свидетелем лично или со слов других лиц. Не являются доказательством мнения, суждения свидетеля, равно как и данные, в основе которых лежат его предположения, догадки, слухи, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (ст. 75 УПК РФ). Предмет свидетельских показаний включает в себя любые относящиеся к уголовному делу факты и обстоятельства, в том числе касающиеся личности обвиняемого, потерпевшего, взаимоотношений с ними и другими свидетелями, а

также обстоятельства, позволяющие проверить и оценить показания самого свидетеля и другие доказательства, связанные с ними. Вместе с тем УПК РФ предусматривает определенные категории лиц, которые наделены так называемым «свидетельским иммунитетом».

В ст. 5 УПК РФ свидетельский иммунитет определен как право не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК РФ.

В настоящее время в действующем законодательстве, а также в науке уголовно-процессуального права сложились разные подходы к понятию «свидетельский иммунитет». Научные разработки в этой сфере многочисленны, но единого подхода к пониманию рассматриваемой правовой категории до сих пор не выработано. Среди исследователей этой проблемы — Ф.А. Агаев, М.Ю. Брежнева, И.В. Вельщ, В.Н. Галузо, В.Г. Даев, И.Д. Дементьев, Л.М. Карнеева, И. Кертэс, А.Ф. Кони, Т.Н. Москалькова, А.В. Наумов, И.Л. Петрухин, А. Петуховский, В.И. Руднев, И.В. Смолькова. Понятие «свидетельский иммунитет» рассматривается ими как в широком, так и в узком значении.

В теории уголовного процесса выделяют различные виды свидетельского иммунитета.

Так, по мнению А. Петуховского, субъекты «свидетельского иммунитета» подразделяются на две группы. В первую входят лица, которые могут отказаться от дачи показаний, но могут и не воспользоваться своим правом (свидетели, потерпевшие, которые могут отказаться свидетельствовать против себя, своих близких родственников; лица, обладающие правом дипломатической неприкосновенности, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы РФ). Вторая группа состоит из тех лиц, которые не могут допрашиваться в качестве свидетелей по поводу некоторых обстоятельств либо вообще давать показания по делу (судья, присяжный заседатель, защитник подозреваемого, обвиняемого, адвокат, священнослужитель) [6, с. 49].

Более убедительным мне представляется мнение ученых, выделяющих не два, а три вида субъектов, обладающих свидетельским иммунитетом: 1) абсолютный иммунитет — запрет допрашивать в качестве свидетелей; 2) относительный иммунитет — возможность отказа от дачи показаний; 3) иммунитет лиц, которые могут отказаться отвечать на отдельные заданные вопросы [7, с. 3; 8, с. 17].

Нравственно-правовой стержень допроса свидетеля в суде образует положение, установленное в ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый имеет право при рас-

смотре́нии любого предъявленного ему уголовного обвинения... не быть принуждаем к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным» [4, с. 56]. Исходя из данного требования, ст. 51 Конституции РФ предусматривает следующее положение: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга, близких родственников, круг которых определяется федеральным законом».

Если свидетель является близким родственником подсудимого и после разъяснения ему ст. 51 Конституции РФ он соглашается давать показания, то ему должно быть разъяснено, что он может нести уголовную ответственность только за дачу заведомо ложных показаний. Несоблюдение этого требования приводит к получению показаний, которые недопустимо использовать в качестве доказательств. Право свидетелей и потерпевших отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга и других близких родственников закреплено в п. 3 ч. 2 ст. 42 и п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ. В этих же нормах указано, что при согласии дать показания эти лица должны быть предупреждены о том, что их показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае их последующего отказа от этих показаний.

Вполне обоснованным является мнение Р. Куссмауля, полагающего, что право, предусмотренное ст. 51 Конституции РФ, закреплено за каждым. Однако следователи (дознаватели) разъясняют эту норму чаще всего только обвиняемым, подозреваемым, подсудимым, их родственникам-свидетелям, но не разъясняют ее другим свидетелям, потерпевшим, гражданским истцам, гражданским ответчикам, что может повлечь признание их показаний недопустимыми [3, с. 33]. Вместе с тем указанное положение закреплено в ст. 42, 44, 47, 54, 56 УПК РФ.

Согласно УПК РФ, а также Семейному кодексу РФ, не относятся к близким родственникам сожитель и сожительница, а значит, на них не распространяется «свидетельский иммунитет». Некоторые ученые считают, что «венчание в церкви, наличие совместных детей и ведение общего хозяйства не порождают супружеских отношений и не освобождает от обязанностей свидетеля» [1, с. 139].

На практике возникают такие ситуации, когда юридически неусыновленных детей, которых обвиняемый воспитывал с малолетнего возраста, заставляют свидетельствовать против человека, которого они считают своим отцом (матерью) [5]. По мнению В.Т. Очереди́на, суды признавали близкими родственниками лиц, проживающих в

гражданском браке, т.е. сожителей, либо дочь жены подсудимого, которая хотя и не была им удочерена, но с раннего детства проживала вместе с ним [5, с. 33]. В то же время каждый из них имеет право воспользоваться привилегией не свидетельствовать против своих детей, рожденных в таком браке в том случае, если дети будут записаны в свидетельстве о рождении как родители ребенка. Указанное обстоятельство наиболее сильно подчеркивает абсурдность ситуации и является одним из серьезных аргументов в пользу мнения тех ученых и практических работников, которые считают, что положения ст. 51 Конституции РФ должны разъясняться в обязательном порядке всем без исключения свидетелям и потерпевшим. Автор согласен с Л.С. Халдеевым, что в таких исключительных случаях суду следует признавать право не свидетельствовать против друг друга за лицами, фактически состоящими в браке [9, с. 182].

Справедливо мнение И.В. Смольковой, полагающей, что «в плане совершенствования процессуального закона при определении круга лиц, подлежащих освобождению от дачи показаний в силу близких отношений с обвиняемым необходимо руководствоваться не только самим фактом родства или супружества, но и особым характером доверительных отношений между людьми. Кроме близких родственников «свидетельский иммунитет» следует распространить и на особо близких лиц, для которых дача свидетельских показаний может носить характер нравственной драмы...» [7, с. 18].

С учетом изложенного представляется необходимым внести изменения в п. 3 ст. 5 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «близкие лица — иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие продолжительное время в фактических брачных отношениях, в свойстве с потерпевшим, свидетелем, иными участниками уголовного судопроизводства, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства в силу сложившихся личных отношений». В связи с предлагаемыми поправками в п. 3 ст. 5 УПК РФ, думается, необходимо внести изменения и в п. 3 ч. 2 ст. 42, п. 7 ч. 4 ст. 44, п. 4 ч. 2 ст. 54 и п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, дополнив их после слов: «близких родственников» словами: «близких лиц, круг которых определен пунктами 3, 4 статьи 5 настоящего Кодекса».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотых, В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — 288 с.
2. Кипнис, Н. Институт допустимости доказательств в УПК РФ : ст. / Н. Кипнис. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Куссмауль, Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту / Р. Куссмауль // Российская юстиция. — 2003. — № 3. — С. 30–33.
4. Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. — М. : НОРМА, 2002. — С. 52–56.
5. Очередин, В.Т. Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания / В.Т. Очередин. — М. : Юрлитинформ, 2008. — 248 с.
6. Петуховский, А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального статуса / А. Петуховский // Российская юстиция. — 2003. — № 9. — С. 49.
7. Смолькова, И.В. Процессуальный статус свидетеля в российском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / И.В. Смолькова ; МВД России, Иркут. ВШ МВД СССР. — Иркутск : Братусь техцентр, 1997. — 40 с.
8. Федорова, О.В. Принцип защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве / О.В. Федорова // Закон и право. — 2006. — № 12. — С. 17.
9. Халдеев, Л.С. Судья в уголовном процессе : практ. пособие / Л.С. Халдеев. — М. : Юрайт, 2000. — 501 с.

Информация об авторе

Осодоева Наталия Васильевна — помощник судьи Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Геологическая, 9а, e-mail: osodoeva84@yandex.ru.

Научный руководитель и рецензент — *Смолькова Ираида Вячеславовна*, заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора судебно-следственного факультета Байкальского государственного университета экономики и права, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

Osodoyeva Nataliya Vasilevna — an assistant of judge of Oktjabrskiy district court, 670031, Ulan-Ude city of Republic Buryatiya, Geologicheskaja St., 9a, e-mail: osodoeva84@yandex.ru.

Scientific adviser — *Smolkova Iraida Viacheslavovna*, Doctor of Law, Holder of chair of criminal procedure and prosecutor's supervision, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal National University of Economics and Law.

УДК 343.985.1

ББК 67.522.0

Л.П. Плеснева

СОВМЕСТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

В статье исследуется одна из организационных форм взаимодействия следователя с органами дознания — совместное планирование расследования.

Ключевые слова: взаимодействие; следователь; предварительное следствие; орган дознания; оперативное подразделение; преступление; расследование; оперативно-розыскная деятельность; планирование; уголовное дело.

L.P. Plesneva

JOINT PLANNING AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE AGENCIES OF INQUIRY

The article gives a general description of the forms of interaction with the investigator agencies of inquiry. Investigated in more detail one of the organizational forms of interaction the investigator with agencies of inquiry — joint planning investigation.

Key words: interaction; investigator; preliminary investigation; agency of inquiry; the operational unit; crime; investigation; investigation and search operations; planning; criminal case.

В современных условиях от правоохранительных органов, для достижения ощутимых результатов в борьбе с преступностью, требуется более эффективная работа по выявлению преступлений, а это предполагает и более высокий уровень взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания.

Одним из условий эффективной борьбы с преступностью является быстрота расследование, что способствует изобличению лиц, совершивших преступление. Задержка с расследованием преступлений ведет к утрате доказательств, что может препятствовать установлению истины.

В целях обеспечения быстрого расследования уголовных дел необходимо, чтобы следователи и сотрудники органа дознания вели борьбу с преступностью в тесном взаимодействии между собой.

Многолетний опыт борьбы с преступностью в России показывает, что раскрытие преступлений одними лишь процессуальными средствами бывает весьма затруднительным, а нередко и невозможным [4, с. 10]. Именно поэтому на органы дознания в соответствии с законом возлагается обязанность принятия необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших, однако эта функция возлагается не на все органы дознания, а лишь на те, которые указаны в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ — органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе территориальные и входящие в их структуру межрайонные, городские (районные) органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Наличие специфической оперативно-розыскной функции органов дознания и несвойственность таковой органам следствия обуславливает необходимость их взаимодействия.

Взаимодействие предполагает взаимную помощь органов следствия и дознания в процессе расследования уголовных дел, обмен информацией о ходе и результатах проводимых ими мероприятий и совместную ответственность за раскрытие преступлений и изобличение виновных.

Необходимость взаимодействия следователя с органами дознания в уголовном процессе объясняется тем, что для выполнения задач борьбы с преступностью они наделены разными полномочиями, используют различные средства и методы, сочетание которых может дать эффективную реализацию этих задач. Деятельность следователя протекает в процессуальных формах, а деятельность же органов дознания, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ, заключается, главным образом, в производстве оперативно-розыскных мероприятий. Объединение процессуальных усилий следователя и оперативно-розыскных возможностей органа дознания позволяет повысить эффективность решаемых ими задач по борьбе с преступностью.

Взаимодействие следователя с органами дознания — это основанная на законе и подзаконных нормативных актах, совместная, согласованная по цели, месту, времени деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов (следователя и органов дознания), которая выражается в наиболее эффективном сочетании процессуальных и гласных розыскных действий следователя с оперативно-розыскными и процессуальными функциями оперативных работников, направленная на предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений, розыск обвиняемого и возмещение ущерба, причиненного преступлением, при руководящей роли следователя и самостоятельном выполнении каждым из ее участников намеченных ими действий [4, с. 20–21].

Взаимодействие следователя с органами дознания складывается из различных связей и взаимоотношений между ними, которые широки и разнообразны. Конкретные способы и порядок этих связей выражаются в определенных формах.

Формы взаимодействия следователя и органов дознания — это такие способы и порядок связей между ними, которые обеспечивают согласованность их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из них полномочий, средств и методов работы [2, с. 132].

В литературе традиционно различают процессуальные и организационные формы взаимодействия следователя с органами дознания при производстве предварительного следствия.

Поскольку под взаимодействием понимается основанная на законе согласованная деятельность следователя и органа дознания, направленная на раскрытие и расследование преступлений, то можно сделать вывод о том, что формы этих отношений, прежде всего, нужно искать в правовых нормах, поскольку они предусмотрены уголов-

но-процессуальным законодательством, то по своей природе являются процессуально-правовыми.

Вместе с тем следует иметь в виду, что взаимодействие на практике организуется в зависимости от конкретных ситуаций, которые складываются при расследовании того или иного уголовного дела. В одном случае объем оперативно-розыскных действий невелик и может быть выполнен одним оперативным работником, в другом — требуется привлечь несколько сотрудников из разных служб с учетом специфики предстоящих оперативно-розыскных мероприятий. Итак, при взаимодействии следователей и оперативных работников возникают и складываются связи не только в формах, указанных в процессуальном законе, но и в таких формах взаимодействия, которые, хотя и не закреплены в УПК РФ, однако получили распространение на практике и доказали свою эффективность. Достаточно сослаться на такие виды связей и контактов между следователями и оперативными работниками, как совместное обсуждение и составление планов расследования, обмен информацией, создание следственно-оперативных групп и др. Эти формы в литературе принято называть организационными.

Организационные формы неразрывно связаны с процессуальными, вытекают из них, но имеют и самостоятельное значение при взаимодействии.

Формы взаимодействия обусловлены главным образом объемом и содержанием следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, которые ориентировочно предстоит провести по расследуемому делу. Они, в свою очередь, определяют длительность и содержание взаимодействия: оно может быть длительным, т.е. в течение всего периода расследования; временным, т.е. продолжаться, например, до раскрытия преступления; эпизодическим, заключающимся в поручении органу дознания выполнить отдельные задания.

В процессе раскрытия и расследования преступлений используются практически все процессуальные формы взаимодействия, которые можно выделить в законе. Применяется также ряд организационных форм, выбор которых зависит от тяжести и характера совершенного преступления, момента его раскрытия и следственной ситуации.

Одной из наиболее распространенных организационных форм взаимодействия следователя с органами дознания является совместное планирование расследования. Предварительному следствию присуща плановость, т.е. планомерное исследование обстоятельств дела

таким образом, чтобы все существенные обстоятельства были полностью выяснены. По верному замечанию М.С. Строговича, «бесплановое следствие — не следствие, а беспомощное блуждание по фактам и событиям, на которые следователь случайно наталкивается и которые он не может ни связать, ни объяснить» [6, с. 72].

Совместное планирование заключается в составлении следователем с участием оперативного работника плана расследования по делу. Оперативный работник самостоятельно составляет план оперативно-розыскных мероприятий, который реализуется впоследствии по согласованию со следователем.

Как форма взаимодействия следователя и органа дознания совместное планирование применяется чаще всего по сложным делам, при расследовании которых необходимо активное сочетание следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в целях установления виновного и полного исследования всех обстоятельств дела, а равно при производстве совместных следственных действий и розыскных мероприятий.

Подавляющее большинство опрошенных мною следователей и сотрудников органов дознания (94 %) убеждены, что совместное планирование способствует повышению качества расследования преступлений.

План помогает не упустить ни одного важного для дела обстоятельства, а также распределить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия систематично и рационально. Совместное планирование способствует организованности взаимодействия следователя с оперативными работниками, его целеустремленности, четкому разграничению обязанностей, правильному распределению имеющихся средств, а значит, и повышению его эффективности. Планы выполняют роль гибкого инструмента, помогающего правильно и рационально организовать работу по раскрытию расследованию преступлений [6, с. 140–141]. Планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий обеспечивает достижение высоких результатов в раскрытии и расследовании преступлений, поскольку все необходимые мероприятия по уголовному делу удается провести оперативно и более качественно [1, с. 4].

В случаях, когда требуется длительное взаимодействие следователя с оперативным работником (например, по неочевидным и многоэпизодным преступлениям), возникает необходимость согласованного планирования следственных действий и оперативно-розыскных

мероприятий. Если же работники органа дознания по уголовному делу выполняют какое-либо разовое поручение следователя, то нет смысла составлять план их совместной деятельности. Однако иногда возникает необходимость составления подробного согласованного плана проведения и одного следственного действия, осуществляемого следователем с участием сотрудников органа дознания, например, если в отдельном доме с большим количеством комнат необходимо произвести обыск.

Единый общий согласованный план следственных и оперативно-розыскных действий разрабатывается следователем и оперативными работниками независимо от этапа производства по делу. Он должен отображать согласованную тактику следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в их взаимной связи. В общем плане не расшифровывается содержание оперативно-розыскных мероприятий.

На основании общего плана расследования могут быть составлены отдельные планы, как следственных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий.

Общий план должен включать в себя: версии; данные, подлежащие установлению для их проверки; перечень подлежащих выполнению следственных действий; обстоятельства, устанавливаемые оперативным путем, без указания необходимых для этого средств и методов; сроки и исполнителей по каждому пункту плана.

В первую очередь должны выдвигаться общие версии, позволяющие обозначить направления поиска в целом, а затем применительно к каждой общей — частные версии, позволяющие сосредоточить внимание на отдельных «секторах» поиска информации [5, с. 41]. Особое внимание должно уделяться согласованности (по месту, срокам начала и окончания) одновременно проводимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Ответственность за организацию совместного планирования возлагается на следователя как на руководителя расследования.

Составленный план может изменяться и дополняться. Инициатива по его корректировке принадлежит как следователю, так и оперативно-розыскному работнику. Взаимодействие следователя с органами дознания планируется с учетом складывающейся обстановки и особенностей расследуемого преступления. План по сложным, многоэпизодным, групповым делам целесообразно составлять из нескольких разделов:

1. Общие сведения по делу.
2. План-карточка на каждый эпизод или версию.
3. План-шахматка в виде таблицы (например, по вертикали фамилии или другие данные расхитителей и иных лиц, причастных к хищениям, а по горизонтали — перечень выявленных преступлений).
4. Графическая схема преступных связей.
5. Карточка на лицо, в которой в хронологическом порядке перечисляются совершенные преступления, сведения об ущербе, соучастниках и иные данные.
6. Таблица выполнения основных процессуальных действий.
7. Сводная таблица характеризующего материала, в которой по вертикали перечисляются фамилии и основные данные лиц, причастных к расследуемым преступлениям, а по горизонтали — отметки о материалах и документах, подтверждающих личность.
8. Таблица по причиненному и возмещенному ущербу, где по вертикали располагаются фамилии, а по горизонтали — сведения о причиненном и возмещенном ущербе [3, с. 32].

Контроль за реализацией намеченных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и практическую помощь в их осуществлении сотрудникам оказывают руководители следственных и оперативных подразделений. О выполнении плановых мероприятий и результатах работы следователь и оперативный работник отчитываются перед руководителями соответствующих подразделений. При необходимости отчеты заслушиваются одновременно.

Следователь, являясь организатором взаимодействия, в случае невыполнения или некачественного выполнения запланированных действий работниками органов дознания, может сообщить об этом через руководителя следственного органа или лично начальнику органа дознания, который должен принять меры к устранению недостатков во взаимодействии сотрудников органа дознания со следователем.

Значимость рассматриваемой формы взаимодействия следователя с сотрудником органа дознания заключается в том, что она должна обеспечить участие в планировании каждого участника взаимодействия, должны быть использованы творческие способности всех, чтобы ни одна версия, ни одна мысль не была отвергнута автоматически без детального обсуждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багмет, А.М. Планирование как одна из форм непроцессуального взаимодействия следователей с органами дознания при раскрытии и расследовании массовых беспорядков / А.М. Багмет // Российский следователь. — 2012. — № 6. — С. 2–4.
2. Герасимов, И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. — Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1975. — 184 с.
3. Карпов, А.П. Процессуальные и организационные аспекты взаимодействия следователя с оперативными работниками / А.П. Карпов, А.В. Сергунов, И.В. Смолькова // Материалы 1-й межвузовской конференции по проблемам деятельности правоохранительных органов и противопожарных служб. — Иркутск : Изд-во ИВШ МВД РФ, 1996. — С. 31–34.
4. Плеснева, Л.П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания / Л.П. Плеснева, И.В. Смолькова. — Иркутск : Изд-во ВСИ МВД России, 2003. — 215 с.
5. Пропастин, С. Типичные недостатки организации взаимодействия следователя и оперативных подразделений по делам об убийствах / С. Пропастин // Законность. — 2009. — № 3. — С. 40–42.
6. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: Особенная часть / М.С. Строгович. — М. : Наука, 1970. — Т. 2. — 516 с.
7. Ткачук, Т.А. Методология взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений / Т.А. Ткачук // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. — 2009. — № 4 (13). — С. 138–142.

Информация об авторе

Плеснева Людмила Павловна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: iramis@yandex.ru.

Information about the author

Plesneva Ludmila Pavlovna — Ph.D., associate professor of the chair of criminal procedure, East-Siberian Institute of Ministry of the Interior of Russian Federation (MOI), Irkutsk, Lermontova st., 110, e-mail: iramis@yandex.ru.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ ПРИ ДОПРОСЕ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье анализируется зарубежное законодательство, регулирующее использование видеоконференцсвязи в данной сфере, а также перспективы применения технических средств видеоконференцсвязи в следственных действиях.

Ключевые слова: видеоконференцсвязь; допрос; очная ставка; опознание; следственные действия; свидетельские показания; получение доказательств; технические средства.

V.A. Rodivilina

THE USE OF VIDEO-CONFERENCE DURING INTERROGATION IN THE PRETRIAL PROCEEDINGS

In this article the author analyzes the perspectives regarding the technical application of video-conferencing in investigations.

Key words: video-conferencing; questioning; confrontation; identification; investigations; testimony; obtaining evidence; technical means.

Новые технологии позволяют быстро и эффективно решать оперативно-служебные задачи правоохранительных органов, в максимально короткие сроки выявлять и раскрывать преступления.

Видеоконференцсвязь — это новая технология, но уже достаточно активно используемая в различных областях человеческой жизни, таких как бизнес, управление, образование, медицина, рекрутмент, оперативный контроль, безопасность, уголовное и гражданское судопроизводство, в быту (поддержание связи с родственниками и друзьями).

В.А. Терёхин и А.Е. Федюнин рассматривают видеоконференцсвязь в уголовном судопроизводстве как основанное на правовых нормах международного и российского уголовно-процессуального законодательства интерактивное взаимодействие участников уголовного процесса, в ходе которого осуществляется непрерывный и четкий информационный обмен изображением и звуком, которые имеют

значение для уголовного дела, в режиме реального времени посредством обособленной телекоммуникационной сети [6, с. 23]. А.Г. Волеводз определяет видеоконференцсвязь в уголовном судопроизводстве как технологию, позволяющую осуществлять аудиовизуальное взаимодействие нескольких участников уголовного процесса в режиме реального времени [2, с. 71].

Исходя из этих определений, можно сделать вывод, что для реализации видеоконференцсвязи необходимо наличие аудио- и видеоборудования для передачи и воспроизведения изображения и звука, соответствующей сертифицированной телекоммуникационной сети.

Систему видеоконференцсвязи в сфере уголовного судопроизводства используют на стадии судебного производства: при дистанционном допросе свидетеля и потерпевшего (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), в ходе судебного рассмотрения жалоб (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [1]) и ходатайств (ч. 6 ст. 35 УПК РФ) заявителя и обвиняемого, при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 2 и 2¹ ст. 399 УПК РФ), при допросе свидетеля (ст. 278¹ УПК РФ). Вопрос о применении видеоконференцсвязи в перечисленных случаях решается судом по собственной инициативе либо при подаче соответствующего ходатайства от участника процесса.

Успешное использование видеоконференцсвязи на стадии судебного производства дает основание вести речь о перспективе ее использования и на досудебных стадиях производства по уголовным делам.

В уголовно-процессуальном законодательстве таких стран, как Австралия, Бельгия, Великобритания, Германия, Индия, Италия, Казахстан, Канада, Латвия, Новая Зеландия, США, Финляндия, Франция, Швеция, Эстония, разработаны нормативно-правовые основы использования видеоконференцсвязи и допустимости доказательств, полученных с помощью такой технологии. Очевидно, что изучение зарубежного опыта в данной области позволит значительно расширить сферу использования видеоконференцсвязи.

В законодательстве иностранных государств предусмотрены разные формы видеоконференцсвязи. Так, в УПК Канады установлены положения об использовании «кабельного телевидения» или любых других технических средств, которые позволяют лицу «участво-

вать в одновременной визуальной связи и устном общении» или «виртуально присутствовать» в судебном заседании [3, с. 390]. В ст. 69, 287 УПК Эстонии предусмотрена «long-distance hearing» — дистанционная дача свидетельских показаний [7]. В УПК Республики Беларусь (ст. 68) и УПК Казахстана (ст. 408, 446⁵) предусмотрено «судебное заседание с использованием видеотехнических средств», «дистанционное участие лица» или применение «видеоконференции».

Возможность и обоснованность использования в уголовном процессе данного вида технических средств подтверждены успешным опытом проведения кассационных судебных заседаний в режиме видеоконференцсвязи в Верховном Суде Российской Федерации, Челябинском и Пензенском областных судах, Московском городском суде, Хабаровском краевом суде и многих других [4]. Применение видеоконференцсвязи на досудебных стадиях способствовало бы осуществлению уголовного судопроизводства в разумные сроки, сокращению материальных затрат при расследовании уголовных дел.

Часть 6 ст. 164 УПК РФ предусматривает применение технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств при производстве следственных действий. Следовательно, в принципе использование на досудебных стадиях видеоконференцсвязи не исключается.

По аналогии с ч. 2 ст. 278¹ УПК РФ следователь, в производстве которого находится уголовное дело, мог бы поручить следователю по месту нахождения гражданина, которого необходимо допросить, организовать проведение допроса путем использования систем видеоконференцсвязи. Данное поручение должно быть оформлено в письменном виде, с указанием анкетных данных (Ф.И.О., дата и место рождения, адрес местожительства и работы, контактные данные лица, которое необходимо допросить), а также с указанием даты и времени, на которые запланировано проведение допроса.

Помещения, в которых должна проводиться видеоконференцсвязь, должны быть оснащены сертифицированным по международным стандартам техническим оснащением, подходящим для целей проведения видеоконференций, т.е. аудио- и видеооборудованием, телекоммуникационными сетями, позволяющими передавать видеoinформацию в режиме реального времени.

Для этих целей можно было бы использовать имеющуюся в МВД России единую информационную телекоммуникационную систему (ЕИТКС), информационной безопасностью которой занимается

Департамент информационных технологий, связи и защиты информации (ДИТС и ЗИ), созданный в структуре МВД России Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 [5]. В задачи ДИТС и ЗИ также входит совершенствование информационных и телекоммуникационных технологий, а также автоматизированных информационных систем; координация работы по совершенствованию систем связи; противодействие техническим разведкам; техническая, в том числе криптографическая, защита информации; формирование и ведение информационных ресурсов; межведомственное информационное взаимодействие; реализация государственных и ведомственных программ в области информатизации и др.

Сам же допрос с использованием видеоконференцсвязи должен осуществляться по общим правилам, установленным ст. 189 УПК РФ. Перед началом допроса следователь (дознатель) по месту нахождения лица, которое необходимо допросить, по поручению следователя (дознателя), рассматривающего уголовное дело, удостоверяет его личность. Подписку о разъяснении этому лицу прав, обязанностей и ответственности, предусмотренных ст. 307, 308 УК РФ, а также представленные этим лицом документы, следователь (дознатель) по месту нахождения лица, которое необходимо допросить, направляет следователю (дознателю), рассматривающего уголовное дело, например, при помощи факсимильной почты.

При этом требуется закрепить в УПК РФ четкие основания и порядок применения видеоконференцсвязи, определить цели и значение ее использования в уголовном судопроизводстве, определить механизмы применения телекоммуникационных технологий, закрепить право участников уголовного судопроизводства заявлять ходатайства о ее применении при производстве по уголовным делам.

Внедрение в уголовное судопроизводство новейших технических разработок поможет разрешить целый комплекс проблем правового, организационного и технического характера, позволит повысить его эффективность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 4.
2. Волеводз, А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференц-связи / А.Г. Воле-

водз // Военно-юридический Вестник Приволжского региона : сб. науч. тр. — Вып. 1. — Самара, 2003. — С. 70–96.

3. Волеводз, А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса / А.Г. Волеводз. — М. : ООО «Юрлитинформ», 2002. — С. 390–391.

4. Вяткин, Ф.М. Видеоконференцсвязь при рассмотрении кассационных жалоб / Ф.М. Вяткин, С. Зильберман, С.Н. Зайцев // Российская юстиция. — 2000. — № 6. — С. 11–12.

5. Собрание законодательства Российской Федерации — 2011. — № 10. — Ст. 1334.

6. Терехин, В.А. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве / В.А. Терехин, А.Е. Федюнин // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 22–24.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии // Официальный сайт Правительства Эстонской Республики. — Режим доступа: <http://www.riigikogu.ee>.

Информация об авторе

Родивилина Виктория Александровна — адъюнкт кафедры уголовного процесса, ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД России», 664047, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, e-mail: 377b@bk.ru.

Научный руководитель и рецензент — *Смолькова Ираида Вячеславовна*, доктор юридических наук, заведующая кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

Information about the author

Rodivilina Victoria Aleksandrovna — graduate student, Department of Criminal Procedure East-Siberian Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 664047, Irkutsk, Lermontov St., 110, e-mail: 377b@bk.ru.

Scientific adviser — *Smolkova Iraida Viacheslavovna*, Doctor of Law, Holder of chair of Criminal procedure, Professor, Honored Lawyer

of the Russian Federation, Baikal National University of Economics and Law, Lenin st., 11, Irkutsk, 664003.

УДК 343.296
ББК 67.410.203

Ж.В. Самойлова

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье исследуется правовая природа и особенности производства по гражданскому иску в российском уголовном процессе, анализируются особенности рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе стран дальнего зарубежья (Франции, Англии, Австрии).

Ключевые слова: гражданский иск; вред от преступления; гражданский истец; преступные последствия.

J.V. Samoilo

FEATURES OF CIVIL SUIT IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA AND THE CIS COUNTRIES

The author examines the legal nature and characteristics of the civil defense in domestic criminal procedure. Also analyzes the characteristics of civil suit in criminal proceedings abroad (France, England, Austria).

Key words: civil action; harm from crime; civil plaintiff; criminal consequences.

В юридической литературе наиболее распространенным является определение гражданского иска как основанного на нормах материального права требования лица о возмещении вреда, причиненного преступлением или запрещенным Уголовным кодексом общественно опасным деянием, предъявленное по уголовному делу к обвиняемому или лицам, несущим материальную ответственность за действия обвиняемого [9, с. 194].

Некоторые авторы гражданский иск в российском уголовном судопроизводстве понимают как «совокупность процессуальных действий и отношений, уполномоченных законом субъектов, которые

возникают при предъявлении, обеспечении и поддержании материально-правовых притязаний лица или органа, понесшего от преступления материальный ущерб, на его возмещение» [6, с. 16].

Данное определение характеризует гражданский иск как институт, регулирующий не только вопросы требования о возмещении вреда, но и дальнейшие действия уполномоченных законом субъектов по обеспечению иска, его рассмотрению и разрешению.

Заслуживает внимания также определение гражданского иска, предложенное И.М. Зайцевым, который рассматривает гражданский иск как «процессуально-правовую конструкцию юридического спора, который в свою очередь образует содержательную сторону обращения заинтересованного лица в суд с просьбой о защите субъективных прав» [3, с. 89].

В уголовном судопроизводстве России гражданский иск разрешается в приговоре, при этом судьба иска зависит, главным образом, от того, какой приговор, обвинительный или оправдательный, будет вынесен судом. В обвинительном приговоре гражданский иск, как правило, удовлетворяется полностью или частично. В исключительных случаях при невозможности произвести подробный расчет по иску без отложения разбирательства дела, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать вопрос об установлении размера причиненного ущерба на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства [10, с. 151].

При вынесении оправдательного приговора суд в удовлетворении гражданского иска отказывает полностью (если не установлено событие преступления или не доказано участие подсудимого в совершении преступления), либо иск остается без рассмотрения (если в действиях подсудимого отсутствует состав преступления). В последнем случае гражданскому истцу разъясняется право на обращение с тем же иском в порядке гражданского судопроизводства.

Так, например, Октябрьским районным судом г. Иркутска гражданский иск К. о возмещении материального вреда и компенсации морального вреда оставил без рассмотрения, поскольку в судебном заседании не было установлено прямой связи между действиями обвиняемого и наступившими последствиями, при этом суд разъяснил гражданскому истцу право на обращение с иском в порядке гражданского судопроизводства [11].

Гражданский иск может быть рассмотрен судом только при наличии документов, полно и объективно подтверждающих необходи-

мость его удовлетворения. В противном случае суд вправе оставить иск без удовлетворения, а за гражданским истцом право на удовлетворение его требований в порядке гражданского судопроизводства [4, с. 165].

Немаловажным также будет заметить, что в российской уголовном процессе не могут предъявляться виндикационные иски. Путем виндикации собственнику или законному владельцу возвращается изъятая у него индивидуально-определенная вещь. В уголовном судопроизводстве такие вещи, имеющие значение для дела, приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств и подлежат возвращению законному владельцу в порядке ч. 3 ст. 81 УПК РФ, поэтому предъявления гражданского иска для возвращения такой вещи не требуется. Однако если эта вещь, будучи приобщенной к делу в качестве вещественного доказательства, частично утратила свою ценность в результате совершенного преступления, собственник или владелец этой вещи вправе предъявить иск лицу причинившему вред в порядке гражданского судопроизводства для возмещения причиненного ущерба.

В практике российских судов не допускается подача встречного иска в уголовном процессе, т.е. обвиняемый может только отвечать по иску, но он не может быть гражданским истцом в том же деле. Определяется это тем, что встречный иск имел бы своим основанием иной юридический факт, а не совершенное преступление. В таком случае отсутствовало бы обязательное условие рассмотрения гражданского иска в уголовном деле — единство факта, лежащего в основе, как уголовной, так и гражданско-правовой ответственности данного лица.

Кроме того, особенность производства по гражданскому иску в уголовном судопроизводстве и его отличие от иска, предъявляемого в порядке гражданского судопроизводства, состоит в том, что появление в уголовном деле гражданского истца возможно уже тогда, когда размер понесенного ущерба еще точно не определен, а лицо, совершившее преступление, пока неизвестно. Исковое же заявление в порядке гражданского судопроизводства оставляется без движения, если в нем не обозначены ответчик и цена иска (ст. 131 ГПК РФ). Это означает, что в начальный период расследования уголовного дела исковое заявление может и не содержать точного обозначения ответчика и указания цены иска. При этом орган расследования не может оставить заявление гражданского истца без рассмотрения на том лишь

основании, что оно не соответствует требованиям ст. 131 ГПК РФ [5, с. 209–212].

К сожалению, новый УПК РФ повторяет недостатки ранее действовавшего закона, не упоминая о содержании и форме искового заявления. Каждый иск, как требование о защите нарушенного права, должен содержать указание кто и в чью пользу требует, что требует и на основании чего. Поскольку требования к форме искового заявления не регламентированы, то это означает, что оно может быть подано в произвольной форме. Очевидно, что это не самое лучшее решение вопроса. В интересах производства по уголовному делу исковое заявление должно составляться по правилам гражданского судопроизводства с учетом особенностей уголовного процесса.

В соответствии со ст. 131 ГПК РФ иск предъявляется в суд путем подачи искового заявления в письменной форме с соблюдением специальных требований. В заявлении должны быть указаны:

- наименование органа, в который подается заявление;
- наименование истца, его место жительства или, если истцом является юридическое лицо, его место нахождения, а также представителя и его адрес, если заявление подается представителем;
- наименование ответчика, его место жительства или его место нахождения. Эти сведения должны предоставить истцу лицо, производящее дознание, следователь, судья;
- обстоятельства, на которых истец основывает свое требование, и доказательства, подтверждающие изложенные истцом обстоятельства. Доказательствами могут быть имеющиеся у истца документы, подтверждающие характер и размер вреда (например, об утрате трудоспособности, затратах на лечение, расходах на погребение и т.п.). При этом следует исходить из того, что возлагать на гражданского истца бремя доказывания недопустимо.

Представляется, что необходимо внести изменение в УПК РФ, а именно, предусмотреть форму искового заявления гражданского истца в отдельной статье.

В исковом заявлении должно быть обязательно указано:

- наименование процессуального документа;
- изложение обстоятельств, на которых истец основывает свои требования;
- описание характера и размера вреда, причиненного преступлением;
- требования истца о возмещении либо компенсации вреда;

- цена иска;
- перечень прилагаемых к заявлению документов.

Особенностью действующего уголовно-процессуального закона является то обстоятельство, что, согласно ч. 2 ст. 44 УПК РФ, гражданский иск предъявляется после возбуждения уголовного дела, но до окончания судебного следствия в суде первой инстанции.

Совершенно справедливо суждение О.А. Тарнавского о том, что в начале судебного следствия одновременно с обвинительным заключением следует оглашать заявленный гражданский иск. Это позволит, по его мнению, обеспечить реализацию принципа гласности и одновременно определить границы материального притязания, с чем следует согласиться [8, с. 10].

Кроме этого, необходимо отметить противоречивость УПК РФ относительно положения гражданского истца. Так, в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в перечне доказательств показания гражданского истца отсутствуют, а в п. 7 ч. 4 ст. 44 — предусматривается, что гражданский истец вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников. Также в законе содержится требование, что в случае согласия гражданского истца дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве *доказательств* по уголовному делу (курсив мой. — Ж. С.). Ни в нормах, регламентирующих производство предварительного расследования, ни в статьях, касающихся судебного разбирательства, нет никакого упоминания о процедуре допроса гражданского истца.

Думается, что в этом вопросе законодатель должен быть более последовательным. Показания гражданского истца должны быть признаны видом доказательств, о чем следует указать в законе и определить процессуальный порядок их получения. Соответственно, п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ необходимо дополнить словами «гражданского истца».

Небезынтересны особенности рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе зарубежных стран.

Так, во Франции учение об иске в уголовном процессе является одним из самых интересных и своеобразных разделов уголовно-процессуальной теории. Данное учение разрабатывалось законодательством и научной доктриной на протяжении нескольких столетий. Еще в средневековых ордонансах 1532 и 1670 г. появилось разграничение публичного и гражданского исков как двух способов защиты общества и личности от преступления. Учение о публичном и граж-

данском исках во Франции покоится на известной концепции, согласно которой преступление одновременно причиняет вред как обществу в целом, так и частному лицу (потерпевшему). С этой целью обществу предоставляется право на так называемый «публичный иск», а частному лицу — на гражданский иск.

Таким образом, публичный иск — это право общества, реализуемое через представляющую его интересы прокуратуру, обратиться к судебной власти с требованием о применении к лицу, совершившему преступное деяние, установленного уголовным законом наказания. Гражданский иск — это право потерпевшего от преступного деяния лица обратиться к судебной власти с требованием о возмещении вреда, причиненного преступлением, или (и) установления виновности лица, его совершившего [2, с. 19].

В уголовном процессе Франции имеется еще одна существенная особенность, а именно: отсутствует такой субъект уголовного процесса, как потерпевший. Лицо, являющееся потерпевшим, фактически/юридически может быть в уголовном процессе либо гражданским истцом (если предъявлен гражданский иск), либо просто свидетелем [1, с. 156].

В Англии никогда не был известен так называемый соединенный процесс — объединенное рассмотрение в одном производстве вопросов уголовного и гражданского права или, иными словами, институт гражданского иска в уголовном процессе. Излишне говорить, что такое положение дел создавало дополнительные сложности потерпевшему, вынуждая его искать возмещение причиненного преступлением ущерба в порядке гражданского судопроизводства.

Однако английский законодатель пытается несколько исправить такое положение. Так, Закон о полномочиях судов и внесший в него изменения Закон об уголовной юстиции предоставили судам право одновременно с назначением наказания издавать так называемый «приказ о компенсации», в соответствии с которым потерпевшему выплачивается денежная сумма в установленных законом пределах, не всегда полностью возмещающая вред, причиненный преступлением.

Реализация этого нововведения сталкивается с существенными практическими трудностями. Отчасти они коренятся в еще оказываемом широком влиянии на судей традиционных английских концепций о недопустимости «двойного наказания», которыми, собственно, все время и мотивировался отказ от института гражданского иска в уголовном процессе. Существенно и то, что большинство приговоров

выносятся без судебного разбирательства (на основании факта признания обвиняемым своей вины) [1, с. 157].

Соотношение уголовного и гражданского исков в австрийском соединенном процессе таково, что первый признается главным, второй — побочным. Во всех случаях, где есть основание опасаться замедления уголовно-судебного разбирательства, дело о вознаграждении за вред направляется в гражданский суд. Так, случаи, когда уголовный суд признает имеющиеся в деле данные недостаточными для решения вопроса о вознаграждении за вред, или когда возникает вопрос о правах собственности на похищенные вещи, или когда сумма вреда не может быть с точностью установлена [7, с. 35]. Частное удовлетворение потерпевшего от преступления может быть достигнуто путем возвращения похищенного имущества, но если права потерпевшего на это имущество не могут быть восстановлены, то он имеет право требовать вознаграждения за причиненный ему вред и убытки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуценко, К. Уголовный процесс западных государств / К. Гуценко. — М. : Зерцало, 2002. — 517 с.
2. Дубровин, В.В. Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, по законодательству Французской Республики / В.В. Дубровин // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2010. — № 1. — С. 19.
3. Зайцев, И.М. Функция иска в судопроизводстве / И.М. Зайцев // Государство и право. — 1996. — № 7. — С. 89.
4. Научно-практическое пособие по применению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. — М. : Норма, 2004. — 448 с.
5. Нехай, С.Б. Понятие и процессуальное положение гражданского истца в уголовном процессе / С.Б. Нехай // Общество и право. — 2010. — № 5. — С. 209–212.
6. Рыженков, А.Я. О возмещении ущерба на предварительном следствии / А.Я. Рыженков, П.М. Филиппов. — Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1983. — 23 с.
7. Тальберг, Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс / Д.Г. Тальберг. — Киев : Универ. тип. им. В.И. Завадского, 1888. — 224 с.

8. Тарнавский, О.А. Уголовно-процессуальный механизм предъявления и разрешения гражданского иска в уголовном деле : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Тарнавский. — Екатеринбург, 2000. — 28 с.

9. Уголовный процесс : учебник / под ред. И.Л. Петрухина. — М. : ПБОЮЛ Грачев С.М., 2001. — 520 с.

10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. — М. : Норма, 2009. — 1052 с.

11. Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска за 2008 г.

Информация об авторе

Самойлова Жанна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Байкальского государственного университета экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: zhannaiv@mail.ru.

Information about the author

Samoilova Janna Vladimirovna — PhD, assistant professor of legal disciplines Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin, 11, e-mail: zhannaiv@mail.ru.

УДК 343.13
ББК 67.410.267

О.А. Самсонова

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ

В статье анализируются основания и процессуальные особенности оглашения показаний свидетеля в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу. Автор предлагает свое видение проблемы соблюдения прав и законных интересов подсудимого при оглашении показаний свидетелей в контексте принципа состязательности, а также процессуальные средства защиты прав подсудимого.

Ключевые слова: показания; потерпевший; свидетель; судебное разбирательство; непосредственность судебного разбирательства; состязательность.

O.A. Samsonova

REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITIVENESS BY CONSIDERATION OF CRIMINAL CASE IN COURT

In article the bases and procedural procedures of announcement of indications of the witness who was injured during judicial proceedings by consideration of criminal case in essence are analyzed. Authors offer the vision of a problem of observance of the rights and legitimate interests of the defendant at announcement of indications of witnesses, victims, and also procedural ways of their protection.

Key words: indications; victim; witness; judicial proceedings; spontaneity of judicial proceedings; competitiveness.

Среди основополагающих принципов уголовного судопроизводства, а значит, и справедливого правосудия, центральным является принцип состязательности, регламентированный Конституцией РФ и Уголовно-процессуальным кодексом РФ. Реализация данного принципа предполагает равенство процессуальных условий и гарантий, благодаря которым стороны в судебном разбирательстве должны иметь равную возможность представить свою позицию по уголовному делу, и ни одна из сторон не должна пользоваться какими-либо преимуществами по сравнению с другой стороной. Гарантом соблюдения подобного баланса должен выступать суд.

В уголовно-процессуальной науке высказываются различные точки зрения на содержание принципа состязательности, однако, практически все они сводятся к пониманию того, что состязательность — это способ построения таких процессуальных отношений, когда ни одна из сторон не имеет привилегий по отношению к другой стороне. В то же время в состязательном процессе по рассмотрению уголовного дела суд обеспечивает систему сдержек и противовесов интересов сторон обвинения и защиты. Поскольку априори принято считать, что импульс уголовному судопроизводству по любому делу дает сторона обвинения, а сторона защиты строит свою процессуальную деятельность на опровержении обвинения, то логичен вывод о том, что именно стадия судебного разбирательства предоставляет

стороне защиты возможность такого опровержения — хотя бы потому, что судопроизводство по уголовному делу становится наиболее открытым для защиты. В стадии судебного разбирательства в наибольшей степени реализуются процессуальные возможности защиты по предоставлению доказательств, допросу потерпевших, свидетелей, экспертов, специалистов, что является невозможным в ходе предварительного расследования.

В числе процессуальных инструментов, которые используются в судебном разбирательстве сторонами, важнейшее место занимает допрос свидетелей по уголовному делу и его производная — оглашение показаний свидетелей, данных ими в ходе предварительного расследования (ст. 281 УПК РФ).

С момента начала действия Уголовно-процессуального кодекса РФ содержание ст. 281 претерпело ряд изменений. Так, с 18 декабря 2001 г. по 24 июля 2003 г. редакция данной статьи предполагала, что оглашение показаний потерпевшего и свидетеля возможно по решению суда, но с согласия сторон в двух случаях: наличия существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде либо в случае неявки в судебное заседание свидетеля или потерпевшего. Конструкция ч. 2 ст. 281 УПК РФ также давала возможность оглашения показаний и в случае отказа указанных участников процесса от дачи показаний в ходе судебного разбирательства. Такой вывод очевиден, несмотря на то, что отказ от показаний не указывался прямо в части первой указанной статьи в качестве основания оглашения ранее данных показаний.

Федеральный закон от 24 июля 2003 г. несколько изменил подход к оглашению показаний свидетеля и потерпевшего в судебном заседании. Так, было определено несколько процедур принятия решения об оглашении показаний: во-первых, показания подлежат оглашению по решению суда с согласия сторон; во-вторых, показания подлежат оглашению по решению суда по ходатайству одной из сторон; в-третьих, показания подлежат оглашению судом по собственной инициативе.

При этом по решению суда с согласия сторон могут быть оглашены показания в случае неявки потерпевшего и свидетеля за исключением следующих случаев: смерти потерпевшего или свидетеля; тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вы-

зову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд.

Во всех четырех указанных выше случаях оглашение возможно по решению суда как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе суда. Кроме того, исключительно по ходатайству стороны суд может принять решение об оглашении показаний потерпевшего и свидетеля в случае наличия существенных противоречий в показаниях, данными указанными лицами в ходе предварительного расследования и в суде.

Также ч. 4 ст. 281 УПК РФ сохранила возможность оглашения показаний и в случае отказа указанных участников процесса от дачи показаний в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, с 24 июля 2003 г. суд получил право по собственной инициативе оглашать показания потерпевшего и свидетеля. Помимо этого, в отдельной части указанной статьи прямо было закреплено право суда принять решение об оглашении показаний при наличии существенных противоречий.

Анализ генезиса указанной статьи Уголовно-процессуального кодекса РФ приводит к выводу о том, что законодатель расширил возможности суда по оглашению показаний свидетелей и потерпевших практически безгранично, тем самым сужая возможности суда и иных участников судопроизводства по непосредственному восприятию показаний указанных лиц в ходе судебного заседания, как того требует содержание ст. 240 УПК РФ. Данная статья регламентирует непосредственность исследования доказательств в судебном разбирательстве, как общее условие судебного разбирательства, указывая при этом, что оглашение показаний участников возможно лишь в исключительных случаях, предусмотренных ст. 276, 281 УПК РФ. Законодатель же, расширяя возможности суда по оглашению показаний обвиняемых, потерпевших, свидетелей, формирует практику, при которой становится практически несущественно, какие показания дают обвиняемый, потерпевший, свидетель в ходе судебного разбирательства.

К сожалению, в последние годы сложился следующий алгоритм получения, проверки и оценки этого вида доказательств: в ходе предварительного расследования уполномоченные должностные лица производят допросы обвиняемых, подозреваемых и свидетелей. При этом, если в случае допроса обвиняемых (подозреваемых) закон предписывает обеспечить их право на защиту, в том числе в случаях обязательного участия защитника при производстве по уголовному

делу, то при допросе свидетеля или потерпевшего присутствие защитника разрешается, но не требуется. В следственной практике нередко случаи, когда следователи (дознаватели) позволяют себе высказывать мнение о том, что «добросовестному» потерпевшему и свидетелю не требуется присутствие адвоката. Таким образом, в ходе предварительного расследования допрос свидетеля или потерпевшего представляет собой «доверительную беседу» указанных лиц и следователя, иногда при этом присутствуют оперативные сотрудники. В большинстве случаев адвокат при допросе свидетеля или потерпевшего отсутствует.

Как указывают отдельные авторы, «проводимый следователем (дознавателем) допрос в ходе предварительного расследования уголовного дела определенным образом структурирован с учетом обвинительной позиции и происходит в отличных от судебного разбирательства условиях. В ходе же судебного следствия как таковой структуры, плана допроса нет, показания даются стихийно» [1, с. 17]. В результате появляются на свет протоколы допросов свидетелей и потерпевших, в которых отражен не дословный рассказ свидетеля, потерпевшего (как того требует ст. 190 УПК РФ), а вольная интерпретация текста должностным лицом, производившим допрос. Впоследствии свидетели или потерпевшие в суде в ходе допроса дают показания, существенно отличающиеся от содержания протоколов допросов. Соответственно, у суда и стороны обвинения возникают основания для оглашения показаний, данных свидетелем, потерпевшим в ходе предварительного расследования. В совокупности с удостоверением в судебном заседании свидетелем, потерпевшим своей подписи под протоколом допроса, а также собственноручно сделанной записи «с моих слов записано верно, мной прочитано», такие показания признаются судом допустимыми и достоверными. В последующем при их оценке в приговоре суд, относясь критически к показаниям, данным в ходе судебного разбирательства, использует показания, данные свидетелем в ходе предварительного расследования, в обоснование обвинительного приговора.

Хотелось бы также обратить внимание на оглашение показаний в случае неявки свидетелей, потерпевших в судебное заседание.

Представляется, что подобная процедура категорическим образом нарушает право обвиняемого на надлежащую защиту по уголовному делу, а также вступает в противоречие с принципом состязательности уголовного судопроизводства. В том случае, если суд удовлетворяет ходатайство государственного обвинителя об оглаше-

нии показаний свидетеля, не явившегося в суд, он лишает сторону защиты возможности, во-первых, удостовериться в том, что данный свидетель действительно осведомлен о тех обстоятельствах, которые зафиксированы в протоколе его допроса, во-вторых, делает невозможным его допрос по тем вопросам, которые не задавались следователем, но выяснение которых является необходимым и значимым для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Подобный подход приводит к нарушению баланса процессуальных прав сторон.

Такая же позиция, только в менее категоричной форме, высказана в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая требует, чтобы обвиняемому была предоставлена адекватная возможность оспаривать утверждения и допрашивать свидетельствующих против него лиц либо когда они дают показания в суде, либо на более поздней стадии.

Считаю, что показания свидетеля, оглашенные в связи с его неявкой в судебное разбирательство, должны признаваться недопустимыми по следующим основаниям:

1. Как уже указывалось выше, непосредственность исследования доказательств есть общее требование судебного разбирательства, а оглашение показаний участников — лишь исключение из этого правила, допустимое в строго определенных законом случаях и процессуальных рамках, что является, в свою очередь, гарантией права на защиту подсудимого. Сущность и назначение непосредственности судебного разбирательства характеризуется тем, что суд получает сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения дела, путем личного восприятия всех доказательств в судебном заседании, а не по письменным материалам дела. Исключительно на основе своего восприятия суд должен сделать выводы по уголовному делу, выраженные в итоговом судебном решении (ч. 4 ст. 302 УПК РФ). Невыполнение этого условия нарушает самостоятельность суда, предопределяет формирование его убеждения материалами, собранными следователем, дознавателем, т.е. стороной обвинения, что исключает роль суда, как независимого и беспристрастного арбитра в уголовно-правовом споре. Резюмируя, хотелось бы отметить, что начало непосредственности заключается в требовании, чтобы все доказательства, с которыми суд сталкивается путем непосредственного восприятия, были восприняты судом от первого лица. Иное нарушило бы требования уголовно-процессуального закона (ст. 240 УПК РФ).

2. В случае оглашения показаний свидетеля при указанных обстоятельствах право на защиту нарушается посредством нарушения предусмотренной законом процедуры исследования доказательств. Право подсудимого на допрос показывающего на него свидетеля останется иллюзорным и теоретическим, если закон и судебная практика не будут делать различий между показаниями свидетелей, данными в присутствии обвиняемого, на публике, в открытом судебном процессе с соблюдением принципов равноправия и состязательности, и показаниями, полученными от свидетеля на предварительном следствии в отсутствие общественного контроля и при наличии потенциальной возможности давления и принуждения. Отсутствие такого различия предрешает результат судебного заседания и не ограждает обвиняемого от фальсификации доказательств правоохранительными органами, а свидетеля — от принуждения, запугивания и пыток со стороны сотрудников этих органов. Если суд использует для доказательства вины человека показания свидетеля, данные на предварительном следствии, то нарушается принцип гласности [3].

В контексте освещенной в статье проблемы актуальными представляются слова Г.А. Джаншиева о том, что «состязательное начало, как справедливо учит теория... составляет одно из общепризнанных и наилучших из всех до сих пор выработанных в цивилизованном мире «ручательств судебной истины» [2, с. 271].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васяев, А.А. О моменте оглашения в суде показаний свидетеля (потерпевшего), данных в ходе предварительного расследования по уголовному делу / А.А. Васяев // Адвокатская практика. — 2013. — № 1. — С. 17–18.

2. Джаншиев, Г.А. Суд над судом присяжных: (по поводу ст. г. Дейтриха и «Гражданина»). Основы судебной реформы / Г.А. Джаншиев. — М. : Статут : Рос. акад. правосудия, 2004. — 316 с.

3. Постановление Европейского суда по правам человека от 10 февраля 1995 г. № 308/96 по делу «Аллене Де Рибемон против Франции» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://europeancourt.ru> (дата обращения: 17.06.2014).

Информация об авторе

Самсонова Ольга Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Samsonova-olga@mail.ru.

Information about the author

Samsonova Olga Aleksandrovna — Candidate of law science, associate of the chair of criminal procedure and public prosecutor's supervision, the Baikal State University of Economics and Law, Lenin St., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: Samsonova-olga@mail.ru.

УДК 343.146
ББК 67.411

О.С. Сергеева

ФОРМИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА» В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается возникновение и развитие понятия «вещественные доказательства» в российском законодательстве.

Ключевые слова: доказательства; вещественные доказательства; уголовное судопроизводство.

O.S. Sergeeva

CONCEPT FORMATION «MATERIAL EVIDENCE» IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the emergence and development of the concept of «material evidence» in the Russian legislation.

Key words: evidence; material evidence; the criminal proceedings.

При рассмотрении природы вещественных доказательств в российском уголовном судопроизводстве особенно важно выясне-

ние трансформации этого понятия как в юридической научной литературе, так и в законодательстве.

Вещественные доказательства являются очень ранним видом судебных доказательств, которые широко использовались в русском процессе [2, с. 5]. Так, по мнению исследователей древнерусских памятников права XVIII в., первое упоминание вещественных доказательств содержалось еще в Договоре Руси с Византией. В ст. 3 указанного договора устанавливалось: «Если какое дело явно будет по представленным показаниям, то мы должны верить при представлении таких». При этом под показаниями понимались внешние признаки события преступления — например, раны, пятна [12, с. 151; 5, с. 134].

В этой связи В. Сергеевич отмечал, что под внешними признаками понимаются любые внешние следы, свидетельствующие о происшедшем событии. К ним он относил, в частности, побои, синие пятна и т.д. При обвинении человека в краже внешним признаком являлась найденная в его доме украденная вещь, а если человек обвинялся в убийстве, то труп. Такие улики на древнем языке носили наименование «лица», отсюда «поличное» [6, с. 585].

По древнему русскому праву лицо, захваченное с поличным, имело право доказывать, что предмет этот перешел к нему законным путем; тогда разыскивали похитителя путем расспроса других лиц. Таким образом, под «поличным» понимались предметы и вещи, обнаруженные у определенного лица, имевшие отношение к совершенному преступлению и указывавшие на это лицо как на совершившее преступление.

До начала XVII в. в России действовал суд общины, когда судебным разбирательством занимались «судные мужи», «лучшие люди», и уголовные дела рассматривались по аналогии с гражданскими тяжбами. В это время вещественные доказательства воспринимались как неопровержимые и в качестве таковых также могли выступать, например, раны [7, с. 13].

Впервые само понятие «вещественные доказательства» было употреблено в Уставе Полевого уголовного судопроизводства 1795 г. (§ 31). В частности, в этом Уставе указывалось, что никто не может «отрицаться» выдать нужные к производству уголовного следствия вещественные доказательства [4, с. 127].

В связи с отменой 28 сентября 1801 г. Александром I пытки как средства доказывания потребовался пересмотр всей системы доказа-

тельств. Это было сделано в Своде законов Российской Империи 1836 г., где в числе вещественных доказательств перечислялись уже не только «внешние признаки» преступления, но и указывалось на инструменты и орудия преступления. Несмотря на то что сам термин «вещественные доказательства» в Своде законов употребляется, в системе доказательств того времени вещественные доказательства отсутствовали. Они были отнесены к несовершенным доказательствам [2, с. 16–17].

В Законе о судопроизводстве по делам о преступлениях 1857 г., закрепившем «теорию формальных доказательств», по косвенным признакам к прообразу вещественных доказательств можно отнести письменные доказательства (ст. 324), личный осмотр, «учиненный на месте преступления и удостоверяющий в действительности оного события» (ст. 327) [3, с. 76].

Принятию Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) предшествовали научные работы, авторы которых обосновывали позицию о необходимости рассмотрения вещественных доказательств наравне со всеми другими. И.Я. Фойницкий в этой связи писал, что «в действительности различие вещественных доказательств и признаков преступления оказывается мнимым, поскольку законодатель хоть и отличает вещественные доказательства от признаков преступления, даваемых местностью, мертвым телом, телесным повреждением, следами насилия, в то же время к вещественным доказательствам относит всякое поличное и вообще все найденное при осмотре места, обыске или выемке» [11, с. 305]. Нельзя не согласиться с мнением В.Л. Будникова, который отмечал, что подобное понимание процессуальной природы вещественных доказательств сохранилось и в начале советского периода уголовного процесса [1, с. 13].

В.Д. Спасович не выделял вещественные доказательства в качестве судебных доказательств. К последним он относил: 1) личный осмотр судьей следов преступления; 2) дополнение этого осмотра: суждение экспертов, разбор и решение знатоками таких вопросов, которые требуют технических познаний; 3) собственное признание обвиняемого; 4) показания свидетелей; 5) письменные документы [7, с. 10].

В то же время, рассматривая личный осмотр в качестве вида доказательств, В.Д. Спасович уже указывал на связь с «исследуемым преступлением» как на один из признаков вещественных доказательств: местность, где преступление совершено, тело человека уби-

того, отравленного, поврежденного — одним словом, того, что в широком смысле называется «поличным». Особое внимание он уделял доказательственному значению вещественных доказательств, отмечая эмпирический, чувственный способ познания, применяемый при их осмотре: «Результаты личного осмотра основаны на одном из самовернейших источников познания — опыте чувственном, который во многих случаях может быть многократно проверен, но на практике: 1) не во всех преступлениях, возможно его применение, потому что есть преступления, не оставляющие после себя следов вещественных, например, обида словом, обманом или мошенничество; 2) даже и в тех преступлениях, которые оставляют после себя следы вещественные, личный осмотр служит почти исключительно для раскрытия объективной лишь стороны преступления», поэтому, по его мнению, зачастую связь предмета с событием преступления устанавливается с помощью других доказательств, таких, как собственное признание, свидетельские показания или цепи умозаключений, выводимых из улик [7, с. 28–29].

Законодательное закрепление понятия вещественных доказательств отсутствовало вплоть до принятия УУС. Статья 371 УУС впервые закрепила вещественные доказательства как самостоятельный вид доказательств: «Вещественные доказательства, как-то: поличное, орудие, коим совершено преступление, подложные документы, фальшивые монеты, окровавленные или поврежденные предметы, и, вообще все, найденное при осмотре места, при обыске или выемке, и могущее служить к обнаружению преступления и к улике преступника, должно быть подробно описано в протоколе с указанием и обстоятельств, сопровождавших отыскание и взятие вещественных доказательств» [10, с. 46].

УПК РСФСР 1922 г. также предусматривал понятие вещественных доказательств в виде дефиниции, которая дополнялась перечислением вещественных доказательств. Статья 66 УПК РСФСР 1922 г. устанавливала: «Вещественными доказательствами являются: предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных» [8].

В последующем УПК РСФСР 1960 г. установил, что «вещественными доказательствами являются предметы, которые служили

орудиями преступления, или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий обвиняемого, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого» (Ст. 83) [9].

Таким образом, с развитием уголовно-процессуального законодательства в содержании статей, закрепляющих понятие вещественных доказательств, прослеживается уточнение и дополнение перечня последних. УПК РФ 2001 г. содержит более лаконичный и в то же время исчерпывающий перечень предметов, признаваемых вещественными доказательствами, поскольку формулировка ст. 81 УПК РФ «установление фактических обстоятельств дела, выявление виновных либо опровержение обвинения или смягчение вины обвиняемого» является тождественной понятию «установление обстоятельств уголовного дела». Согласно ст. 81 УПК РФ, вещественными доказательствами признаются любые предметы:

- 1) которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления;
- 2) на которые были направлены преступные действия;
- 3) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;
- 4) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что в результате исторического развития российского уголовно-процессуального законодательства сформировалось современное отношение к вещественным доказательствам как к предметам, являющимся носителями информации, которая может служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников / Российская юстиция. — 2005. — № 7. — С. 11–14.

2. Выдря, М.М. Вещественные доказательства в советском уголовном праве / М.М. Выдря. — М. : Госюриздат, 1955. — 118 с.
3. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. — М. : Госюриздат, 1950. — 308 с.
4. Линовский, В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В.А. Линовский. — М. : ЛексЭст, 2001. — 240 с.
5. Пахман, С.В. О судебных доказательствах по древнему праву, преимущественно гражданскому, в историческом развитии / С.В. Пахман. — М. : Университет. тип., 1851. — 222 с.
6. Сергеевич, В. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. Сергеевич. — СПб., 1903. — 590 с.
7. Спасович, В.Д. О теории судебных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. — М. : ЛексЭст, 2001. — 93 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. — 1922. — № 20–21. — Ст. 230.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 592.
10. Устав Уголовного Судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. Б.В. Виленский ; под общ. ред. О.И. Чистякова. — М. : Юрид. лит., 1991. — Т. 8. — 496 с.
11. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. — СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. — Т. 2. — 560 с.
12. Эверс, И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. — СПб. : В тип. Штаба отдельного Корпуса Внутренней стражи, 1835. — 422 с.

Информация об авторе

Сергеева Олеся Сергеевна — преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Kora-18@yandex.ru.

Information about the author

Sergeeva Olesya Sergeevna — assistant of the chair of criminal process and prosecutor supervision Baikal State University of Economics and Law, 664003, Irkutsk, Lenin St., 11; e-mail: Kora-18@yandex.ru.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
КАК ОДНО ИЗ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ
ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
СТРАТЕГИИ: В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ И.В. СМОЛЬКОВОЙ¹**

В статье анализируется значение эффективности как обязательного условия формирования уголовно-процессуальной стратегии. Автор раскрывает сущность эффективности и предлагает ее критерии для оценки уголовного судопроизводства. Статья содержит обоснование невозможности оценивать эффективность уголовного судопроизводства по результатам уголовно-процессуальной деятельности, а также разграничивает уголовно-процессуальную, экономическую и производственную эффективность.

Ключевые слова: уголовный процесс; эффективность; целесообразность; справедливость; разумность; стратегия.

I.G. Smirnova

**EFFICIENCY OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
AS ONE OF INDISPENSABLE CONDITIONS OF CRIMINAL
PROCEDURE STRATEGY: IN DEVELOPMENT
OF I.V. SMOLKOVA'S IDEAS**

The article reveals the value of efficiency as indispensable condition of formation of criminal procedure strategy. The author opens essence of efficiency and offers its criteria for an assessment of criminal legal proceedings. Article contains justification of impossibility to estimate efficiency of criminal legal proceedings by results of criminal procedure activity, and also differentiates criminal procedure's efficiency, economical efficiency and production efficiency.

¹ Материал подготовлен в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (Конкурс–МД–2014) на 2014–2015 гг. (договор № 14.Z56.14.2691–МД).

Key words: criminal legal proceedings; efficiency; expediency; justice; rationality; strategy.

Нельзя не отметить, что широта научных интересов доктора юридических наук, профессора Ираиды Вячеславовны Смольковой, глубина и многогранность проведенных ею научных исследований закономерно обусловили не только возможность, но и необходимость их использования в качестве фундаментальной основы для дальнейших научных разработок как отдельных уголовно-процессуальных институтов, так и общих методологических вопросов уголовного судопроизводства и науки уголовно-процессуального права в целом.

Указанное в полной мере касается и вопроса обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Сторонница защиты частных интересов в сфере уголовного преследования, основоположница института тайны в уголовном судопроизводстве, защитница идей компромисса интересов, охраняемых законом, И.В. Смолькова абсолютно права, утверждая, что конструктивной политики без наличия в ее концепции идеи компромисса не существует, что последний является одним из инструментов практической реализации поставленных целей в сложных ситуациях [14, с. 138]. Как представляется, именно потребность достижения баланса между необходимостью осуществления уголовного преследования и защитой прав и интересов личности должна быть положена в основу разработки условия эффективности уголовного судопроизводства.

В последнее время одним из наиболее актуальных направлений научных исследований уголовно-процессуальной деятельности и уголовно-процессуального законодательства является изучение исследователями вопросов комплексного характера: назначения, целеполагания, аксиологической сущности уголовного судопроизводства, соответствия целей и средств процессуальной деятельности и, следовательно, возможных и наиболее приемлемых, необходимых в нашем обществе уголовно-процессуальных стратегий с учетом исторических, социальных, культурных и иных предпосылок.

Затянувшееся состояние постоянного изменения отраслевого законодательства, стремление привнести в российское уголовное судопроизводство правовые институты и механизмы, присущие иностранным правовым системам, необходимость приведения действующего уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными стандартами отправления правосудия по уголов-

ным делам — вот те немногие тенденции, которые детерминируют появление в отечественной науке новых понятий. К числу последних в полной мере можно отнести понятие стратегии уголовного судопроизводства.

Каковы же уголовно-процессуальные стратегии, выявленные в настоящее время учеными-процессуалистами? В этой связи особый интерес представляет классификация стратегий, предложенная Н.Г. Стойко, который выделил следующие классификационные группы:

1. Защита прав и свобод обвиняемого.
2. Уголовное преследование.
3. Социальная поддержка обвиняемого.
4. Социальная поддержка потерпевшего.
5. Рациональность и эффективность уголовного судопроизводства.
6. Примирение [16, с. 24–29].

Вместе с тем нельзя не отметить отсутствие системного подхода к исследованию механизма формирования определенной уголовно-процессуальной стратегии. По большому счету речь идет об исключительной роли законодательной власти, формирующей принципиальные установления уголовно-процессуальной деятельности, поэтому в имеющихся на данный момент исследованиях, посвященных указанной проблеме, основное внимание вполне обоснованно обращается на анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных государств с точки зрения его соответствия определенной стратегии. Вопрос о формировании такого стратегического подхода уголовно-процессуального регулирования остается за рамками научных исследований.

Полагаем, что эффективность уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь, определяется осознанием, исследованием и адекватной, объективной оценкой следующих последовательных этапов:

- выбор уголовно-процессуальной стратегии;
- формирование, законодательное закрепление уголовно-процессуальной стратегии;
- реализация уголовно-процессуальной стратегии.

В данной публикации мы пока остановимся на ключевом вопросе выбора уголовно-процессуальной стратегии, и здесь с особо чувствительной остротой встает вопрос о выработке системы соответствующих критериев и условий. Если о целях уголовного судопроизводства было уже сказано немало, то категории критериев и условий

пока не получили должной научной оценки. Итак, каковой мыслится нами уголовно-процессуальная стратегия?

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что упомянутые нами выше уголовно-процессуальные стратегии, систематизированные и предложенные Н.Г. Стойко, ни в коей мере не исключают друг друга. По его собственному справедливому замечанию уголовный процесс должен рассматриваться как социально-интегративный, в котором стратегии не противоречат, а дополняют друг друга [15, с. 14].

Вместе с тем при выборе стратегии или их совокупности необходимо руководствоваться такими критериями, как:

- справедливость;
- разумность, которая должна пронизывать уголовное судопроизводство в целом, касаясь всех процессуальных действий и решений, не только принуждения, но и поощрения, а также превенции и реабилитации. Иными словами, разумность должна являться общим началом уголовного судопроизводства;
- целесообразность (как соответствие поставленной цели).

И вот здесь при определении целесообразности особое значение приобретает категория эффективности.

Требование целесообразности детерминировано целенаправленным характером уголовно-процессуальной деятельности. Так, А.М. Баранов следующим образом определяет целесообразность: это социально-нравственное свойство законности, которое проявляется в установлении порядка уголовного судопроизводства, обеспечивающего достижение задач с наименьшим применением принуждения к участникам процесса [2, с. 10].

Адекватное формулирование целевых установок уголовного судопроизводства следует признать необходимой предпосылкой его эффективности. «Если надо до сих пор в научной среде доказывать, что принцип целесообразности есть, что у него есть положительный заряд, это симптом болезни, называемой Невежество» [1, с. 12].

В этой связи Л.Н. Масленникова справедливо отмечает, что внутренняя упорядоченность системы уголовного судопроизводства может быть достигнута главным образом за счет функциональной целесообразности действий участников уголовного процесса, которые должны быть направлены на защиту интересов, представляющих социальную ценность [9, с. 208].

Значимость достижения цели, гарантированность результатов подчеркивают также В.Н. Махов и М.А. Пешков. По их мнению, уго-

ловный процесс должен обеспечивать механизм, который стимулирует надежность его результатов [8, с. 43].

Итак, оптимальная стратегия уголовного судопроизводства может быть построена только при совместном учете отмеченных критериев:

- справедливость;
- разумность (логичный порядок вещей с объективной стороны);
- целесообразность (точка зрения рассудка — с субъективной стороны; целевая определенность, соответствие поставленной цели).

Однако реализация указанных критериев возможна при следующих условиях.

В первую очередь — это соблюдение и уважение прав личности. Безусловно, борьба с преступностью, в частности, с киберпреступностью и другими опасными формами глобальной преступности не должны совершаться за счет нарушения прав человека, которые подлежат защите в полной мере [12, с. 149–151]. Данная позиция нашла свое проявление при разработке Советом Европы по линии ОБСЕ Справочного руководства «Соблюдение правил законного и надлежащего процесса в уголовных системах правосудия» в целях создания международных рекомендаций по уголовно-процессуальной процедуре. В этом руководстве подчеркивается необходимость уважительного отношения к правам человека и его основным свободам [11, с. 135–142].

Вторым условием формулирования уголовно-процессуальной стратегии следует, по нашему мнению, признать ее реалистичность. Еще в начале прошлого века, почти 100 лет назад, С. Гаврилов указывал, что построение уголовного процесса определяется господствующими в обществе воззрениями на преступление и наказание [13, с. 333]. Развитие данной мысли можно обнаружить в трудах современных ученых. Так, В.В. Лунеев метко и лаконично отметил: «Принятие законов вопреки реальным возможностям лишь дискредитирует их» [7, с. 110]. В.С. Шадрин также обращает внимание на то, что любая стратегия уголовного судопроизводства может реализовываться в русле стратегии государственной правовой политики *на данном этапе развития государства* [21, с. 199] (курсив мой. — И. С.). Следовательно, необходимо учитывать не только возможности уголовно-процессуального регулирования, но и те ресурсы, которыми в целом располагает государство с учетом сложившихся исторических, культурных, социальных, политических предпосылок функционирования общества.

В-третьих, из вышеизложенного логично вытекает необходимость соблюдения такого самостоятельного условия, как экономичность, с учетом политико-экономической ситуации, сложившейся как в России, так и во всем мировом сообществе. Справедливости ради следует отметить, что еще М.С. Строгович при анализе рационализации уголовного процесса и обосновании его необходимости писал, что данный вопрос получает остроту и особое политическое значение в связи с общей компанией по проведению режима экономии [17, с. 16].

Обоснована и справедлива позиция В.Т. Томина, подчеркивающего, что реализация принимаемых процессуальных решений должна осуществляться в соответствии со здравым смыслом, без лишних, не необходимых затрат [20]. Достаточно лаконична и однозначна по этому вопросу позиция К.Ф. Гуценко: «...экономическая необеспеченность любого начинания — прямой путь к его дискредитации, каким бы хорошим и прогрессивным оно ни было» [5, с. 5].

Наконец, самостоятельным условием стратегического уголовно-процессуального планирования следует признать эффективность. В этой связи крайне важно разграничить эффективность и экономичность, поскольку в сфере применения права реализация правовых установлений может быть эффективной, но не экономичной, или экономичной, но недостаточно эффективной.

Действительно, с точки зрения праксиологии эффективность есть оценка соотношения результата и средств его достижения, в то время, как последние не являются значимой величиной при оценке эффективности чего-либо.

Однако прежде определимся, какова смысловая нагрузка указанного понятия применительно к уголовно-процессуальной деятельности. Так, наиболее распространенным следует признать отождествление эффективности с результативностью, т.е. способностью субъекта достигать поставленных результатов [19, с. 3]. При указанном подходе актуальный характер приобретает проблема соотношения поставленных целей и полученных результатов; уместно ли при этом говорить об эффективности при достижении отрицательного результата?

Во-вторых, встречается понимание эффективности как характеристики не результата, а процесса [6, с. 38].

Компромиссную позицию занимают те авторы, которые усматривают дуалистические начала в понимании эффективности.

Так, например, В.В. Лунеев, давая оценку эффективности борьбы с преступностью, отмечает, что эффективность следует понимать

как действенность или результативность чего-либо [7, с. 106]. Данной точки зрения придерживаются и иные авторы [4, с. 20]. Эффективность также может определяться через категорию рациональности (однако в большей степени это характеризует экономические процессы) [2, с. 535].

Применительно к уголовному судопроизводству решение данного вопроса видится в следующем. Эффективность должна получить оценку с позиций правоприменения, а не его результатов. Это связано с тем, что во всех правоохранительных и судебных органах власти сложилась своя система отчетности, по которой вполне можно судить о том объеме работ, которые выполняются соответствующими ведомствами. Однако эти системы никак не могут ответить на вопрос об эффективности применения соответствующих норм. Рост поступающих в суды жалоб граждан на действия (бездействие), решения должностных лиц органов предварительного расследования может указывать одновременно на недостаточный уровень профессиональной подготовки следователей и дознавателей, допущение ими процессуальных нарушений, отступление от требований уголовно-процессуального закона. Однако та же тенденция может выступать индикатором растущей осведомленности участников уголовного судопроизводства о своих правах и законных интересах, а также способах их защиты. Следовательно, из одной посылки может быть сделано несколько умозаключений.

Во-вторых, уголовное судопроизводство не относится к производственной сфере деятельности, поэтому оценка итоговых показателей уголовного процесса в таком аспекте немыслима.

Таким образом, следует согласиться с В.В. Тирским, который, давая этимологическую характеристику понятию эффективности, отмечал, что эффективность существует реально, это есть ни собственно действие, ни его результат, эффективность характеризует действие [18, с. 16]. Следовательно, говоря об аксиологической сущности эффективности уголовного судопроизводства, следует иметь в виду его способность, готовность и возможность обеспечить и поддержать баланс интересов общества, личности и государства.

Полагаем, что феномен эффективности в уголовном судопроизводстве заключается в следующих взаимообусловленных составляющих. Прежде всего, это быстрота производства по делу. Именно эту позицию занимают 55,6 % опрошенных нами судей, 50,4 % прокуроров, 44,7 % следователей и дознавателей и 50,0 % адвокатов (табл.).

Бесспорно, процессуальная форма (которую образуют также и процессуальные сроки) ценна не сама по себе, а постольку, поскольку является гарантом достижения социально значимых результатов. В этой связи следует согласиться с тем, что увеличение процессуальных сроков дорого обходится государству, а также неизбежно влечет нарушение конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

Более того, в связи с отмеченным учеными «кризисом целей» более уместно вести разговор об эффективности как о действенности. Нам импонирует точка зрения И.Л. Петрухина, который усматривал эффективность в «бесшумном», беспрепятственном развитии правоотношений, в превентивном действии правовых запретов [10, с. 195–196]. В этой связи уместно еще раз обратиться к анализу результатов проведенного интервьюирования различных групп респондентов. По их мнению, эффективность следует усматривать в следующих проявлениях (данные приведены в процентном соотношении к общему числу опрошенных лиц в каждой группе респондентов).

Общественное мнение об эффективности уголовного судопроизводства, %

Вариант ответа	Судьи	Прокуро- ры	Следова- тели, дознавате- ли	Адвокаты
Быстрота производства по делу	55,6	50,4	44,7	50,0
Возмещение потерпевшему причиненного вреда в полном объеме	52,8	58,5	37,3	59,4
Наказание виновного	66,7	87,0	70,8	62,8
Раскрытие всех преступлений	36,1	43,9	38,5	27,8
Защита прав и законных интересов участников	59,7	52,0	47,3	77,8

Иными словами, указанное отношение к пониманию эффективности подчеркивает, что уголовное судопроизводство рассматривается как «работающий механизм», где важное значение придается не столько результату, сколько самому процессу.

Эффективность уголовного судопроизводства в этом смысле можно было бы также продемонстрировать тем, что количество обращений граждан в суд с жалобами на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования не имело бы устой-

чивой тенденции к росту; уголовные дела, прекращенные производством не возобновлялись бы, а пересмотр приговоров, вступивших в законную силу, носил бы действительно исключительный характер. Однако существующие обратные тенденции лишней раз демонстрируют неэффективный характер уголовного судопроизводства.

В чем же видится решение вопроса? Конечно, в формировании новой уголовно-процессуальной стратегии: способной гарантировать достижение назначения уголовного судопроизводства и эффективное установление истины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А.С. Забыть Фойницкого? / А.С. Александров // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. — М. : РАП, 2008. — С. 14–25.

2. Баранов, А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.М. Баранов. — Омск, 2006. — 39 с.

3. Большая экономическая энциклопедия. — М. : Эксмо, 2007. — 816 с.

4. Власов, А. Как повысить эффективность гражданского судопроизводства / А. Власов // Российская юстиция. — 2003. — № 9. — С. 20–23.

5. Гуценко, К.Ф. Судебная реформа: истоки, некоторые итоги и тенденции / К.Ф. Гуценко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. — 1995. — № 5. — С. 3–15.

6. Колобкова, Л. Эффективность норм уголовно-процессуального законодательства / Л. Колобкова // Законность. — 2007. — № 6. — С. 38–39.

7. Лунеев, В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России / В.В. Лунеев // Государство и право. — 2003. — № 7. — С. 106–111.

8. Махов, В.Н. Юристы США о моделях уголовного процесса / В.Н. Махов, М.А. Пешков // Юрист. — 1999. — № 2. — С. 35–46.

9. Масленникова, Л.Н. Факторы, определяющие развитие уголовного судопроизводства в России / Л.Н. Масленникова // Уголовная юстиция: связь времен : материалы междунар. науч. конф. — СПб. : АНО «Ред. журнала «Третейский суд», 2010. — С. 207–212.

10. Петрухин, И.Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И.Л. Петрухин, Г.П. Батуров, Т.Г. Морщакова. — М. : Наука, 1979. — 392 с.
11. Прокофьева, С.Н. Участие России в разработке Советом Европы Справочного руководства по уголовному процессу / С.Н. Прокофьева // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. — М. : РАП, 2008. — С. 135–142.
12. Рахманова, Е.Н. Стратегии сдерживания преступности в условиях глобализации / Е.Н. Рахманова // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. — М. : РАП, 2008. — С. 143–151.
13. Гаврилов, С.Н. Рецензия на кн. : Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям // Юридический вестник / под общ. ред. Б.А. Кистяковского. — М., 1914. — Кн. VII–VIII (III–IV). — СПб., 1914. — С. 333.
14. Смолькова, И.В. Реализация идеи компромисса в уголовном процессе / И.В. Смолькова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000. — Ч. 2. — С. 137–139.
15. Стойко, Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость / Н.Г. Стойко // Российский следователь. — 2006. — № 4. — С. 12–15.
16. Стойко, Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и Романо-германской правовых систем : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Г. Стойко. — СПб., 2007. — 50 с.
17. Строгович, М.С. Избранные труды : в 3 т. / М.С. Строгович. — М. : Наука, 1992. — Т. 2 : Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. — 278 с.
18. Тирский, В.В. К понятию эффективности правовых норм (о смысловом содержании понятия «эффективность») / В.В. Тирский // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. — С. 15–23.
19. Тихомиров, Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2009. — № 4. — С. 3–9.

20. Томин, В.Т. Стратегия уголовного судопроизводства и некоторые ее составляющие: понятийный и терминологический инструментарий исследования [Электронный ресурс] / В.Т. Томин. — Режим доступа: www.iaaj.net.

21. Шадрин, В.С. Трансформация уголовного судопроизводства в контексте правовой политики государства / В.С. Шадрин // Стратегии уголовного судопроизводства : сб. материалов науч. конф. к 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. — М. : РАП, 2008. — С. 195–199.

Информация об авторе

Смирнова Ирина Георгиевна — доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминалистики и судебных экспертиз, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

Information about the author

Smirnova Irina Georgievna — Doctor of Law, Professor, Head of the department of criminalistics and judicial examinations, Baikal National University of Economics and Law, 11, Lenin str., Irkutsk, 664003, e-mail: smirnova-ig@mail.ru.

УДК 343.13
ББК 67.629.3

В.Г. Степанова

НАЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ И ПРЕДЕЛЫ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Статья посвящена вопросам дифференциации уголовного судопроизводства. В ней обосновывается необходимость усиления диспозитивных начал в российском уголовном процессе посредством расширения действия института частного обвинения.

Ключевые слова: частное обвинение; дифференциация уголовного судопроизводства; диспозитивность; частный интерес.

V.G. Stepanova

THE PURPOSE OF THE INSTITUTION OF THE PRIVATE PROSECUTION ACCORDING TO THE ACTUAL CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE LIMITS OF THE PRIVATE PROSECUTION

The article is devoted to differentiation of criminal proceedings. The author demonstrates the need for reinforcement of dispositive principles in the Russian criminal procedure by the extension of the scope of the private prosecution.

Key words: private prosecution; the differentiation of criminal proceedings; dispositivity; private interest.

В 1991 г. в целях проведения в жизнь международных и конституционных положений об основных принципах построения системы судопроизводства была разработана Концепция судебной реформы (далее — Концепция), которая важнейшими направлениями реформирования определила необходимость дифференциации уголовного судопроизводства [17]. В Концепции отмечалось: «В правовом государстве почетную роль играет правосудие, способное сглаживать конфликты и примирять законность с целесообразностью» [7]. Концепция закрепила наиболее смелые и прогрессивные идеи, о которых, однако, нельзя сказать, что они признавались абсолютным большинством в научных кругах.

В юридической литературе по поводу сохранения унифицированного процесса либо углубления его дифференциации велись еще со второй половины прошлого столетия. Противниками дальнейшей дифференциации порядка судопроизводства посредством упрощения процессуальной формы были такие известные процессуалисты, как М.С. Строгович и Ц.М. Каз [13, с. 50–53; 4, с. 65]. Основные их возражения состояли в том, что дифференцированный процесс будет способствовать отступлению от основных принципов уголовного судопроизводства и ущемлению прав лиц, вовлеченных в процесс [13, с. 50–53). Оппонентами сторонников унифицированного уголовного судопроизводства выступали П. Пашкевич и М. Якуб, утверждая, что дифференцированное построение процесса содействует наиболее ра-

циональному и, следовательно, эффективному претворению в жизнь его принципов [8, с. 54; 14, с. 66].

В конце XX в., в свете происходящих социально-политических и экономических потрясений, когда остро встал вопрос о крайнем несовершенстве системы законодательной и судебной защиты прав граждан, а уровень преступности достиг огромных размеров, обсуждение проблемы необходимости дифференциации уголовного судопроизводства интенсифицировалось.

Общественное осознание необходимости смены расстановки приоритетов при построении отношений между личностью и государством в полной мере отразило потребность в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в направлении усиления действия в нем частных начал. А с началом судебного реформирования вопрос об использовании возможностей частного обвинения для достижения целей и назначения уголовного судопроизводства обрел новое звучание. Ведь не зря основой демократического, состязательного судопроизводства всегда признавались множественность форм и субъектов уголовного преследования.

Сейчас можно с уверенностью утверждать, что исторически было предопределено: оптимально действующее уголовное судопроизводство возможно лишь при условии сочетания в нем публичного и частного обвинения. В подтверждение этой мысли можно привести верное высказывание Л.М. Володиной о том, что «в обществе, где нормативное регулирование разумно сочетает в себе частное и публичное начало, наиболее полно защищена сфера частных интересов» [1, с. 143].

Данная тенденция имеет место также и в теории уголовного процесса мирового масштаба. О.С. Семухина в этой связи отмечает, что «очевидной тенденцией, наметившейся в двух исследуемых моделях процесса (обвинительного процесса государств романо-германской правовой семьи и состязательного процесса государств англо-саксонской правовой семьи — *В. С.*), является стремление к разумному сочетанию удовлетворения общественных и частных интересов как альтернативно конкурирующих, но объективно необходимых целей правосудия» [10, с. 20].

Большинством исследователей компромиссным вариантом соотношения публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве признается действие в нем института частного обвинения. Такой точки зрения придерживались ученые советского периода: А. Боро-

данков, В.З. Лукашевич, С.И. Катькало, П.С. Элькинд. В наше время это мнение высказывали: В.В. Дорошков, Л.М. Володина, С.А. Шейфер, Н.Е. Петрова, Ф. Багаутдинов, Н.Н. Ковтун, В.В. Воронин, Ю.Е. Петухов и многие другие.

Поддерживая данных ученых и анализируя тенденции развития уголовно-процессуального законодательства по усилению диспозитивных, частных начал и развитию дифференцированных форм судопроизводства, представляется необходимым отметить, что производство по уголовным делам в порядке частного обвинения полностью отвечает международным принципам отправления правосудия.

Современное состояние правового регулирования производства по уголовным делам частного обвинения позволяет определить преимущества применения этой процессуальной формы по сравнению с иными формами судопроизводства. К ним можно отнести следующие:

- максимальное приближение наказания к моменту совершения преступления;
- усиление профилактического воздействия форм уголовного судопроизводства;
- обеспечение экономии процессуальных сил и средств при осуществлении правосудия;
- удешевление уголовного судопроизводства;
- обеспечение оптимальных условий для расследования правоохранительными органами более тяжких преступлений за счет сокращения временных и трудовых затрат на расследование уголовных дел о преступлениях небольшой тяжести, отнесенных к категории дел частного обвинения.

В период разработки проектов Уголовно-процессуального кодекса РФ учеными-процессуалистами и практиками активно обсуждались назревшие проблемы судебного производства по делам частного обвинения и вопросы его реформирования. Несмотря на общую тенденцию усиления диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве, в части регламентации производства по делам частного обвинения новый УПК РФ во многом повторил нормы старого законодательства, не пойдя даже на расширение составов преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения. Такая позиция законодателя отразила некоторое недоверие к данной процессуальной форме.

Тем не менее представляется необходимым обратить более пристальное внимание на судопроизводство по уголовным делам частного обвинения, поскольку оно имеет немалые потенциальные возмож-

ности по разрешению существующих проблем по судебной защите прав граждан.

В качестве обоснования данного положения хотелось бы остановиться на таком аспекте проблемы, как неудовлетворительное состояние деятельности правоохранительных органов. В настоящий момент уровень правоохраны в нашем государстве характеризуется продолжающейся негативной криминальной ситуацией, что создает большую напряженность в обществе. Преступность представляет реальную угрозу национальной безопасности. Помимо этого, вне сферы государственно-правового реагирования остается огромный массив латентной преступности. В сложившихся условиях, как обоснованно отмечает И.В. Смолькова, «состояние преступности в нашей стране и те возможности, которыми обладает судебно-правоохранительная система, пришли в состояние конфликта» [12, с. 137].

В соответствии с изложенным находит очередное подтверждение мысль о назревшей потребности эффективного применения возможностей института частного обвинения в вопросе экономии процессуальных сил и средств.

Другим аспектом вопроса о возможностях судопроизводства по делам частного обвинения является проблема соблюдения баланса между интересами государства и личности. В связи с провозглашением в Конституции РФ концептуального положения о верховенстве прав и свобод личности над государственными и общественными интересами права каждого человека при вовлечении его в орбиту уголовного судопроизводства выступают важнейшим фактором, определяющим назначение, содержание и формы процессуальной деятельности при производстве уголовных дел. Современная методология реформирования уголовного судопроизводства предусматривает максимальное сообразование его с правами человека.

Несмотря на то что уголовный процесс имеет ярко выраженный публичный характер, в нем присутствует и диспозитивное начало. Принцип диспозитивности положен в основу правового регулирования производства по уголовным делам частного обвинения. В юридической литературе под принципом диспозитивности понимается «свобода личности распоряжаться процессуальными правами, определяющими возникновение, движение и окончание процесса» [2, с. 23]. Из содержания данного принципа вытекает следующее положение: охраняемый уголовным законом личный интерес в некоторых

случаях имеет преобладающее значение перед такой важной социальной ценностью, как установление истины.

Поскольку для определенной категории преступлений, очерченной законодателем, характерным является превалирование частных интересов над общественными или государственными, государство не должно вмешиваться в разрешение частных вопросов, возникающих в связи с совершением преступления. По делам частного обвинения государство не должно решать вопроса о возбуждении, продолжении и прекращении уголовного преследования. Вся полнота ответственности за осуществляемое обвинение по рассматриваемой категории дел полностью возлагается на частного обвинителя. Гражданин должен осознавать возможность судебной защиты его прав и возможность свободно распоряжаться своими процессуальными правами, предопределяющими возникновение, движение и окончание процесса. В этой связи уместно вспомнить высказывание известного дореволюционного русского процессуалиста И.В. Михайловского: «...возбуждение преследования против нарушителей всех частных субъективных прав должно быть в принципе обусловлено желанием потерпевшего, вестись от его имени, и даже прекращаться за отказом потерпевшего; государство может лишь оказывать помощь в той или иной форме потерпевшему в некоторых случаях нарушения его прав; оно может само выступать в качестве обвинителя только тогда, когда нарушение частного права представляет вместе с тем серьезную опасность для прав других лиц, для прав государства или для общего блага» [6, с. 588].

Предоставление потерпевшему возможности выбора способа защиты своих прав является проявлением свободы личности в уголовном процессе. В сфере частного обвинения «движущим началом должен быть личный интерес гражданина, который, осознавая ценность своих прав и свобод, вправе самостоятельно решить, как и в каком порядке ему отстаивать свой нарушенный интерес. Обращаться или не обращаться к государству за защитой своего нарушенного права либо решить спор частным образом, не прибегая к услугам репрессивных государственных органов» [5, с. 69].

Определение круга дел частного обвинения должно основываться на разумном разграничении приоритетов в уголовном судопроизводстве. При решении данного вопроса следует помнить о публичном характере уголовного процесса и о субсидиарном (вспомогательном) характере действия частных начал. Абсолютной неприкосновенно-

стью в этом смысле обладают такие публичные интересы, как защита жизни человека, обеспечение общественной безопасности, защита основ конституционного строя, обеспечение обороны и безопасности государства.

В то же время нельзя забывать и об опасности безосновательного расширения сферы действия публичного начала. «Гипертрофирование принципа публичности, — как совершенно верно отмечает И.Л. Петрухин, — лишь внешне носит гуманный характер. На самом же деле это неуважение личности, с волеизъявлением которой перестают считаться якобы в ее же интересах» [9, с. 19]. Если оценивать проблему в целом, то сдвиг в пользу увеличения объема обязанностей и ограничения прав ведет к усилению репрессивности в государственной политике. Такое положение не должно быть характерно для правового и демократического государства.

Система уголовной юстиции должна быть нацелена не просто на решение вопроса борьбы с преступностью, но и на обеспечение прав человека, в том числе и законопослушных граждан. Таковыми в первую очередь являются потерпевшие.

Ученые-процессуалисты неоднократно обращались к проблеме отграничения действия частного начала от публичного в уголовном судопроизводстве. Вопрос о том, как наиболее верно определить ту грань, где заканчиваются интересы общества и государства и начинаются интересы конкретной личности, вероятно, не имеет однозначного ответа. Ведь граница между сферами публичного и частного очень тонка и подвижна, и определить ее непросто. От успешности определения этой своего рода «золотой середины» будет зависеть уровень защищенности прав граждан и удовлетворенность последних работой государства по восстановлению нарушенных преступлениями прав.

По действующему УПК РФ к числу преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, относятся неквалифицированные составы умышленного причинения легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ), побоев (ч. 1 ст. 116 УК РФ) и клеветы (ч. 1 ст. 128¹ УК РФ).

Главенствующее значение в определении круга составов преступлений, которые могут преследоваться в порядке частного обвинения, имеет вопрос об основаниях выделения частного обвинения в отдельный вид обвинения, а дел частного обвинения — в особую категорию дел. Следует заметить, что процессуалистами, занимавшимися исследованием института частного обвинения, для определения

параметров разграничения уголовных дел в зависимости от вида обвинения, применялась различная терминология (мотивы, соображения, основания). Между тем основание — философская категория, под которой принято понимать «совокупность фактических данных, подтверждающих наличие или отсутствие обстоятельств, с которыми связывается тот или иной процесс, явление» [3, с. 22], поэтому представляется целесообразным использование именно этого наиболее подходящего для отражения сути явления термина.

Основываясь на анализе уголовно-процессуальной литературы по данной проблеме, можно выделить следующие основания для очерчивания круга дел, подлежащих рассмотрению в порядке частного обвинения. Таковыми основаниями, подлежащими рассмотрению в совокупности, являются:

- особая сущность (природа) этих преступлений, посягающих в основном на субъективные права граждан в сфере бытовых, семейных, дружеских отношений;

- относительно невысокая степень общественной опасности таких преступлений: оценка которой зависит от усмотрения потерпевшего;

- возможность урегулирования возникшего конфликта и установления нормальных отношений без вмешательства судебных органов (посредством примирения сторон, в частности).

Изложенные основания отграничения частного обвинения от иных его видов являются по своей сути материально-правовыми основаниями, однако можно выделить и основания, обуславливающие необходимость разграничения в зависимости от процессуальных особенностей судопроизводства, т.е. процессуальные основания. К таким можно отнести: отсутствие необходимости в проведении предварительного расследования, необходимость получения показаний потерпевшего для правильного рассмотрения дела, поскольку именно потерпевший определяет степень значимости нарушенных интересов и определяет способ их защиты.

Каждое из перечисленных оснований в отдельности не может претендовать на отнесение из-за него какого-либо преступления к категории преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения. Однако их совокупность дает наиболее полную характеристику преступлений, которые могут быть отнесены к рассматриваемой категории.

Конечно, даже руководствуясь выработанными положениями об основаниях выделения дел частного обвинения в особую категорию дел, сложно решить, каким образом из преступлений одинаковой степени тяжести произвести выбор более или менее значимых преступлений, определив, что для дел одной категории необходимо применять разные формы процессуального разбирательства.

Конкретизируя первое основание выделения дел частного обвинения в особую группу уголовных дел, представляется необходимым подвергнуть детальному анализу категорию частного интереса в качестве определяющего критерия дифференциации уголовного судопроизводства.

Публичное начало, служащее основой уголовного процесса, подчинено не только государственным, общественным, но и частным интересам, ведь в правовом государстве в основе любого вида его деятельности лежит принцип приоритетности прав и свобод личности. В демократическом обществе частный интерес любого гражданина представляет собой самостоятельную, отнюдь не меньшую ценность, чем общественный либо государственный интерес, и потому законодатель допускает действие частных начал даже в уголовном судопроизводстве, несмотря на доминирующее положение в нем принципа публичности. Частный интерес в уголовном судопроизводстве лежит в основе действия диспозитивных начал, позволяющих учитывать мнение участников процесса по уголовному делу. Представляется, что частный интерес должен быть положен в основу дифференциации уголовного судопроизводства. При определении круга дел частного обвинения необходимо в качестве основного признака разделения рассматривать объект преступного посягательства, которым для уголовных дел частного обвинения должны выступать общественные отношения, затрагивающие в большей степени частные интересы граждан, нежели общественные и государственные. Данное положение может быть проиллюстрировано совершенно обоснованным высказыванием И.В. Смольковой о том, что диспозитивное начало в уголовном процессе может быть представлено также делами о преступлениях, где в качестве объекта посягательства выступают различного рода тайны [12, с. 42]. Действительно, содержание некоторых видов тайны (личная, семейная, врачебная, усыновления и т.п.) составляют сведения, неразглашение которых имеет сугубо частный интерес, в связи с чем представляется необходимым отне-

сение данной категории преступлений к числу преследуемых в порядке частного обвинения.

Подводя итоги, можно резюмировать следующее.

Уголовно-процессуальное законодательство является одним из главных средств реализации государственной политики в сфере защиты прав и свобод граждан и противодействия преступности.

Приоритетным направлением совершенствования уголовно-процессуального законодательства в соответствии с международными стандартами следует признать дальнейшее развитие диспозитивных начал, в частности, посредством усиления позиций частного обвинения в уголовном судопроизводстве.

Выделение уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, с существенными особенностями производства по ним, позволяет в максимальной степени учитывать частные интересы потерпевших и полностью соответствует требованиям, которые предъявляются к правосудию в правовом государстве. Расширение круга дел, преследуемых в порядке частного обвинения, является настоятельной потребностью времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина, Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе / Л.М. Володина. — Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1999. — 172 с.

2. Дорошков, В.В. Судопроизводство по делам частного обвинения / В.В. Дорошков // Российская юстиция. — 1995. — № 9. — С. 23–25.

3. Дорошков, В.В. Частное обвинение: правовая теория и судебная практика / В.В. Дорошков. — М. : НОРМА, 2000. — 144 с.

4. Каз, Ц.М. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства / Ц.М. Каз // Социалистическая законность. — 1975. — № 1. — С. 65.

5. Ковтун, Н.Н. Соотношение частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве РФ: время выбора / Н.Н. Ковтун // Государство и право. — 1995. — № 11. — С. 66–67.

6. Михайловский, И.В. Очерки философии права / И.В. Михайловский. — Томск : Печатня С.П. Яковлева, б. г. и. — Т. 1. — 601 с.

7. О концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верхов. Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 44. — Ст. 1435.

8. Пашкевич, П. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать / П. Пашкевич // Социалистическая законность. — 1974. — № 9. — С. 54.

9. Петрухин, И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России / И.Л. Петрухин // Государство и право. — 2002. — № 5. — С. 54–56.

10. Семухина, О.Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем / О.Б. Семухина. — Томск : Изд-во НТЛ, 2002. — 94 с.

11. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М. : Луч, 1999. — 336 с.

12. Смолькова, И.В. Реализация идеи компромисса в уголовном процессе / И.В. Смолькова // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов науч.-практ. конф. — Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000. — Ч. 2. — С. 137–139.

13. Строгович, М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М.С. Строгович // Социалистическая законность. — 1974. — № 9. — С. 53–54.

14. Якуб, М. Порядок уголовного судопроизводства следует дифференцировать / М. Якуб // Социалистическая законность. — 1975. — № 1. — С. 66–67.

Информация об авторе

Степанова Вероника Георгиевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВПО «Восточно-Сибирский институт МВД РФ», 664008, г. Иркутск, ул. Ярославского, 246-4, e-mail: step_veronika@mail.ru.

Information about the author

Stepanova Veronika Georgievna — Ph.D., the assistant professor of the Chair of criminal procedure, East-Siberian Institute of Ministry of the Interior of Russian Federation (MOI), Yaroslavskogo St., 246-4, Irkutsk, e-mail: e-mail step_veronika@mail.ru.

УЧАСТИЕ ПСИХОЛОГА В ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается вопрос об участии психолога в производстве следственных действий с участием несовершеннолетних. Проанализировав действующее уголовно-процессуальное законодательство, автор делает вывод о необходимости внесения в него изменений с целью большей правовой защиты несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное следствие; судебное разбирательство; следственные действия; защита прав несовершеннолетних.

А.А. Usachev

PARTICIPATION OF THE PSYCHOLOGIST IN PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS

In article the author considers a question of participation of the psychologist in production of investigative actions with participation of minors. Having analysed the criminal procedure legislation, the author draws a conclusion about need of introduction of changes in it for the purpose of bigger legal protection of minors.

Key words: Criminal procedure; preliminary investigation; the trial; investigative actions; protection of rights of the minors.

Произошедшие в нашей стране в конце 80-х гг. прошлого века события обусловили переоценку социальных ценностей, повлекли изменение приоритетов в пользу конкретного человека, а не государства. Такое изменение приоритетов достаточно глубоко укоренилось в общественном сознании, однако не нашло пока еще полного отражения в законодательстве, в том числе уголовно-процессуальном.

Как справедливо отмечает Д.В. Белых-Силаев, «психическое состояние и поведение людей, вовлеченных в уголовный процесс, будь то потерпевшие, свидетели, иные участники, изменяются под воздействием события преступления и отличаются от повседневного» [1, с. 38]. Это высказывание становится еще более значимым в тех слу-

чаях, когда речь идет о несовершеннолетних участниках уголовного судопроизводства — лицах, нуждающихся в усиленной правовой защите.

В этой связи актуальным становится вопрос обеспечения права несовершеннолетних лиц, попавших в орбиту уголовного судопроизводства, на помощь психолога при производстве следственных действий.

Статья 164 УПК РФ устанавливает общие правила производства следственных действий. Специальными статьями УПК РФ регламентируется порядок производства конкретных следственных действий. И ни в одной из этих статей не предусмотрено участие в производстве следственных действий психолога. Лишь ч. 3 ст. 425 УПК РФ, закрепляющая порядок допроса несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, устанавливает, что в допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

В ст. 425 УПК РФ предусмотрено: следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе (ч. 4); педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей; эти права следователь, дознаватель разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе (ч. 5); порядок, установленный частями первой, второй, третьей и пятой данной статьи, распространяется и на проведение допроса несовершеннолетнего подсудимого (ч. 6). Таким образом, в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого может принимать участие педагог или психолог.

Несколько иной подход вытекает из анализа положений УПК РФ, регламентирующих допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 191 УПК РФ допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего, свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет проводятся с участием педагога.

Статья 280 УПК РФ, закрепляющая особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в ходе судебного разбирательства, устанавливает: при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению суда и в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет участвует педагог, при этом допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога (ч. 1); до начала допроса несовершеннолетнего председательствующий разъясняет педагогу его права, о чем в протоколе судебного заседания делается соответствующая запись (ч. 2); педагог вправе с разрешения председательствующего задавать вопросы несовершеннолетнему потерпевшему, свидетелю (ч. 3); по окончании допроса потерпевший или свидетель, не достигший возраста восемнадцати лет, педагог, присутствовавший при его допросе, а также законные представители потерпевшего или свидетеля могут покинуть зал судебного заседания с разрешения председательствующего (ч. 7).

Анализируя данные положения уголовно-процессуального закона, необходимо отметить следующее. Во-первых, не совсем ясна позиция законодателя, устанавливающего разный подход к участию психолога и педагога в производстве допроса в зависимости от того, относятся допрашиваемые несовершеннолетние к стороне защиты или к стороне обвинения.

Непонятно, почему в уголовно-процессуальном законодательстве для несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых закреплены повышенные правовые гарантии, по сравнению с несовершеннолетними свидетелями и потерпевшими. Как справедливо отмечает И.В. Смолькова, «право... призвано... способствовать достижению социальной справедливости» [2, с. 3]. В анализируемом же случае ни о какой социальной справедливости речи не идет. Если в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога является обязательным, то применительно к допросу потерпевших или свидетелей предусмотрено участие только педагога и только в допросе потерпевших или свидетелей в возрасте до четырнадцати лет (целесообразность участия педагога в допросе потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет определяется следователем).

Во-вторых, участие в допросе несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, не достигших возраста 16 лет, психолога (лица, занимающегося изучением проявлений, способов и форм организации психических явлений личности) имело бы большее значение с точки зрения решения задач уголовного судопроизводства, нежели участие педагога (специалиста, занимающегося воспитанием и обучением человека).

В-третьих, учитывая сущность ряда следственных действий и их родство с допросом, большое значение имело бы присутствие психолога при производстве очной ставки (ст. 192 УПК РФ), при предъявлении для опознания (ст. 193 УПК РФ), проверке показаний на месте (ст. 194 УПК РФ).

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ ч. 1 ст. 191 УПК РФ изложена в следующей редакции:

«Статья 191. Особенности производства допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего

1. При производстве допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие специалиста в области возрастной или педагогической психологии обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего шестнадцатилетнего возраста, специалист в области возрастной или педагогической психологии приглашается по усмотрению следователя. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля проводится при обязательном участии его адвоката и не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день. При допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля вправе присутствовать его законный представитель».

Данное положение начнет действовать с 1 января 2015 г. При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога будет обязательным.

Не совсем понятно, почему законодатель предусмотрел участие педагога или психолога при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования, но не предусмотрел этого при производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в ходе судебного разбирательства (в ст. 280 УПК РФ «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля» изменения не вносились).

В УПК РФ не урегулирован процессуальный статус участвующего в производстве допроса психолога. Исходя из законодательной дефиниции, закрепленной в ч. 1 ст. 58 УПК РФ (специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном УПК РФ, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию), представляется, что психолог (равно как и педагог) участвует в производстве следственного действия в качестве специалиста.

Учитывая опыт белорусского законодателя, прямо установившего в ч. 1 ст. 62 УПК Республики Беларусь [3], что педагог или психолог, участвующие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, являются специалистами, соответствующее положение, думается, следует закрепить и в российском уголовно-процессуальном законе. Часть 1 ст. 58 УПК РФ необходимо дополнить предложением: «Процессуальным статусом специалиста обладает психолог, участвующий в допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний на месте с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белых-Силаев, Д.В. Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшими при возникновении острой реакции на стресс / Д.В. Белых-Силаев // Юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 38–40.

2. Смолькова, И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И.В. Смолькова. — М. : Луч, 1999. — 335 с.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900295#load_text_none_1_ (дата обращения: 31.05.2014).

Информация об авторе

Усачев Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации правоохранительной деятельности, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 47, e-mail: a.usachov@mail.ru.

Information about the author

Usachev Alexandr Alexandrovich — Ph.D. in law, the assistant professor of the Organization of Law-enforcement Activity Chair, Kutafin Moscow State Law University, Leningradsky prospekt, 47, Moscow, 125167, e-mail: a.usachov@mail.ru.

Научное издание

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск 2 (6)

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 14.06.14. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 11,6. Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.